ЗАПИСКИ КОНАРМЕЙЦА

НИКОЛАЙ РАКИТИН

ФЕДЕРАЦИЯ

НИКОЛАЙ РАКИТИН

ЗАПИСКИ КОНАРМЕЙЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА
1 9 3 1

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Николай Васильевич Ракитин

ОБЛОЖКА РАБОТЫ ХУД. Б. ТИТОВА

УПОЛНОМ. ГЛАВЛИТА В—5859
ФЗУ „МОСОБЛПОЛИГРАФ"
ТИРАЖ 5200
ЗАКАЗ 919
ФОСП № 572

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
35092
64014
64014

От Кубани
И до Львова,
С Львова
В Таврии равнины
Птицей кони
Пролетели,—
Целовали пыль
Копыта

БОЙЦАМ, КОМАНДИРАМ
И ПОЛИТРАБОТНИКАМ
РОДНОЙ
ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ
ПОСВЯЩАЮ

Автор

ОТ АВТОРА

«Записки конноармейца» — отрезок моего жизненного пути от офицера военного времени до коммуниста и командира Рабоче-крестьянской Красной армии.

Он пролег через фронты гражданской войны, вписав в память Ростов, Львов, Замостье, Чонгар, Перекоп. Я прошел его плечо к плечу с десятками тысяч конноармейцев.

«Записки конноармейца» — частица истории Первой Конной армии. Только частица того огромного, чем была Первая Конная в период гражданской войны.

Никаких «мук» переделки человека, никаких бесед с самим собой в тиши кабинета читатель здесь не найдет. Не было всего этого. Переделка прошла просто и незаметно. Я вступил в новую семью и сразу почувствовал: это свое, настоящее, я здесь как дома.

Вместе с массой я рос, отшлифовывался. Нога в ногу с миллионами прошел я под руководством коммунистической партии к победе на фронтах гражданской войны. И написал об этом.

Вот и все...

Николай Ракитин

1. РАЗВАЛ

КОНЕЦ СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Вот уже год, как «доблестные» войска русского царя вошли в пределы «союзной» Румынии, вступившей в мировое побоище на стороне Антанты.

«Избавителей» встречали с триумфом. Полотнищами всех цветов полыхали навстречу города. Улицы тонули в море цветов. От Ясс до Бухареста гремели оркестры. Не было предела ликованию нищего, миролюбивого народа-музыканта.

Пришедшим отдавалось все лучшее, самое дорогое. Их встречало все население — старики, женщины, дети.

Но прошел только год. «Избавители» втоптали цветы в грязь, объели страну, сожгли то, чего не могли ни съесть, ни вывезти, разграбили города и села, изнасиловали женщин и девочек-подростков и... отдали всю страну от Крайва до Браилова, Факшан и Ясс — немцам.

«Избавители» бежали через всю ограбленную, выжженную, изнасилованную ими страну, провожаемые проклятьями.

Теперь фронт протянулся от Балтийского до Черного моря.

Дорога смерти пролегла через румынские поля, города и села.

«Доблестное» воинство винило в поражении самих румын. Оно издевалось над немногими оставшимися.

За фронтом румынских частей располагались, на всякий случай, «верные» русские части. В немногочисленных остатках населенных пунктов «избавители» себя держали оккупантами, продолжая обливать, ожирать, насиловать.

Восьмой уланский Вознесенский полк с сентября месяца стоял в резерве над рекой Прут, в нескольких десятках километров от города Галац. От Румынии остался крохотный кусочек,— резервов негде было расположить.

Случайно или нет, — только в полк редко поступали новости. Он варился в собственном соку, жил догадками, сплетнями. Он разделился на два, пока не враждующих, но живущих врозь лагеря. В одном был штаб полка с кадровым офицерством, подавляющим большинством офицерской молодежи и стариками-вахмистрами. В другом — полковой комитет и солдатская масса. В штабе по всяким пустяковым поводам скрипят над исходящими и входящими, буквально затопившими полк. В комитете ликвидируют конфликты.

Не успеешь помирить полковника Модчавариани с первым эскадроном, — мири штабс-ротмистра Горавского с его вестовым или растолковывай «законность» офицерского собрания и «неприкосновенность» вековых традиций.

Придешь в офицерское собрание: хмурые физиономии, прерванный разговор, кривенькие улыбки. Спу-

стишься в эскадроны, в толщу,— среди окружающих неудовлетворенность, настороженность, ожидание.

Все ходят и говорят как-то особенно, не так, как раньше.

И там, в штабе, и в офицерском собрании, и здесь, по избам и сараям на селе, чего-то ждут. Установленный веками порядок отношений лопнул, как мыльный пузырь, а нового еще нет.

Тошно сидеть между двух стульев. Чужим стало офицерское собрание, а те, что толкуют на завалинках о земле, хлебе, побывке, — не совсем еще понятны. Нудно тянутся дни.

Затерянный в глуши Бессарабии, отрезанный, забытый, полк чего-то ждет, на что-то надеется.

Вечером золотистого осеннего дня адъютант попросил меня на квартиру к командиру полка, полковнику Браеско.

У командира картеж. За столом в клубах дыма — хозяин, поручик Суходольский, Горавский и еще два молодых офицера.

Полковнику не везет. Как всегда в таких случаях, он пыхтит и потеет.

— А, Николай Васильевич! — с тех пор как я в полковом комитете, командир полка называет меня даже в строю по имени и отчеству.— Садитесь, получайте карты и послушайте, что я вам скажу.

Поздоровавшись со всеми, я подвинул стул, взял карты и приготовился слушать.

— Нам приказано перед рассветом выступить в Белград и навести там порядок: пехота разбила водоч-

ный завод, склады,— безобразит. Как думаете насчет наших орлов, а? — спросил он, отложив карты и повернувшись ко мне.

Я, не задумываясь, ответил:

— Без сомнения полк поймет всю недопустимость такого явления и восстановит порядок.

— Благодарю вас. Я не сомневался в том, но хотел поставить вас в известность, чтобы вы заблаговременно сообщили людям причину выступления.

В разговор вступил поручик Суходольский:

— Этот маленький променад будет лучшей проверкой дисциплинированности полка, а значит и вашей работы,— работы полкового комитета,— заметил он.

— Не знаю, как другие эскадроны, а за первый ручаюсь,— прокартавил штабс-ротмистр Горавский, вытягивая углы карт в поисках джокера.

Командир полка, видимо уже забыв обо всем кроме карт, посапывал.

Мне не везло, посидев для приличия час-другой, я откланялся и пошел в полковой комитет.

К двенадцати часам ночи необходимая работа была закончена и перед рассветом пять эскадронов потянулись на рысях к Белграду.

Подъехали на рассвете. Над противоположной окраиной города стояло облако дыма. Несмотря на ранний час, по улицам сновали люди: солдаты с котелками, штатские с мешками.

Быстро промелькнули открытые глаза домов, и полк вынырнул из узкой улички на большую площадь окраины.

Прямо перед нами дымились корпуса водочного завода. Площадь кишела людьми. Здесь были тысячи. Разорвавшись эскадронами, полковая лента петлей охватила площадь и завод.

Пестрое месиво серых шинелей и штатских пальто — пьяных, полупьяных и трезвых — с четвертями, бутылками, котелками, снует взад и вперед. Появление конницы встречено враждебно. Кое-где слышатся крики, ругань.

Я въехал во двор горящего завода. Запах спирта ударил в нос.

Спешенный первый эскадрон уже приступил к работе. Уланы оцепили подвал, на них напирала беснующаяся человеческая стена.

— Братики, дорогие! Я сорок верст шел, братики,— размахивая бутылью, кричал артиллерист в рваной шинели.

За толпой прилип к котелку плюгавый солдатишка. Его окружили уланы.

— Хочу — пью, хочу — нет... Слобода! — отрывая губы от котелка, басом кричит сморкач.

К галдежу примкнул звон разбиваемых бутылок. По стоку, обложенному камнем, через весь двор потекла водка. Десятки людей приникли к сорокаградусному с колен и лежа, десятки людей, как стадо в реке в жаркий день.

Их оттаскивают от стока за ноги, за волосы.

— Уйди, у-у-уйди! — вопит ком серого тряпья, лакая текущую жижу.

Уланы тянут его за тряпье, а он бьет их откуда-то

выскочившими ногами. Какой-то обросший волосами, словно грязной паклей, зачерпнул пригоршней мутную жидкость и стал поливать ее себе на голову и плескать в подходивших.

Через двор ведут седенького, сухенького чиновника с мешком.

Остановились около меня. Из мешка вынули две четверти.

У чиновника жалкий вид; его глаза слезятся, губы трясутся, руками он тянется к отобранным четвертям.

— Голубчики, граждане, товарищи солдаты, господин офицер! Ваше, ваше... — лопочет он.

Удар четвертью в землю для него хуже удара молотком по голове.

После каждого броска и звона чиновник вздрагивает, как бы врастая в землю. Вот летит последняя четверть, и, с воем бросив мешок, схватившись за голову, он бежит на площадь.

Вот волокут пехотинца. У него на веревке через плечо болтаются привязанные бутылки и полубутылки. Солдат уцепился за веревку, кричит. У него пытаются вырвать веревку. Вдруг он отскакивает и начинает вертеть вокруг десяток бутылок, будто оглоблю. По ним бьют шашками.

Разбитые бутылки охают. И вот на веревке болтаются только красные да белые головки.

Прошло полдня, а толпа кругом завода не только не убывает, но растет и растет. Запах спирта притягивает на площадь новые десятки и сотни. Со двора уже выволокли несколько трупов опившихся.

Члены полкового комитета сообщили мне со слов улан, что вестовые некоторых офицеров понесли водку по квартирам.

В моем взводе от нескольких солдат попахивает спиртом. Приложились к сорокаградусной и в первом и в пятом эскадронах.

Командира четвертого эскадрона, подполковника Живалло, младшие офицеры эскадрона уложили в кровать. Бравый командир не выдержал «испытания».

Положение становилось все хуже. Уличенные в выпивке уланы четвертого эскадрона в один голос заявили, что на них подействовал «винный дух». Они «надышались».

Приближался вечер и «дух» грозил подействовать на добрую половину полка. Перед сорокаградусной пришлось сдать.

В сумерках, под залихватские песни, полк ушел из пьяного Белграда в свое село.

Почти неделю после ликвидации «белградской пьянки»,— так окрестили уланы водочное усмирение,— вахмистры эскадронов докладывали по начальству о случаях «нетрезвенного» состояния улан. Просчитались мы с вами, господин полковник! Полк не выдержал испытания,— это было ясно для всех. Устои подгнили, зашатались, осели.

ПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ

Дни бежали вперегонку. С деревьев сползала позолота, узорчатым вязаньем застилая землю. Холодней становилась вода в Пруте.

Полк тянуло домой.

И не только улан. «Этой болезней», как говорил пахмистр второго эскадрона Петров, заразился и унтер-офицерский состав и молодое офицерство.

Держались только старики — кадровики-офицеры.

Молодежь в офицерском собрании все чаще и чаще поднимала разговоры о проигрыше войны, о ее безуспешности, о бессмысленности бойни.

Кадровики рассчитывали на боевую удачу, которая поднимает дух. Все разговоры были смазаны приказом из штаба дивизии. В нем смутно сообщалось о предстоящем лихом кавалерийском деле.

Полк зашевелился. Полковому комитету горячка.

Все было собрано в один день.

В восьмидесятикилометровый марш выступили ночью, чтобы не быть обнаруженными немецкой авиацией.

Ночь в пути.

Куренье в кулак, разговоры урывками... Десять, двадцать, тридцать километров мирного, баюкивающего покачивания в седле. Хочется спать. Неужели когда-нибудь можно будет лечь хоть на пол, на землю? Стог сена лучше всякого пуховика.

Чуть не с болью продираю слипающиеся глаза. Кругом темень, неподвижная, страшная. Впереди мерный конский шаг. Больше догадкой, чем глазами, нащупываю спину передо мной.

Нет, спать не буду. Глаза закрою, а спать не буду. Почему не закрыть? Можно ведь ехать закрыв глаза, слегка упираясь кулаком с зажатыми поводьями в переднюю луку.

Подумаю о доме. Теперь у нас — осенняя угасающая жара. Как хорошо на Волге такой вот осенней ночью! Ветерок волжский. Звездное небо. Словно бы донесся гудок парохода.

Толчок возвращает в Бессарабию, в темную ночь, в седло.

— Ногу засечешь! Спите, что ли? — стучит из тени в голову хриплый голос.

Впереди подковы зачавкали чаще. Меня толкнуло вперед и, вместе с сотнями, я перешел в качку рыси.

В предрассветных сумерках втянулись в какое-то село, потом в лес. В лесу, справа и слева — масса конницы. Молчаливые силуэты броневиков. Это третья и десятая кавалерийские дивизии и бронеотряд.

Дело-то, видно, в самом деле серьезное.

Через час, вместе с пурпурными перьями окраев солнца, пришел приказ:

— Восьмая дивизия будет вместе с первой и десятой участвовать в прорыве фронта. Командует генерал Келлер.

В деревушке, в ближних рощах, в большом овраге — замерли конные массы.

Пищу не варят. Едим холодные консервы, сало, арбузы.

От частей к штабу группами носятся ординарцы. Ни обстановки, ни задачи никто не знает. Несколько раз адресовался я в штаб полка,— безрезультатно.

Меня все время атакуют расспросами члены полкового комитета,— в первую очередь уланы второго эскадрона.

Неразбериха какая-то! Собрали двенадцать полков, шестьдесят эскадронов — конницы, бронечасти — и не знают, что с ними делать.

Штаб дивизии посылает меня к генералу Келлеру от нашей дивизии для связи. С вестовым Глущаком я направляюсь в штаб генерала Келлера. Долго пробираюсь между серыми, рыжими и гнедыми эскадронами. Разыскиваю штаб и представляюсь сухощавому полковнику — начальнику штаба.

— Конница бросается в прорыв фронта, который будет совершен находящейся впереди пехотой. Первыми идут драгуны. Правее и левее — полки десятой и третьей дивизии. Казачьи полки остаются в резерве генерала Келлера, — информирует меня начальник штаба.

Немного легче стало: что-то знаю.

Пытаюсь расспросить, поддерживается ли связь с дерущейся пехотой, известен ли участок прорыва, исходные положения бросаемых в прорыв частей? Ответа не получаю.

Вижу близко генерала Келлера. Он не производит впечатления отважного вояки.

В тот день сам генерал выглядел, пожалуй, менее всех подготовленным к операции.

Нас, офицеров для связи при штабе Келлера, несколько человек.

Никто из нас не знает больше того, что известно денщику генерала Келлера, ежеминутно шмыгающему через нашу комнату в покои генерала. Из дивизии все время запрашивают обстановку. Мы адресуемся в штаб и возвращаемся, не солоно хлебавши, разводя руками.

В нескольких километрах от нас нарастает гул боя. Погода отвратительная. Как из решета цедит какая-то пробирающая насквозь, липкая слизь.

Часам к девяти утра передан приказ. Его передали мимо нас, обеспечивающих связь штаба группы с дивизиями. Мы узнали о нем случайно от астраханских драгун, прорысивших мимо штаба в направлении выстрелов: «Пехота прорвала фронт, дивизии драгунскими полками брошены в прорыв».

Через нашу комнату прошел генерал Келлер. В эти минуты он не стал ни подвижнее, ни увереннее.

— Господа офицеры, прошу с нами! — кивнул нам начальник штаба.

Грязь деревенской улицы заклюкала под десятком всадников. Мы втягиваемся в лес за селом. Гул артиллерийского и пулеметного огня стихает и уходит. Из леска выезжаем в долину. Вокруг — следы от стальной пяты боя. Трупы, воронки, исковерканные орудия, брошенные пулеметы, искалеченные повозки и двуколки.

Справа и слева по долине в одиночку и группами, шагом и на рысях, пробираются в лес, из которого мы выехали, всадники на рыжих лошадях.

К генералу подскочил с донесением корнет-астраханец.

Келлер долго читал донесение. Потом передал его начальнику штаба. Тот, быстро пробежав, взглянул на генерала. Келлер махнул рукой и, повернув коня, галопом понесся назад, к лесу. Недоумевая, зашлепали за генералом и мы.

Придержав коня, я спросил у корнета астраханско-

го драгунского полка о положении впереди. Вытирая пот, астраханец любезно ответил:

— Пехота сбила немцев. В прорыв бросились драгуны дивизий. Но командирам полков сообщили, что немцы хотят устроить ловушку и нарочно инсценируют удавшийся прорыв для того, чтобы потом всех слопать.

— А кто сообщил командирам полков? Кем проверены эти слухи? — перебивают его.

Корнет уже суше ответил:

— Этого вам не скажу, я не был свидетелем передачи. Несомненно, это так. Иначе прорыв нам не удался бы. Честь имею кланяться.

Он на галопе зацокал к отдельным группам астраханцев. Вот нелепица! Двенадцать полков конницы и броневики остановлены непроверенным слухом. Да слухом ли только? Нет, не только слухом. Мы остановлены и сознанием превосходства противника, боязнью его и отсутствием веры в свои силы.

В штаб группы я приехал для того, чтобы услышать о расформировании группы и о возвращении дивизии в насиженное место.

Вечером в полку молодые офицеры делились наблюдениями дня. Каждый рассказывал о своих впечатлениях от «прогулки». Настроение, без того неважное, окончательно испортил мрачный поручик Гринев:

— Вот вы говорите о своих наблюдениях, недовольны срывом дела,— обратился он к нам.— А знаете, что говорят уланы? Дорогой я отстал и, догоняя голову эскадрона, слышал их разговоры. Говорят: хорошо, что

так случилось, а то бы мы и сами не пошли. Так что генерал-то, может быть, и правильно поступил...

В разговор вмешался подполковник Модчавариани. Он уловил только конец гриневской реплики:

— Генерал поступил правильно. Тут несомненно что-то подозрительно,— затрещал полковник.

На другой день, к вечеру, полк входил в наскучившее село. Оно надоело нам и мы надоели ему.

Лежа в кровати, я думал о вчерашнем, о прошлогоднем, о двух годах своего участия в войне. Кому все это нужно? Искал оправдания происходящему, оправдания себе. Не мог найти ни смысла событий, ни оправдания своему участию в них.

Во сне с кем-то дрался, от кого-то бежал. Проснулся помятый, издерганный.

Начался день. Такой же как вчера, неделю, месяц тому назад.

Тянет домой. Я начинаю понимать крестьян Екатеринославщины, Кишинева, Могилева,— я разделяю теперь их тягу домой. Я дошел до нее позже них потому, что они поняли бессмыслицу происходящего раньше меня, раньше всех нас, «вождей».

«Вожди» начинают день проездкой верхом, причем молодежь заезжает на поклон к молодой жене старого командира бригады. Потом выпивка в офицерском собрании за завтраком и за обедом. Потом игра в карты. Карты — днем, вечером, ночью, утром.

«Вожди» никогда не знали масс. Раньше они считались только с желудком масс. Теперь они стали их бояться. Солдат вдруг как-то вырос:

— Вчера это был глуповатый деревенский парень А сегодня он говорит — и связно говорит,— требует — и законно требует.

На полковых митингах «вожди» выглядели довольно жалко. Все ясней становилось, что масса ведет их в поводу.

— Господин полковник, вам сегодня необходимо сказать на митинге несколько слов,—докладывает командиру полка адъютант поручик Суходольский.

Командир полка — огромный человечина пудов на восемь весом — сереет:

— Нет, нет, только не это. Что хотите, но не это. О чем я буду говорить? Нет, избавьте. Вы сами... сами что-нибудь там. Очень прошу.

«Что я буду говорить?» — так думали все «вожди».

На собраниях полкового комитета «вождей» клали на лопатки буквально по всем вопросам.

Февраль застал офицерство врасплох. Восемь месяцев «свобод» не прибавили «вождям» политического багажа. Одиночки из числа офицерской молодежи кое-что поняли, кое-чему научились,— они пытались приподнять занавес, за которым скрывалось — завтра. Среди молодежи не редкостью была реальная оценка происходящего.

А старики ждали героев, ставили ставку на георгиевских кавалеров, на Корнилова, на Краснова. Но герой не приходил.

Чем же держался полк?

Я часто задавал себе этот вопрос — и не находил на него ответа. Безвыходность мутила. Я возненави-

дел армию и убойное ремесло, как ненавидит свою профессию мясник вечером рабочего дня, после того, как распластал десятки кровавых туш.

Кровь, развороченные мозги, раздробленные кости словно проникли во все окружающее — в платье, в постель, в каждую часть тела.

Но машина вертелась. Ежедневно происходили занятия. Изредка, как и раньше, правил обедни упитанный полковой пастырь. Эскадроны справляли годовщины памятных событий. На этих празднествах уланам подносились чарки и дарились рубли.

Машина вертелась. Буксуя, стуча всеми винтами, гайками, зубьями, она стонала, а все-таки катилась. Созданное столетиями не легко развалить. Эта была инерция черепашьего шага.

Царская конница умирала.

2. ДОМА

СЕМЬЯ

К октябрю окончательно выспело решение покончить с армией любой ценой.

Очередной отпуск спас меня от необходимости дезертировать.

Где-то между Киевом и Москвой, в вагоне я сорвал погоны, выбросил из окна уборной и слился с многоголосой вшивой массой поезда.

Серый цвет бросал в дрожь, преследовал, как призрак кровавой бойни.

Проездом в Москве я захватил с собой брата, постигавшего в какой-то школе прапоров несложную науку истребления людей, и выехал с ним в родные места.

20 октября 1917 года, сотни раз предъявив отпускной билет, изматюкав тысячи остановок, вызванных независящими обстоятельствами, добрались мы с братом домой.

Дом — станция Верхний Баскунчак и поселок того же названия. Забытый кусок живого в мертвой астраханской степи. Вся семья в сборе: отец, мать и я с младшим братом. Внешне почти никто из нас не изменился, а нутром все стали другими людьми.

Отец в 1910 году, в поисках правды и бога, метнулся от толстовщины к церкви. В прошлом он — сельский учитель, поднадзорный. Друг Толстого Чертков, у которого он в имении учительствовал, напичкал его непротивленчеством. Отец решил идейно служить богу.

Семнадцатый год переродил и его. Фанатик подверг святое святых сомнению. Началась мучительная двойственность.

Отец — идеалист, а мать — самый реальный человек,— не верит ни в бога, ни в чорта. Но за войну эта исключительно здоровая физически, умная, с большой волей женщина стала издерганной истеричкой.

Мы с братом принесли из окопов Польши, Литвы, Латвии, Волыни и Румынии смертельную усталость и непонимание происходящего. Оба мы были еще юнцами. Одно было для нас очевидно: необходимо бежать из армии, чего бы это ни стоило.

Отголоски Октябрьской революции к середине ноября докатились до нас. Пестрые, как лоскутное одеяло деревенской затейницы, слухи взбудоражили станцию и поселок. Среди многого непонятного ясно было одно: армии нет, в армию возвращаться не надо.

Гремучие змеи поездов разносили по степям от станции к станции факты и сплетни, быль и небылицы.

В сотнях поездов крик, ругань, порою стрельба.

В ДЕПО

Потянулись нудные дни поисков, куда бы себя деть. Двухлетнее прошлое «в чинах» воздвигало препятствия на каждом шагу. Сорванные в вагоне погоны

будто выжгли след на шинели, на кителе, на теле. Только прежние связи с железнодорожниками, сохранившиеся от студенческих лет, помогли найти путь к труду.

Первые дни холодного, снежного декабря застали меня с братом чернорабочими Верхне--Баскунчакского железно-дорожного депо.

Сначала депо встретило нас настороженно. Прокопченные старики не верили в искренность офицера-улана, первые дни работавшего в перчатках.

В юношеские годы я близко знал труд. Учился на грошевый заработок дровосека, грузчика, рыболова. Но в сравнении с черной работой вагонного ремонта это было игрушкой. Я до сих пор с дрожью вспоминаю работу с буксами на морозе.

Недоверие сменилось разговорами: «Где белоручкам с буксами! Гайка заслобит».

Перчатки сползли ненужным тряпьем. Руки почернели. Но гайка не ослабла. Месяц работы в депо похоронил недоверие, растопил лед. Мы были приняты равноправными членами в дружную семью. Сколько нужно было воли, чтобы заставить себя работать, когда усталь гнет к земле, а холод гонит к теплу! Сколько нужно было такта, чтобы где нужно прийти с помощью не выскочкой, не подчеркивая знаний и уменья.

С переменой окружающих исчезла неприглядность обстановки. Родным стала сумрачная громада депо с побитыми стеклами крыши. Тысячи нитей связали нас с четырьмястами, составлявшими тамошний муравейник.

Через полтора месяца я перешел в текущий ремонт, а брат в инструментальное депо.

Зубило перестало быть мукой-пальцеломкой. Зажили последние ссадины на руках. Молоток без помощи глаз клал удар за ударом на шапку зубила. Пела в руках пила, сметая железную пыль с пластины.

Я попросил у монтера пробу.

— Через два месяца пробу? Не рановато ли, Николай Васильевич?— стал урезонивать бригадир.

Дали опилить гайку. Провозился чуть ли не полдня, а пробу сдал. Радости не было предела. Впереди мерещилась практика помощником машиниста, учеба, инженерство. Работа удовлетворяла полностью.

Всей нашей семьей советская власть была принята, как совершенно закономерное историческое явление.

Религиозные устои отца трещали по всем швам.

— Вместо мощей вата! А я восемь лет верил! — говорил он мне. — Поеду — посмотрю. Проверю и уйду учительствовать,— каждый раз кончал он такие разговоры.

Где-то там, далеко — в Москве, Ленинграде — формировались красногвардейские отряды. Доходили слухи о продолжавшейся жизни фронта.

Баскунчак жил своей собственной маленькой жизнью, нарушаемой только гремучими змеями поездов.

КОМИССАР МИЛИЦИИ

В конце января 1918 года исполком предложил мне взять на себя обязанности комиссара железно-дорож-

ной милиции для борьбы с мешочничеством и создания дисциплины на участке.

Работа временная; мешочничество и спекуляция ломали нормальную жизнь участка; более подходящего кандидата не было, а рабочие обещали поддержку.

Я согласился. Раньше следил за гремучками из ворот депо, а теперь пришлось влезть в нутро им.

Работа сложная, рискованная.

«Я кровь проливал!» Ехали с оружием, тысячами, спаянные в одно погоней за наживой, падкие на разгром, обнаглевшие от безлюдья и беззащитности крошечных станций, затерявшихся в астраханских степях.

Во всех разгромах, «даешь паровоз» и «крути, Гаврила» первую скрипку играли тучи «братуш».

Откуда их столько набралось?

Словно две трети царской армии состояли из матросов.

Два раза спасали меня от грозившей неминуемой смерти озверевших «братуш», которые спекулировали рыбой, рабочие депо. Они держали свое обещание помогать мне.

Звонит станция Харабали: «В поезде три вагона матросов, везут сотни пудов рыбы. Пытались отобрать,— стреляют».

У меня четыре милиционера, сам пятый. Надо попробовать.

Вот и поезд. Идем быстрей, чем всегда. Из будки паровоза выглянул бледный машинист, за ним — бескозырка саженного «братуши».

Поезд, охнув, остановился.

Как всегда, начинаю обход с головы. Сегодня и обычные мешочники не обычные. На окрик «вытряхивай» не откликнулись. «Кровь проливали! Голодные детишки...» С трех этажей вагонов сплошной мат.

Каждый вагон — сотня, а нас всего пятеро. Правда, мои помощники — энергичные, бывалые ребята, но что можно сделать с тысячью, заполнивший все щели вагонов? А делать нужно. Раз уступишь,— через сутки спекулянты разных рангов по всей линии будут знать, «чем брать на Баскунчаке».

Угрожаю вызвать «взвод». Положение спасено.

С полок, из-под них, в двери и окна сыплется град мешков: рыба, мука, мануфактура...

Один, другой, третий,— вагоны выворачивают нутро.

— Ну, кажется, улов будет знатный,— говорит мой помощник.

На платформе растет гора мешков, тюков, мешочников.

В хвосте поезда гвалт платформы заглушает стрельба.

Мыщами прыснули спекулянты под вагоны и внутрь.

Один через другого, бегом, ползком — бросилась внезапно стихшая толпа. По пустому перрону, с винтовками, револьверами, бомбами, бегом к нам — матросы.

— Кто такой задерживает поезд? По какому такому праву?.. твою мать... С особыми поручениями, с секретным грузом держишь?

Из окон и дверей вагонов сотни глаз и ушей смотрят, слушают. Стараюсь быть спокойным, говорю:

— Я задержал. В вагоне спекулянты везут продукты. Вы понимаете, что...

Приземистый, коренастый, в матроске, наганом тычет в живот:

— Ты кто, сволочь? Офицер? Контрреволюцию разводишь, а?

Помощник мой, отводя револьвер, говорит коренастому:

— Товарищ, он такой же офицер, как я. Наш рабочий.

У моего помощника пятерня, как лопата, на лице — след десятка лет работы у горна в кузне.

— Пускай поезд,— вмешивается в разговор саженный «братушка» с паровоза.

Я успел шепнуть помощнику:

— Ступай незаметно к машинисту,— пусть отцепит паровоз и угонит на передаточную.

Поворачиваюсь к саженному:

— Товарищ, красным матросам и рабочие и крестьяне обязаны помощью в революции, неужели сейчас...

— Ты брось мне тень наводить! Давай отправление! — рявкнул «братуша».

Состав слегка дернулю,— вскрикнули сцепления буфера.

— Стой, стой! Ты что делаешь, стерва? Стой, в мать, в бога, креста, стой!

Паровоз рывком отскочил от состава и задымил к передаче.

От головы состава бежит мой помощник.

На перроне снова кишит толпа.

Спекулянты повыскочили и расхватали мешки.

У меня затрещало плечо. Саженный ударил рукояткой нагана. Метил в голову, но промахнулся.

Часть братуш бросилась к помощнику. Вокруг троих, застывших возле оставшихся мешков, живая крепость.

В десятке шагов от меня сигнальный колокол. На пути к нему саженный братуша поднял наган... Теперь вряд ли промажет. Вспомнил приемы бокса школы Гравэ. Челюсть у братуши открыта...

Крррряк! Короткий удар в челюсть здоровой рукой. Саженный, как подкошенный, грохнулся наземь.

Я прыжком подскочил к колоколу, успел два раза ударить... Справа и слева около меня в стену цокнули пули. Ко мне бежит десяток матросов. Сзади меня окно в кабинет начальника станции. Скачок на подоконник, давнул раму, через стол прыжком — к двери и через всю станцию к депо.

На станции стрельба, крики, а у депо надрываются паровозные гудки. От депо к станции тучей бегут рабочие.

Через палисадники, заборы лечу к ним. Сдержали слово, идут на выручку!

Добежал до передних:

— Не робь, начальство поддержим! В чем там дело?

На бегу к станции объясняю подробности.

Вот и платформа. Стрельба смолкла. В сотне шагов хвост состава. У вагонов петушатся братуши.

У рабочих в руках — кто что схватил: зубила, ключи, пилы, шворни.

— В чем тут дело? Что за шум? — рявкнул токарь Васильич.

Сам — дядя пудов на шесть, в руках двенадцатифунтовый молоток.

В толпе матросов заминка.

Приземистый, по ухваткам видно — старший, шагнул вперед:

— Да вот, братва недовольна, значит, задержкой. А тут какая-то контра паровоз угнала.

— Вот он! — завопил, увидев меня, саженный братуша.

Около меня стеной деповские.

— Он правильно делает. Мы ему приказали. А вы — выгружай, что есть, живо! — громыхает Васильич. — А ну, ребята, марш по вагонам, да под чистую,— скомандовал он деповским.

Повернувшись к саженному, указал на револьвер:

— Ты, парень, спрячь эту хлопушку, не то с пальцами отдашь.

Минут через десять на перрон навалили груды всякой всячины. Паровоз нажал состав, тот вздохнул, раздался гудок и состав тронулся к станции Эльтон.

Потребиловка Баскунчака не вместила отобранного.

КОМЕНДАНТ

Февраль выдался холодный и снежный. Хозяйкой гуляет по степи мятелица. Спать положила травы буйные, снегом зацелованные. Сиротами бездомными торчат в степи поселок и станция. Убрала мятель степь,

как постель новобрачных, а поселок и станцию завалила бурьяном бездомным да «покати-травой».

Со степью мятель полюбовно разговаривает, а в поселке и на станции волком воет, по дымоходам рыскает, заслонками позванивает.

Глушь на станции и в поселке. Заносы отрезали от мира. Только за телеграф и хватается жизнь, как за соломинку.

С Владимировки, в сорока километрах от станции, по проволоке телеграфа и тропой снежной прилетела весть: через Волгу на Баскунчак движется сила несметная,— с фронта домой — на Урал и в Астрахань — идут полки казачьи.

Зачем идут? Что будет?

С телеграфа метнулся я в подрайонный совет и в депо за советом: как быть? Уйти в степь?

В один голос и совет и депо:

— Оставайся, свой человек,— поддержим.

На рассвете подошли и подъехали два-три полка уральцев и астраханцев.

Ожили станция и поселок. На станции осел штаб.

Ко мне в милицейскую ввалился казак.

Отряхнул снег, не торопясь, снял с усов аршинные сосульки, пошарил глазами и выдавил простуженным голосом:

— Коменданта станции в штаб требуют.

Я поднялся и, на ходу застегивая шинель, направился к выходу. За мной следом — казак.

В середине подошедшего состава теплушек — жесткий классный вагон.

Я поднялся в вагон. Прошел отделение, открыл дверь в соседнее. Здесь чище, чем в первом. Полки опущены, на скамьях несколько офицеров, от сотника до войскового старшины.

Я по привычке откозырял. Это произвело впечатление. Присутствующие поднялись и поздоровались.

— Вы офицер? — спросил капитан с погонами генерального штаба.

— Да,— отвечаю.

— Какого полка? Последний чин? Давно ли из полка? — продолжал расспрос капитан.

Я ответил.

— Что делаете здесь?

Отвечаю:

— Слежу за движением и порядком.

Заметил, что капитан с войсковым старшиной быстро переглянулись.

— Так вот и продолжайте вашу службу,— сказал капитан. — Мы здесь пробудем несколько дней, части проедут в Астрахань и Уральск. Ваша задача — обеспечить продвижение частей. Со всеми вопросами обращайтесь ко мне.

Капитан встал, давая понять, что аудиенция кончена.

Откозыряв, я вернулся на станцию.

Первый день комендантства подходил к концу.

С Владимировки пришли еще два эшелона,— один с астраханцами, другой с уральцами.

Несколько теплушек с уральцами я отправил к Эльтону, один эшелон астраханцев на Астрахань.

Телеграфная связь со ст. Красный Кут и Астраханью прекратилась часов с четырех дня...

Прошел пассажирский с Астрахани. В нем — необычайная тишина, хоть людей, что сельдей в бочке.

С поездом приползли слухи: под Астраханью заваруха, астраханский ревком требует оружие, фронтовики не хотят сдавать.

Ночь прошла спокойно.

Подтянулся еще один эшелон, с хода переброшенный на Астрахань.

Начался второй день.

В девять часов ко мне влетел сотник из штабного вагона.

— Господин комендант, в одиннадцать часов здесь должен быть из Астрахани наказной атаман генерал Бирюков. Приготовьтесь,— торопливо бросил он.

Я собрал свой немногочисленный штат, не убавленный, но и не пополненный «гостями», и отдал распоряжения.

До десяти часов произошло событие: из теплушек состава «местного сообщения» вывели под конвоем восемь арестованных рыбаков, подозреваемых в попытках получить оружие.

Все восемь, как на подбор, здоровенные дяди средних лет. Из штабного вагона получен приказ: «Содержать под строжайшим наблюдением впредь до распоряжения».

Указал на пустую кладовку, без труда приспособленную под каталажку.

В одиннадцать часов из толпы, на заднем плане, спо-

добился лицезреть генерала Бирюкова, толстого старика с длинным носом и патриаршей бородой.

Его приезд собрал толпу зевак. Гремел оркестр. Через полчаса станция опять заснула.

Вечером в составах уральцев, почти два дня никуда не трогавшихся,— митинговали.

Из штабного к вагонам то-и-дело рыскали офицеры. В ход было пущено сильно действующее лекарство, последний резерв: старик-генерал.

Судя по кислым физиономиям возвращавшихся, не помог и он. С наступлением ночи приползли слухи: «Уральцы решили не помогать астраханцам и ехать в Уральск. Под Астраханью бой».

Посмотрев арестованных и справившись о кормежке, я тихо побрел темью в поселок. Он жил своей жизнью. Продолжал работать совет, собрались депутаты. Ходили и быль и небыль.

Сделав крюк, пробрался окраиной в депо.

Работала ночная смена.

— А, казачье начальство! — смеясь, встретили ребята.— Ну, как живешь?

Обшарив глазами мастерскую, поздоровался.

— У меня в делах застой. Встречал высокое начальство да упрятал в каталажку дядей с Волги,— ехали за оружием.

Наклонился к слесарю Волошко и вполголоса:

— В Астрахани бой, а с Красным Кутом — связь порвана. Астраханцы тянут к станицам, а уральцы до дому.

Ребят стянуло вокруг меня как магнитом:

— Сообщай, что там нового...

Завизжала дверь и навстречу убегающему из мастерской теплу ввалился начальник службы тяги.

— Что случилось? — обратился он ко мне.

— Да вот смотрю, как с ремонтом. Штаб требует готовности двух паровозов,— ответил я.

— Почему же мне ни звука не сказали там? — недовольно пробурчало тяговое начальство.— Я час тому назад был в штабе. Успокойтесь, утром паровозы будут на ходу.

Простившись я по шпалам направился к станции.

По перрону навстречу — капитан.

Мелькнула мысль, не следят ли?

— Я только что из депо. К утру будут два паровоза на ходу. Вы как-то интересовались,— отрапортовал я ему.

Свет фонаря ударил капитану в лицо. Морщины на лбу у него немного разгладились.

— Хорошо, спасибо,— бросил он мне, повернувшись к штабному вагону.

В комендантской меня ждала новость:

— Ночью в десять часов приказано дать два эшелона для погрузки частей и отправки их на Эльтон.

— Кто грузится? Уральцы? — спрашиваю сцепщика.

— Нет, астраханцы.

Ничего не понимаю.

— А как же уральцы? — осторожно закидываю удочку.

— У них все разговоры разговаривают. Недавно ру-

гались. Из главного штаба бегали уговаривать,— словоохотливо сообщает сцепщик.

Начинаю кое-что понимать. Очевидно, уральцы тянут воз не в ту сторону, а с Саратова что-нибудь угрожает,— вот и прикрываются астраханским эшелоном.

В десять часов вечера от Баскунчака отправился первый эшелон, через час второй.

С серой, холодной мутью рассвета пришел третий день. Самый спокойный день для «коменданта».

Около штабного вагона все время беготня.

Дежурный паровоз, без путевок, без моего вмешательства, замотался то в астраханскую, то в саратовскую сторону.

Меня целый день никто не трогал.

Вечером откуда-то глухо-глухо мятель принесла орудийный гул. Не разобрать где, но поговаривали орудия.

Уж три дня, как я не был дома. Вечером решил навестить своих. Отца не было, брат работал в депо. Полчаса посидел с матерью.

— Что творится, Николай? — просто, без тени испуга спросила мать.

— Говорят, под Астраханью бой. Свои на своих. Кому это нужно? — сдвинув брови продолжала она.

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю,— отвечал я.— Час тому назад услышал орудийные выстрелы откуда-то издалека. Услышал, и стало мутить. Понимаешь, одна мысль, один намек на войну — и тош-

нит. Я устал. Там дерутся: одни требуют сдачи оружия, другие не хотят сдавать его. И дерутся.

— Верно, знают, за что и для чего.

С матерью легко говорить. Она по-мужски уверена, сильна и по-женски чутка.

— Что бы ни случилось, Николай,—от депо ни на шаг. Там сила, там будущее,— сказала она.

— Я так и решил, мама.

Крепко поцеловал мать и пошел на станцию.

Медленно тянулась третья ночь.

Пробовал читать,— не читается. Ложился спать,— в постели тесно и душно.

Всю ночь шел снег. То валил хлопьями, то цедил, как сквозь решето, колючими ледяными иглами.

В снегу не разобрать рассвета. Ночь похожа на день, день на ночь. Мне памятен этот черный, снежный, холодный день.

Штабной вагон с утра в конвульсиях. От него и к нему потоком посыльные, порученцы, верхом и пешком.

Ко мне в комендантскую дождем разноречивые, отменяющие друг друга приказания. Три раза вызывали лично. Вызовут в полное клубами табачного дыма купэ, спросят какую-нибудь мелочь и отправят назад.

Из теплушек доходят слухи об уходе казаков сотнями по родным станицам, о требовании раздела полковой казны.

Так целый день.

В сумерках я пошел на передачу в полутора-двух километрах от станции — проверить пост.

Через час, возвращаясь, удивился обилию света на станции.

В темь ночи на Саратов, не мигая, блестели три пары паровозных глаз.

На станции тишина.

Помощник мой сообщил:

— Уральцы едут до Эльтона, а оттуда на конях в Уральск.

Через несколько минут меня вызвали к капитану.

— Где вы разгуливаете? — набросился он на меня.

— Проверял посты.

— К чорту посты! — заорал капитан.— К рассвету приготовить три эшелона на Астрахань. Арестованных охранять как зеницу ока. В двенадцать часов их заберут. Ступайте!

И повернулся ко мне спиной.

В комендантской я получил телеграмму: «У ст. Верблюжья сошли с рельс несколько теплушек, ждем ремонта».

Сел за стол. Скачут мысли. Там паника. Что сделать? Решил.

Капитану рапорт: «Отбыл для осмотра пути». Команду свою в депо. Комендантскую на ключ, а сам к арестованным.

— Стой, кто идет? — остановил меня сиплый голос казака-часового.

— Я, комендант,— отвечаю.

Вошел в камеру. Часовой остался в проходе. Арестованные спят. Растолкал. Поднялись.

Я быстро сказал им:

— У казаков паника. Наверное, ночью уйдут. Как бы вас не прикончили. Сейчас поведу вас будто в штаб, кройте в поселек и на передаточную. До утра пробудьте там, потом уходите на Владимировку.

Открыл дверь и обратился к часовому:

— Пост снят — арестованных веду в штаб. Отправляйтесь в теплушку.

Казак зашагал к составу у водокачки.

Я повернулся к арестованным:

— Ну, действуйте.

С виду старший протянул руку:

— Спасибо, брат, спасибо.

Я пожал ему руку, и восемь человек скрылись в темном зеве станционного проулка. Сам я побежал в депо.

Паровоз с теплушками ждал отправления на Верблюжью.

Я сел в паровоз к машинисту. В теплушках несколько молодых казачьих офицеров.

Стальной зверь рванул — и темь поплыла мимо.

Через несколько дней делегация от рабочих ст. В. Баскунчак выручила меня, арестованного в районе ст. Верблюжья саратовским красногвардейским отрядом. До приезда делегации помог тот старший из восьми, которому я жал руку. Как я ни доказывал красногвардейцам вынужденность своего комендантства, мне не верили, повезли меня в Астрахань.

На пути в Астрахань мой разговор был прерван голосиной волжанина:

— Куда едешь, товарищ комендант?

Смотрю и не верю глазам. Он, старший...

Отвечаю:

— Арестовали и везут в Астрахань за комендантство.

— Кого везете? Его? Да он наш! Он спас нас от смерти!

Это вмешательство изменило отношение окружающих.

Приехавшей делегации почти нечего было делать.

«Максим» подтянул меня из Астрахани к Баскунчаку.

Я бросил станцию и вернулся в депо, к станку.

3. НА КОНЯ

В КРАСНУЮ АРМИЮ

С возвращением в депо спокойствие не вернулось. Четыре дня выбили из колеи. Жизнь покатилась по ухабам.

Сдернули с нее розовенькую пеленку, а из-под пеленочки выползло что-то маленькое, жалкое. Что вчера казалось всем, сегодня стало ничто. Смешной, жалкий комок личного. Будто я сразу раздался вверх и в стороны, и мой костюм оказался детским. Влезть-то я влез в него, да он лопнул по швам.

После двух месяцев работы в депо я с удовольствием принял предложение быть инструктором заволжских линий по внешкольному образованию и физической подготовке. Тяга сотен тысяч к учебе, несдерживаемая барьерами бытовых трудностей, подмывала на работу. Нехватка в культурных работниках была так велика, порядочное отношение к делу среди них было настолько редким явлением, что исполком дороги через несколько месяцев назначил меня инструктором внешкольной подготовки всей Рязано-Уральской железной дороги.

Товарищ Волошко — мой помощник. У нас спор-

тивный «отдельный» вагон. Мы начинаем бесконечное бродяжничество по рельсам от Астрахани до Смоленска.

Все это — уже далекое прошлое.

Волошко погиб в двадцатом году от тифа. За несколько минут до смерти он вспоминал меня.

Вагон разбит снарядом где-то под Уральском.

Мы разъезжали с Волошко от Астрахани до Смоленска, инструктировали, а в промежутки между поездами культурничали на месте.

В Саратове революция вымела дворянских детищ из института благородных девиц. В здании института развернулась огромная культурная работа.

Мне пришлось заведывать детским садом, играть в театре, который был организован в институте, и даже выступать в городском театре. Чего только ни делал я в этот год!

Когда это началось? Не весной ли 1919 года?

Заволжские линии — под угрозой налета белых от Царицына и Уральска. Каждый состав — в сопровождении охраны. Быстрее обычного бегут поезда.

У меня в вагоне — начальник охраны,— приземистый, суетливый, бывший унтер-офицер царской армии.

Полтора года не сталкивался я с теми, кто с оружием в руках дрался на севере, юге, востоке и западе. Связанный с рабочей массой, я в то же время не представлял себе новой армии.

Рабочие железнодорожники в 18 и 19 году были не такими, какими я узнал их позднее в Донбассе на заводах Екатеринослава, в Ленинграде и в Москве. Тог-

да железнодорожники представлялись мне передовыми рабочими, наиболее революционными. А у них было больше, чем достаточно недовольств, брюзжания, «зажигалочничества».

Начальник охраны словоохотлив. Только месяц пробыл он дома, после фронта в Смоленской губернии, и ушел в Красную гвардию. Дрался с немцами под Царицыном, был ранен.

— И вот теперь работаю в тылу,— конфузливо кончил он.

— Что же заставило вас добровольно пойти в Красную гвардию? Неужели война не приелась? — спросил я его.

Он ответил не сразу. Поднял глаза, посмотрел на меня, будто только теперь увидел, неторопливо произнес:

— А кто же тогда пойдет, милый человек? В тылу работать с удобствами всегда найдутся охотники, а туда-то кто же пойдет? Когда кончим там, тогда и подумаем о хороших местечках здесь.

Я никогда не чувствовал себя таким маленьким, как после этого разговора.

На узловой станции начальник охраны слез. Поезд потянул коробки с людьми к берегу Волги. Я не мог забыть своего коренастого собеседника.

После этого я скитался еще несколько месяцев в вагоне, работая в условиях, которые усложнялись с каждым днем.

Летом опять был в Заволжье.

Медленно тянулся состав к станции Эльтон. Я что-то

читал сидя у окна. Меня оторвал от чтения голос Волошко:

— Смотри, смотри, Николай! Это по твоей специальности. Здорово! Вот чорт!

От хвоста поезда, вдоль насыпи на золотистой лошади птицей летел всадник в кубанке. Вмах проскочил вдоль состава к станции.

Я не мог ничего сказать. Воткнул глаза в переулок, где спрятался лихой ездок. Что-то оборвалось внутри.

Волошко долго вспоминал всадника на золотистой лошади.

Конец лета застал нас на перегоне Козлов-Тамбов.

С фронта доходили самые невероятные слухи. Мирный Козлов был в панике.

Наш состав долго мариновали. Наконец мы отправились.

Перед отъездом комендант станции предупредил нас о каких-то неприятностях на фронте.

Мы чувствовали себя неважно, но поехали.

За Тамбовом, который пропустил нас буквально в несколько секунд, нам сообщили о налете конницы Мамонтова на оставленный нами железнодорожный участок Тамбов — Козлов. Оказывается мы ушли буквально из-под носа у казаков.

Через несколько дней до нас дошли подробности казачьего налета: виселицы, порки, погромы, пожары и грабежи.

Из Козлова я получил письмо от сестры. Оно дополнило картину «рейда».

Все, что мучило меня целый год, всколыхнулось ура-

ганом. Я собрал все по крошке: разговор с бывшим унтером, сотни других таких же разговоров и наблюдений, воспоминание о всаднике на золотистом коне и, наконец, вот этот налет.

— Волошко, я ухожу. Больше нет сил. Иду в Красную армию.

Мы подъезжали к Саратову. Слева промелькнули кресты кладбища. Волошко не удивился:

— Я давно этого ждал, Николай. Иначе не может быть. Ты там нужнее.

Три дня — в разговоре с начальством, борьба с доводами о «незаменимости» — и вот я в Саратовском губвоенкомате.

Седые старички чинили мне испытание. Я думал о масштабах взвода, самое большее — эскадрона. Старички начали с полка.

Школьная премудрость была давно забыта. Выручил боевой опыт да смекалка.

Меня аттестовали на командира кавалерийского полка и направили в распоряжение штаба особой группы в г. Вольск.

Не задерживаясь в Саратове лишнего часу, я отправился в Вольск.

В штабе группы бестолковщина, суета.

Несмотря на уговоры штабников, я категорически отказался от должности порученца при командующем и вечером следующего дня отбыл в область немцев Поволжья на должность командира эскадрона вновь формируемого кавалерийского полка.

Несколько десятков километров пароходом по Вол-

ге да почти столько же на лошадях привели меня в село Красный Яр.

Это почти центр немцев Поволжья.

Работа по формированию едва теплилась. Налицо был только на одну треть сформированный штаб полка да процентов тридцать командного состава.

Бросилась в глаза и социальная и возрастная пестрота собравшихся. Кого здесь только не было? Командир полка — подполковник царской армии. Командиры эскадронов — бывшие офицеры из молодежи военных выпусков. Один — унтер-офицер. Командиры взводов юнкера и даже недоноски кадетских корпусов.

Первое впечатление от всех самое неважное.

С формированием не торопятся.

Мне повезло. Я получил полностью командный состав для будущего эскадрона.

Я предложил своим подчиненным подзаняться уставчиками, чтобы не скучать и кстати освежить в памяти забытое, но был встречен, что называется, штыковой атакой.

Даже командир полка отнесся к этой «затее» неодобрительно:

— Успеете еще. Работы по горло будет. Пусть отдохнут,— заявил он мне после моего личного доклада о намечаемых занятиях.

Формирование по чайной ложке продолжалось бы, вероятно, еще месяцы, если бы ускорением его не занялись сверху.

Из Москвы нажали на областные органы, они — на свой аппарат, на нас, и колесо завертелось.

Дни побежали быстрее.

Дождались мы и живых людей и настоящих лошадей. А то ведь ездили на бумажках и бумажками командовали.

Мне пришлось побыть в роли командира эскадрона не больше недели: изменения в размахе формирования изменили мою роль.

Вместо полка область должна была сформировать бригаду. Она входила первой в создаваемую девятую Донскую дивизию.

Я был назначен командиром первого полка области немцев Поволжья.

Для работы по дальнейшему разворачиванию и для учебы его перевели в колонию Подстепное.

Двадцатитрехлетний командир полка чувствовал себя, мягко выражаясь, немного неуверенно.

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ

Область немцев Поволжья в эти годы жила своей особой — сытой — жизнью. Борьба, петлей сжимавшая Союз, сюда не дошла ни в форме боев, ни в виде сознания необходимости оказать моральную поддержку борющимся. Немец Поволжья хозяйничал нерасстроенным, крепким хозяйством.

Как жили немцы Поволжья в первые годы гражданской войны, так в старой царской России не жили и в мирное время.

Пока моя квартирная хозяйка, аккуратная немка, мать десятерых детей, за тридцать рублей в месяц откармливала меня всякой снедью, я эволюционировал от

довольства сытого человека до ненависти к этому довольству из-за сотен тысяч голодающих.

С переходом полка в новое место формирования я получил квартиру в доме пастора. Здесь же был и штаб полка.

Как ни хотелось избегать встреч с хозяином дома, встречаться с ним приходилось. Условия жизни в одном доме связывали нас тысячью нитей в виде взаимных мелких одолжений.

Через семью пастора и путем случайных встреч я познакомился с добрым десятком семей «бывших людей», волей Октября выброшенных из центров в самую глушь. Естественная потребность общения с живыми людьми вела к необходимости иногда встречаться с бывшими.

Красноармейский состав полка — немцы-колонисты, на 90% плохо владеющие русским языком. Командный состав — или совсем зеленая молодежь, или старые офицеры. Несколько человек командиров из бывших унтер-офицеров явно тяготились попытками сближения.

Молодежь мне ничего не давала. Старого офицерства я не любил.

То, что было ближе, с чем приходилось встречаться ежедневно, что тебя не связывало никакими обязательствами, то чаще всего заполняло и досуг.

Представление о командире-воспитателе во всей полноте у меня еще не возникало. Господствовала мысль о командовании. Этому выучила старая армия.

Общение с моими квартирными хозяевами и их сре-

дой, в конце концов, сыграло положительную роль для моего роста, как командира РККА. Таков закон диалектики. Инфекция или дает организму закалку сопротивляемости, или ведет к его гибели. Мой организм получил закалку.

Немцами Поволжья было приятно и легко командовать. С этими от природы дисциплинированными людьми было легко строить воинскую часть.

В девятнадцатом году только немцев Поволжья можно было посадить в казарму, наспех оборудованную в школе при помощи трехъярусных нар. В условиях отсутствия обмундирования, седел и пр. только от них можно было добиться дисциплины, уменья ездить на лошади и управлять ею.

. Единственно, что мешало работе, это специально немецкое дезертирство да частые посещения красноармейцев родственниками.

Немец дезертирует не надолго: на два, на три дня. Но он дезертирует систематически раз в неделю. Дезертируя он не обманывает, «не ловчится», а спокойно констатирует факт: «Я есть дезертир».

Этими своими особенностями всего перечисленного, а главное невозмутимым спокойствием он может довести до бешенства.

Немецкие родственники тоже особенные родственники. Их посещения регулярны, с точностью до одной минуты. Каждый раз они проделывают одну и ту же церемонию посещения начальства с дарами и сидения в казарме по несколько часов под ряд. При этом они привозят горы всякой жратвы.

Самое ужасное — это регулярный приход немца-родственника к начальству сына, брата, отца.

Входит муттер. Кланяется только головой и быстро протягивает прямую, не гнущуюся ни в локте, ни в кисти, ни в пальцах руку. Эта рука мертва, когда вы жмете ее. Муттер садится. Развязывает узелок; из него ползут булки, плюшки, пончики, ватрушки. Все это раскладывается на столе, и на вас устремляются глаза дароносца. Глаза эти обычно ничего не говорят. Муттер сидит молча пять, десять, пятнадцать минут. Потом встанет, ткнет руку и уйдет.

Попробуйте отказаться от этой мучительной церемонии. Скандал. Обида. Я однажды отказался от даров. Однажды их принял. Потом стал убегать. Я убегал от немецких родственников и в двери и в окна, прятался от них под кровать.

Если бы не все это,— командовать немцами было бы удовольствием.

Полк окончательно сформирован. И люди и лошади полностью на месте. Пачками получаю седла, обоз, оружие, все необходимые воинские атрибуты.

Спокойная рабочая жизнь нарушается тремя из ряда вон выходящими событиями.

Первое событие — приезд нового командира бригады. Он очень молод. На вид это — кадет старшего класса или юнкер. Брюнет-херувимчик, немножко картавит. Маленького роста. Жена херувима напоминает Мадонну Рафаэля. Исключительно красивая женщина. Комбриг и комбригша — очень общительные люди. Они побывали почти у всех командиров. Зачастили ко мне.

Когда комбриг уходит, комбригша не спускает с меня глаз. Красивыми глазами она притягивает к себе. Я не камень. Мои глаза все чаще купаются в больших голубых глазах комбригши. Потом, привязавшись к жене пастора, она начала проводить у нас целые дни. Потом стала жить неделями.

Комбриг на это никак не реагировал.

Странная пара!

Кавалерийскую «сущность» комбрига скоро раскусили: он понятия не имел о коннице и попал в нее случайно. Через месяц он неожиданно уехал из бригады, а жена его... осталась у командира второго полка.

Вторым событием был приезд моего брата Владимира. Сейчас его уже нет в живых.

В 1921 году в один из лазаретов города Саратова привезли с парохода командира пулеметной роты 55 стрелкового полка. Он ехал на усмирение восставших немцев-колонистов. Подозрения подтвердились: у него оказалась холера. Больной умирал тяжело, в полном сознании. Умер через два дня. Это был мой брат Владимир, человек идеальной чистоты, молодой большевик.

Приезд брата и служба с ним в одной части были для меня большой радостью. Об этом я мечтал еще в окопах мировой бойни.

Мы совсем не похожи друг на друга.

Брат — высокого роста, худой, немного сутуловатый. У него продолговатое сухое лицо, длинный правильный нос, ровный изгиб губ, большие добрые синие глаза.

Жизнь так сложилась, что я с детских лет, по праву и обязанностям старшего и сильнейшего, помогал

брату на трудном жизненном пути, а брат с давних пор взял на себя роль «моей совести». Он доводил меня и до слез и до кулачной расправы.

— Коля, ты украл яблоки? Зачем ты это сделал? Воровство — позор.

Мне двенадцать лет, брату девять. Я только что вылез из воды и вынимаю из рубахи, перехваченной на талии поясом, «пойманные» яблоки. Торговки из пригородных сел возят яблоки по реке Кутум в нагруженных до краев лодках. Мы выплываем навстречу, подбираемся к лодке со всех сторон и стараемся сдернуть с нее корзину с яблоками.

Торговки мечутся в лодке с одного борта на другой, с кормы на нос и обратно, но как ни оберегают свое сокровище, а одна-две корзины попадут в руки пловцов: вся река покрывается плавающими яблоками.

Вот тут-то и начинается потеха. Кто больше соберет? Не яблоки дороги, а спорт.

Но Владимира этим не соблазнишь.

На улице, а потом в школе я был «первым силачем». Кулак считал самым веским аргументом. Поколочу кого-нибудь, а тут Владимир:

— Коля, ты был не прав, а кулаки не доказательство,— говорил он всегда спокойно, тихо.

Дело кончалось или моим раскаянием, или трепкой, которую я задавал Владимиру.

Когда мне угрожала опасность, Владимир шел на все.

Помню, детьми шли мы с реки домой. Мои «старые враги» — мальчишки подговорили здоровенного парнюгу-бондаря побить меня. План удался. В переулке из-

за угла он наскочил на меня, подмял под себя и начал дубасить. Сопротивляться было бесполезно. Парень вдвое старше, крупнее, сильнее меня и «под мухой». Избил бы наверно до полусмерти. Владимир, тогда хилый ребенок, с звериным воем бросился на бондаря.

При других обстоятельствах тот одним ударом угробил бы Владимира. Но так стремителен, решителен и смел был наскок, так страшен был вид ребенка, что парень струсил. Он оставил меня. Я вскочил, и мы погнали бондаря по улице камнями.

Я назначил брата начальником пулеметной команды.

Третьим событием был осмотр полка инспектором кавалерии Красной армии тов. Новиковым.

Инспектор кавалерии — рослый, упитанный старик.

То, что он видел до приезда к нам, не порадовало его. Здесь он рассыпался в похвалах. А после сытного обеда, которым был завершон смотр, восторгам старика не было пределов.

Физиономия полка будет туманна, если не сказать о двух лицах, игравших в его учебе и воспитании большую роль. Военком полка товарищ Ридель и мой адъютант Соседов входили в то целое, которое суммируется в понятии: «командование части».

Ридель — рабочий, уроженец Поволжья, среднего роста, сутуловатый, сухой брюнет с длинным носом и живыми глазами.

Соседов — страшно маленький, худенький, с крошечным личиком, в пенснэ.

Ридель угрюм и порывист. Соседов застенчив, скромен и тих.

Приход Риделя в полк разжог едва теплившуюся политическую и просветительную работу, очень своеобразную в тогдашних условиях.

Два коммуниста на полк!

Все попытки вовлечения в партию разбивались о полное безразличие немцев-колонистов к политическим вопросам. Как ни пытались мы с военкомом расшевелить хотя бы командный состав из бывших унтер-офицеров, отклика не было. Доклады на политические темы проходили в битком набитом помещении, сопровождались выступлениями и записками, и в партию никто не вступал.

Культурно-просветительная работа, сводившаяся к развлечениям, имела потрясающий успех.

У Соседова на первых порах с адъютантством ничего не выходило. Он молодой студент, в Красную армию пошел добровольно, — военного духа в нем ни на грош. Сашенька (так все мы звали его вне службы) первое время отчаивался.

— Ну, Николай Васильевич, — обращался он ко мне, — опять меня сегодня гнедой возил не туда, куда нужно. Я его верчу налево, а он задом, задом везет меня направо. Не покататься ли сегодня еще раз?

Я хохочу.

— Во-первых, Сашенька, кавалеристы не катаются, а ездят, работают лошади. А во-вторых, вы управляете только поводьями, а не шенкелями. Вот у вас перед и зад, с позволения сказать, едут в разные стороны.

Путем упорной работы в штабе Соседов скоро от-

лично усвоил себе функции адъютанта. Я нигде не встречал такого добросовестного, аккуратного работника.

С конным делом Сашенька справился не так легко и скоро. Но и в седле через два месяца он ценой бесчисленного количества падений научился держаться стойко.

В холодную зимнюю ночь меня разбудил приказ из штаба дивизии.

Забыв про «чинопочитание», ликующий Сашенька ураганом влетел ко мне в комнату с криком:

— В Первую Конную! В Первую Конную!

Мне еле удалось добиться от ошалевшего адъютанта связной речи.

Приказом по дивизии полку ставилась задача выступить через четыре дня и двигаться в составе дивизии, в общем направлении к северу от Царицына, для влития в состав Первой Конной армии.

В первый и последний раз я рассердился на своего адъютанта. Приказ не требовал немедленных распоряжений.

— Можно было бы не беспокоить командира полка в два часа ночи, — наставлял я ошарашенного Сашеньку.

Он ушел.

Как я ни пытался заснуть, ничего не получалось. В сознании засела Первая Конная.

Я много слышал о ней из рассказов друзей и врагов, от очевидцев, от тех, что слышали о ней из первых рук, и просто от болтунов. Из всего слышанного цель-

ного впечатления не получалось. Представлялось так, что сначала были маленькие отрядики, дравшиеся за свои хаты и станицы, в самых хатах, станицах и вокруг них. Потом отрядики собрались в полки, дивизию, корпус, наконец в армию.

Исключительный героизм стал обычным явлением. Командиры — бывшие рядовые царской армии. Выборные, а не назначенные. Дисциплина какая-то особенная: в пылу боев и побед нет-нет да и пограбят.

За частями тянутся тысячи повозок. За каждой повозкой десяток лошадей. В повозках — трофеи и жены...

Ходили слухи о зарубленных камиссарах. Коммунистов горсточка, — и те на полулегальном положении. Во главе армии какие-то «самородки»: вахмистр Буденный, слесарь Ворошилов.

Чему же радуется чудак Соседов?

Но в каких мрачных красках ни рисовалась будущая служба в Первой Конной, а внутри что-то так и подмывало.

Молодости свойственна любовь к новизне и риску. Молодость тянется к славе.

Будущее в Первой Конной сулило новизну, риск и славу.

«Какие бы там ни были люди, авось прийдусь ко двору. Сроднился же я в царской армии с партизанским взводом. Там народец-то был аховый».

В памяти встала служба в партизанском взводе в 1916 году.

Я — командир взвода, офицер.

Во взводе — унтер-офицер Чаплин, два вольноопределяющихся и тридцать солдат: все охотники, добровольцы, в прошлом — шахтеры, сорви-головы.

Сначала относились ко мне неважно, а после февраля 1917 года внесли в полковой комитет на руках:

— Это свой. Понимает. Под суд не отдаст и под шашкой не тиранит. У него свой суд.

Вспомнил я «свой суд». Один раз пришлось «судить» так. Весной 1916 года полк стоял в резерве за Двиной. Мне со взводом, как отдельной части, отвели отдельный хутор. Тоска была смертная. Как-то раз после обеда ко мне в комнату, всхлипывая, вошел вольноопределяющийся, младший унтер-офицер Ржебко-Ласский.

— Что с вами? — спрашиваю.

— Меня избил улан Горбенко.

Дело серьезное: избил при исполнении служебных обязанностей. Тут не только суд, а расстрел.

Горбенко исключительно храбр. Геркулесище.

Что делать?

Позвал старшего унтер-офицера Чаплина.

— Построить взвод! — приказываю.

Выхожу к взводу. Здороваюсь.

Горбенко на правом фланге. Красив. Здоров, как бык.

— За что побил вольноопределяющегося? — спрашиваю у него.

Он, смело глядя мне в глаза, отвечает:

— Да так што воны гнида хлюплая. Все скулять, все скулять.

— А если бы он был такой же вол, как ты, тогда побил бы? — кричу ему.

Он, и глазом не моргнув, в ответ:

— Тогда бы побачил.

Мне было только девятнадцать лет. Силищи хоть в долг давай. Год был чемпионом Петрограда по боксу. Так мне захотелось сбить спесь с Горбенко, аж дух захватило. И в ногах дрожь.

— Идем в рощу, — говорю ему. — Чаплин, оставайтесь со взводом здесь. Чтобы ни звука никому о случившемся.

Вошли мы с Горбенко в лес. Он, негодяй, идет и улыбается. Во мне от какой-то буйной радости все трясется. Сбросил я с себя китель, чтобы погоны не пострадали, «честь офицерская», и говорю Горбенко:

— Ну, давай драться. Бей во всю. Я с тебя собью спесь.

Горбенко не удивился,— как сейчас помню, тоже снял гимнастерку, подтянул ремешок шаровар и стал передо мной, смело наклонившись вперед.

Я сначала слегка щелкнул его прямым ударом по носу. А про защиту живота забыл. Как колом хлестнул меня Горбенко по боку. Вижу, дело имею с опытным кулачным бойцем. Стал действовать осторожнее. Деремся минуты полторы. Горбенко расшиб мне бровь. Я, как ни сражался, не мог добраться до его челюсти. Наконец улучил момент и правой рукой щелкнул в край подбородка. Бой был кончен. Горбенко ползал по траве, стараясь подняться.

Этим и кончилась история с избиением вольноопределяющегося Ржебко-Ласского.

Не знаю, что сказал Горбенко, только взвод не мог на меня надышаться. Сам Горбенко, отличный стрелок, закармливал меня всякого рода дичью.

«Сойдусь и с конноармейцами»,— успокоил я себя, еще раз прочитав утром в штабе приказ по дивизии.

МАРШ

Утром весь полк знал о предстящем выступлении.

Началась лихорадка сборов. Минуты, часы и сутки ускорили свой бег.

В полку не было человека, не занятого по горло. Широко развернулась политико-культурная работа.

Мотались снабженцы, вываливая в полк, как в бездонную бочку, все новые и новые предметы довольствия. Писались приказы. Составлялись подсчеты и расчеты.

Не успели оглянуться, как наступила последняя ночь перед выступлением.

В последний день пришлось выдержать самый жестокий бой с родными уходивших.

Их понаехало такое множество, что девятьсот человек полка буквально растворились в этой массе. От навезенной снеди трещали импровизированные казармы. Весь полковой обоз не мог бы поднять этих запасов. Нужны были героические усилия, чтобы заставить родичей забрать две трети подарков обратно и разъехаться накануне ухода полка.

Настроение в полку бодрое. Даже всегда мрачный

Ридель улыбается. Сашенька мотается мелким бесом. Завхоз Никулин носится с какими-то исключительно выгодными комбинациями.

Несколько слов о завхозе Никулине. Это крупный, толстый человек с большим хищным лицом и плутовскими глазами. Он все время комбинирует. Мне он не понравился с первого же взгляда. И потом, как ни старался он втереться в доверие, расположения у меня к нему не было. Он был не по нутру. Я не верил ему. Как завхоз, он работал хорошо — умел подойти к бойцу и командиру, а вот не лежала к нему душа, и конец.

Я потерял Никулина из виду летом 1921 года.

Только в 1926 году в Москве из газет я узнал о том, что он расстрелян ГПУ. Никулин оказася Микулиным. А Микулин был в свое время царским охранником. Он помог разгрому не одной социал-демократической организации и ликвидации десятка товарищей.

Микулин успел набедокурить и в Красной армии: за ним числились какие-то комбинации с сахаром, мукой и даже передачей оружия бандам. Сердце оказалось вещуном.

В морозное зимнее утро полк тронулся на запад.

Как ни хлопотали снабженцы, а процентов 10-14 полка ехало без седел. Кое у кого не было винтовок.

Кое-где в строю вместо шинели пестрели разных цветов и покроев полушубки.

Все это было заметно вблизи. А издали полк выглядел грозной силой.

Первый раз заночевали в слободе Покровская под Саратовом.

С вечера я принял доклад командиров эскадронов. Начало похода прошло значительно гладко. Не было ни отставших людей, ни набитых лошадей.

Утром при поверке состава перед дальнейшим движением не досчитались... полтораста человек.

Посмотрел на Риделя, тот на меня, и мы поняли друг друга без слов: если так пойдет дальше, полка хватит ровно на пять дней. В Конную придем вдвоем.

Пришлось отложить выступление на два-три часа и провести митинг.

Масса успокоилась. Отсеялись, повидимому, те, кому с нами было не по пути. Оставшиеся производили хорошее впечатление. Ячейка и актив работали бешено.

До области Войска Донского дезертиров почти не было.

Поход окончательно подтянул конский состав, скопотил части, спаял бойцов и командиров в дружную семью.

Полк остановился на границе казачьих земель в слободе Даниловской.

Тут постояли дней десять: нужно было как следует отдохнуть.

Слобода Даниловская памятна мне серебряной шашкой.

Как-то вечерком ждал я к себе в гости командиров эскадронов по случаю полугодовщины существования полка. В те времена мы еще не думали о десятилетней истории части. Месяцы были за годы.

Гости собрались.

В разгар чаепития командир первого эскадрона от имени всего командного состава полка поднес мне отличную шашку в серебре.

Как я узнал потом, она была куплена у вдовы боевого командира, кавалериста тов. Блинова, убитого незадолго перед этим.

Я был рад вниманию моих командиров. Шашка пришлась по руке. Этой шашкой я рубил в 1920 и 1921 году.

На ножнах ее за пять лет десятки товарищей оставили знаки своего внимания.

В 1926 году на шашку заявил претензию тов. Голиков. Будто эту шашку он передал в 19 году вдове Блинова для сохранения.

Вдова Блинова опять-таки не лично, а письмом, сообщила, что эту шашку у нее отобрали «какие-то» командиры.

В дело вмешался, в пользу Голикова, «большой начальник».

Я отдал шашку Голикову. Жаль было свидетеля боевых удач и поражений. Будто кусок живого тела отрезал.

Отдохнув и окончательно отшлифовав полк, — тронулись из слободы Даниловской через донские просторы к Ростову.

Поход через Дон зимой 1919-1920 года от станицы Качалинская до Ростова — незабываемо тяжелое испытание.

Зима выдалась снежная, с лютыми морозами. Все жи-

все она позагнала под крыши, в старые некошенные травы, в глубокие норы. От станицы до станицы замели снега дороги и тропы. Война отделила избу от избы, хутор от хутора границами красных и белых. Красные и белые ушли, а страх границ оставил. Станишник и хуторянин, спрятав лошаденку «останную», носа со двора не высовывали. Коли нужда приходила, ходили от избы к избе с опаской, от хутора к хутору брел пешком, прячась от человечьего голоса.

Только псы воем простуженным от жилья к жилью дорогу указывали.

Неделями задували мятели.

Колонна полка двигалась гуськом. От морозов посгорали носы и щеки, сползла с них кожа ошметками.

По калмыцким станицам ни души живой. Все разбито, разграблено. Хутору живому радовались, как празднику. Молодежи и мужиков в хуторах хоть шаром покати,— ни души. Поостались старички, как дубы корежистые, старухи да невестки молодые, сытые, белотелые. Постирались между оставшимися грани родственные. Старики молодых обслуживали, а старух впрягли в хозяйство, в гроб загоняли издевкой.

Я ночевал у такого старика в просторной, веками налаженной избе. У старика две невестки-красавицы. Щупают глазами голодными. Молодежи не видали с осени. Старик по ночам не спит, за молодыми приглядывает. Да разве можно бороться старости с молодостью? Ночью старика поднял шум на чердаке. Зверем вскочил старик, на ходу нырнул ногами в валенки.

То шумит на чердаке, то в клети шевелится, то в амбаре затарахтело.

Так часа два старик с чердака в клеть, из клети в амбар и разгуливал.

А молодость в это время тешилась, над стариком издевалась. Всю обиду от любви подневольной вытравила поцелуями ненасытными, губами до крови к другим губам прижатыми да объятьями медвежьими.

— Жизнь распроклятая, подневольная. Пусть старый чорт побегает.

От хутора к хутору, от зимовника к зимовнику, сквозь мятель без начала и конца непроглядную, брели семьсот человек.

Из сил полк выбивается. Еду впереди. Мороз пролез во все тайники. Разогнал тепло, леденит нутро.

Сзади гробовое молчание.

Будет ли конец качанию с сугроба на сугроб?

Вот-вот сердце не выдержит, лопнет, как туго натянутая струна.

Надо чем-нибудь порвать эту темь проклятую, разогнать мрак в голове, стужу внутри. Хочу запеть, а сам боюсь, не замерз ли голос, не заскрипит ли, как телега неподмазанная?

Разорвал мятель и стужу: «Бывали дни веселые».

Песня подхвачена.

И как будто мятель поубавилась, согрелись косточки, развеялась тоска.

С первыми лучами весенними подошел полк к хуторам под станицей Цымлянской.

Тут приказ по дивизии оставили полк на полторы недели.

Первый день ушел на приведение в порядок всей материальной части, на жаркие бани.

Вздохнул полк. Повеселели и люди, и лошади. Подсчитали тех, кто прошел сквозь недели холода и голода. Это те, кто пойдет и дальше. Те, кто пойдет в бой... Остались проверенные, закаленные, выдержанные. Вышло девятьсот, осталось семьсот.

За то время, что бездорожье и стужа нас от мира отрезали, многое изменилось.

Развернулась работа по разъяснению текущих задач. Прочищались мозги, от донских морозов застывшие. Обновлялось нутро, росло сознание целей и смысла борьбы.

С Деникиным покончили; катился Колчак. На западе появилась новая угроза, самая страшная.

Никогда я так много не читал и не слушал, как в эти дни стоянки под Цымлой, а потом под Ростовом.

То, что чувствовалось раньше нутром, теперь сознавалось в каждой букве, в каждом слове и шаге.

Лихорадочно работал полк над отшлифовкой наружности и боевой подготовки. Свободного времени почти не было. Я стоял на квартире у местного священника. Так потом всю гражданскую войну этому месту не изменял. Выгодное место. «Подножный корм» обеспечен, комнаты большие, чистые, а при умелом подходе — исчерпывающие сведения о противнике и местном населении.

У моего хозяина, сухощавого стройного попика, молодая, с претензиями, матушка.

Попик рисуется внешностью, постом и молитвой под Христа: борода и волосы у него иисусовы, глаза скорбные.

Матушка — единственная дочка кафедрального протоиерея, избалованная родителями, — ей хочется чего-нибудь «сверхъестественного».

Весной лезут в голову мысли пьяные.

Эх, поскорей бы добраться до настоящего дела, чтобы дать выход силушке буйной! Не то накуралесишь в станице, солнцем зацелованной.

Сидел я в поповской комнате, а в голову лезли мысли несуразные.

Слышу, на крыльце хлопнула дверь. По походке узнал брата. Его голос:

— Разреш-ите во-о-ойти, то-ова-арищ ко-омандир по-олка.

Брат заикается с детства. Это результат моей проделки.

Ребятами мы остались в темный зимний вечер вдвоем. Я вздумал попугать Володю. Смастерил ходули, натянул на себя простыню и вышел к нему из соседней темной комнаты. С тех пор он стал заикой.

— Заходи, я один,—отвечаю.

Вошел Владимир.

Взглянул я на него, и сразу во мне что-то екнуло. Вид у «моей совести» не предвещал ничего доброго. Видно на повестке очередной разгон.

«Моя совесть» сел. Минута молчания. Я делаю вид,

что пишу, старательно выводя буквы по написанным уже строкам какого-то рапорта.

— Мо-ожно с то-обой гово-оритъ неофициально?

Я поднимаю голову. Весь мой вид говорит: какие же могут быть разговоры, я перегружен работой!

Но отвечаю:

— Пожалуйста, пожалуйста.

Как всегда тихо, спокойно, влезая в самую душу, Владимир начал:

— Николай, ты командир по-олка. Э-это тебя обязывает. Ты сын голо-одающих ста-а-ариков. Ты у-у меня бе-ерешь деньги взай-й-ймы, а тра-атишь чо-орт зна-ает на... на что. Хо-о-одят вся... вся... всякие слу-у-хи. Сви-и-инство. Ты-ы-ы свинь... свинь... сви-н-ья!

Когда «совесть» волнуется, он заикается сильнее.

Я поднимаюсь и серьезно отвечаю:

— Товарищ командир пулеметного эскадрона, прошу не забывать, что вы разговариваете с командиром полка. Призываю вас к порядку.

Владимир моментально вскакивает:

— Из... из... извиняю-юсь, тов... тов... товарищ ко-ом... ко-омандир по-о-олка!

Я сажусь и любезно предлагаю:

— Пожалуйста садитесь.

Владимир садится.

Минуты две — молчание:

— А-а-а можн-н-но ли го-оворить нео-о-о... неофициа-а-ально?

Сдерживая улыбку, отвечаю:

— Пожалуйста.

— Ко-о-оля, я... я... обяза-ан те-е-ебя пре-еду-дупре-едить: ты-ы-ы-ы плохо-хо ко-ончишь! Я, лю... лю... любя те-ебя, го-говорю.

Подхожу и обнимаю его:

— Родной ты мой, родной, родной Володька! Знаю, что плохо сделал, часто делаю плохо. Сделаю, а потом каюсь. Ну, бросим об этом. Давай поговорим о другом.

Владимиру только этого и надо. Он победил. Улыбается большой доброй улыбкой.

— Да-а-а-й, дай сло-ово, да-а-ай!

— Ну, даю. Ей-ей не буду больше. Давай, поцелую тебя.

И я еще раз обнимаю его.

— Ну, э-это зря-а, мо-ожно и... и без э-этого. Во-от та-а-ак хорошо.

Вечер мы проводим вместе.
Это было в последний раз.

4. В ПЕРВУЮ КОННУЮ

ВЕСНА НА ДОНУ

Весна пламенела. От солнечной ласки дымкой прикрылся Дон.

Стряхнула земля белый покров. Сбрасывает спячку зимнюю каждой травинкой, каждой веткой на дереве. Заворковала ручейками бесчисленными.

Потрескивает на Дону лед. Отталкивает его солнце от берегов. Последними хватками держится за землю лед.

И вот тронулся. Дыбом его подняло. На миг к солнцу подтянуло, теплом и лаской обдало и вниз бросило.

Вздыбился Дон тысячелетней конской удалью. Помчал лед, дробя, кружа и коверкая.

Полк из-под Цымлы двинулся к Ростову. Я любовался своим детищем.

Марш через Дон и стоянка под Цымлой выростили полк. Вышел он с места формирования ребенком, а тут вырос в красавца-богатыря. Почти вчетверо выросла партийная организация. Дисциплина стала образцовой. Ни одного проступка. Спайка в полку — исключительная. Сбережение коня, имущества, снаряжения — завидное. Ни на ком не было грязной, рваной

гимнастерки, замусоленных шаровар. Все во-время стиралось и чинилось.

В Батайск и Койсут стянулись все полки девятой Донской дивизии, до сих пор двигавшиеся самостоятельно, по разным дорогам.

Под Ростовом — еще теплые следы недавных боев.

Почему-то отчетливо врезались в память до десятка трупов в балках между Ростовом и Батайском.

Я ездил смотреть места боев за Батайском. Трупы голые, изуродованные. Раны почти у всех сабельные,— в голову и плечи. Я видел трупы семнадцатого года. Думал, снова поднимется муть семнадцатого года. Решил проверить себя.

Нет, не замутило. Лежали враги. Рассматривал их с каким-то злым удовольствием.

Вот этого чернявого низкорослого клинок стегнул сзади. Как бежал, так в землю головой и ткнулся.

Вон того рыжего, что раскинул руки в стороны, смерть долго мучила. Шашка острая развернула плечо до легкого. Видно, смерть долго стояла и зубы в улыбке скалила. Человек чувствовал ее близость, видел ее, и от этого была она еще страшнее, еще мучительнее.

У каждого трупа разная история борьбы. А исход у всех одинаковый.

Весеннее солнце зайчиками бегало по коричневой коже трупов. Смена света и теней на секунды будто оживляла тела. Но и солнце бессильно вернуть человечью жизнь.

Части конной армии движутся через Батайск на Ростов и дальше, на Украину.

Мимо нас с раннего утра до поздней ночи бесконечной лентой тянутся конница, пулеметы, орудия, обозы.

Часами сидел я с Сашенькой, рассматривая движущихся. Оценивая каждый их шаг, каждое слово. По встречам из обрывков впечатлений дня кропотливо складывал общую картину.

Первая Конная армия того периода не производила впечатления регулярной конницы ни однообразием внешнего вида, ни дисциплиной строя. На исключительно хорошем конском составе разных мастей и пород сидели неодинаково одетые и по-разному вооруженные люди.

Вот несколько характерных фигур.

На рослом рыжем жеребце сидит коренастый, среднего роста боец. Рябое лицо, мясистый большой нос, чувственные губы, умные, смелые глаза. На бойце кубанка, из-под нее лихой чуб плещется по ветру. Поперек кубанки широкая алая лента.

Боец одет в пальто из отличного шевиота, с котиковым воротником. Для езды в седле пальто сзади разрезано по живому месту. На ногах ярко-желтые хромовые сапоги и новые галоши с глянцем. На груди огромный ярко-красный бант. На желтой портупее — кавказская шашка в серебре, перехваченная поясом с серебряными побрякушками. С правой стороны в деревянной кобуре висит маузер, с левой — наган или браунинг. К правой переметной суме привешен кабардин. На животе болтается граната, подхваченная ремешком от охотничьего пантронташа, набитого винтовочными

патронами. Седло казачье. Поверх него кусок дорогого персидского ковра с яркими узорами. Уздечка и поводья в бляхах. Верно упряжные.

Боец сидит в седле как-то боком, задорно выставив вперед левое плечо.

Недалеко от него — другой. Этот огромного роста. По всему лицу от левого виска до середины подбородка — красный шрам. Крупное лицо с правильными чертами, большие черные глаза. На великане цветистая фуражка какого-то царского уланского полка с синим верхом и ярко-желтым околышем. Офицерское пальто и лакированные сапоги с непомерно большими шпорами. На руках перчатки. Сверху у него мало оружия. Из кармана пальто торчит эфес шашки, оттопыренные бока говорят о присутствии под пальто справа и слева револьверов или гранат. Винтовка у бойца висит слева впереди седла, дулом вниз. На груди, как у большинства, затейливо увязанный красный бант. В руке шитый кисет, непомерно большого калибра.

Под детиной великолепная серая кобыла вершков шесть в яблоках. Другой такой сухой головы, длинной красивой шеи с богатыми мышцами, роскошных плеч мощного крупа и стройных тонких ног не найдешь. У великана и у кобылы что-то одинаковое в глазах: море удали, радость жизни, силушка непомерная.

А вот третья яркая фигура. Про таких говорят: «Перед сном встретишь,— пропала ночь».

На бочкообразном вороном коне, безобразном своей мощью, высится толстяк в кубанке. Над пояском, с

набором серебра и золота, нависли складки жира, ниже горами расходятся полушария толстого зада. Живот огромен. Оружие и всякие атрибуты на толстяке те же, что и на большинстве. Но лицо у него особенное.

Он несомненно с гор.

Как только мог так распухнуть этот потомок сухих, стройных горцев? Лицо у него коричневое. Это не лицо, а скорее искрошенная шашкой и ножом маска.

Если слово «разбойничий» что-нибудь значит, то именно у него разбойничьи глаза. Они как будто разной величины и цвета. Даже поставлены по-разному. Может быть, это сделал тот, кто рубил эту маску? Правый глаз выше и больше левого и посажен к носу под углом вверх. Нос, огромный, безобразной картофелиной свисает над верхней губой с небогатой растительностью. Вместо подбородка какие-то одна на другую набегающие складки.

Части и подразделения так же не похожи друг на друга, как не похож этот черкес на красавца в офицерском пальто.

Разница в лошадях, обмундировании, в разнообразии и блеске оружия. Командиры отличаются от бойцов за немногим исключением скромностью внешности и вкусом. Весь начальствующий состав очень молод. Дисциплины строя, как я себе ее представляю, не видно.

Но поразительное дело! Если дисциплина строя обычно символизирует его мощь, то Конная армия, двигаясь без всякого следа дисциплины, стихийным потоком людей и лошадей демонстрировала непреодолимую, безудержную силу.

Я никогда не видел ничего подобного.

Перед атакой этих тысяч немыслимо устоять.

Бросалась в глаза спайка этих разношерстных тысяч в черкесках, бекешах, серых, черных и коричневых пальто.

Из них выпирала целина.

Какая здесь еще нужна работа?

Красивой картиной промелькнули пулеметные тачанки.

До сих пор, желая представить себе самое красивое, воскрешаю в памяти четверку белых коней в пулеметной тачанке. Это были четыре прекраснейших творенья природы... С ними гармонировали и ездовой красавец-цыган и новенькая звенящая тачанка.

За тачанками потянулся обоз. Это был не обоз, а буйный бродячий поселок, кочевой базар.

Здесь было все, что нужно для боя, для лечения раненых и больных, для замены лошадей, просто для удалого отдыха.

Конная армия прошла Ростов, Таганрог.

Время от времени проскакивали хвосты вдогонку ушедшим.

Командир дивизии сообщил, что нам в Ростове предстоит смотр перед Революционным военным советом Первой Конной армии.

Рано утром полки девятой Донской дивизии построились на ростовском ипподроме. Мой полк на правом фланге. Дивизия выглядит отлично. Получено недостающее. Люди и лошади отдохнули.

Командир дивизии Трифонов, небольшого роста, сухой, с черными усами, в пенснэ, нервничает.

У всех нас, от бойца до командира, напряженное состояние. Сейчас мы увидим легендарных Ворошилова и Буденного, вождей этой картинно-пестрой, сметающей все на пути лавины.

Оркестры взорвали тишину.

От вокзала, рассекая дугу ипподрома, к дивизии летела группа всадников.

Здороваясь с полками, кавалькада проскочила так быстро, что я не успел рассмотреть лиц.

Командир дивизии подал команду. Полки сплошной стеной людей и коней, шурша тысячами копыт, звякая сталью клинков и винтовок, построили квадрат. В середине квадрата — группа всадников.

Отчетливо вижу Ворошилова и Буденного. С ними еще несколько человек. Очевидно, порученцы и просто любители проникать в историю через соседство, ради дела и без дела, с большими людьми.

Ворошилов в темно-серой каракулевой шапке и серой бекеше. Под ним отличный, рыжий, с золотым отливом конь. Маленькие, подстриженные по-английски усики, быстрые стальные глаза, немного презрительно сжатые губы. Сидит в седле, как пришитый. Шенкель ушел чуть вперед.

Я оценил его посадку и управление конем. Ведь он бывший слесарь, на лошадь его посадила гражданская война. Откуда же у него эта непринужденность и уверенность опытного конника?

На Буденном темная черкеска с золотыми газырями,

кинжалом, шашкой и поясом. Из-под черкески полыхает ярко-красная шелковая рубаха и, кажется, такой же бешмет.

Говорили оба.

Буденный спокойно, подкупающе-просто сказал о недавних победах, а Ворошилов, пробежав по международной обстановке и коснувшись выступления Польши, подробно осветил новые, вставшие перед Конной армией задачи.

Речи продолжил громовый крик ура.

Квадрат раскрыл ворота и выпустил всадников. Быстро перестроившись, дивизия двинулась торжественным маршем мимо Революционного военного совета Первой Конной.

С криком «ура», терявшимся где-то в улицах ростовской окраины, шли полки дивизии.

С парада потянулись вслед за хвостами Первой Конной к Таганрогу.

Жалко было так скоро кончившегося парада и радостного настроения, которое уже стиралось повседневщиной.

Девятая дивизия вошла в состав Первой Конной.

ЧЕРЕЗ УКРАИНУ

Двадцать тысяч коней — как саранча.

Снабжение не поспевает за ртами людей и лошадей. Поедаются и подвозимые запасы и «подножный корм».

Как красивы Донбасс и Украина весной!

Знак войны — пожары и разгром — не отнял у

весны радость жизни, у солнца — тепло и блеск лучей.

В Донбассе конница встретила самый радушный прием. При расположении полка в населенных пунктах рабочие нарасхват растаскивали по квартирам бойцов и командиров. Вечера на таких ночлегах проходили в теснейшей спайке между частями и рабочими — хозяевами шахт и заводов.

Во всю ширь развернула работу ячейка, ежедневно пополняемая новыми членами.

Каждый день марша растил и крепил боевую мощь полка.

С походом к украинским селам и деревням, за пределами Донбасса, полки встретились с иным отношением.

В украинском селе классовая борьба только еще началось. Самостийность — петлюровщина, махновщина — тормозила ее. На селе лишь меньшинство бедноты осознало подлинного врага.

Большинство села встречало Красную армию как «москалей».

Мы проходили на базе, вырастившей и питавшей Махно. Здесь впервые подробно узнали об разновидности украинского кулацкого движения.

Время от времени до нас доходили слухи о стычках частей дивизии с мелкими бандами. Все чаще и чаще отдельные продовольственные работники, комиссии по мобилизации лошадей, подвергались налетам банд. Не было фронта, не было врага, а пуля бандита выхватывала жизни, клинок настигал в лесу, в деревне, в избе.

Сегодня и у меня в полку происшествие.

Первый эскадрон, посланный для привода мобилизованных лошадей, подвергся налету банды. Банда имела ввиду не эскадрон — она не знала о его подходе к селу — а комиссию, производившую закупку лошадей.

Бойцам первого эскадрона пришлось впервые вынуть клинки и рубить. Разогнав и порубив комиссию, банда неожиданно и для себя и для эскадрона напоролась на последний.

Командир растерялся.

Положение спасли сами бойцы; не дожидаясь команды они выхватили клинки и бросились на банду. Одиннадцать человек-бандитов остались на месте боя порубленными, трех взяли раненными в плен, десятка два ушло. Эскадрон потерял четырех убитыми и двух раненными.

Жалко было потерь, но радостно было за эскадрон.

С такими бойцами можно воевать и одерживать победы.

Полк должен был оставить у украинского мужика дружеское воспоминание. «Порядок, законность и самое доброжелательное отношение к окружающим»,— такая дана была установка. Вокруг нее развернули работу ячейка и актив.

Первый полк немцев Поволжья задачу решил блестяще.

Всюду, где мы стояли, работа наших коммунистов и актива создавала на украинском селе прочное ядро

бедноты, знающей, кто подлинный враг, с кем нужно бороться.

Завтра переправа через Днепр у Кичкаса.

Полк ночует в селе Васильевском почти над самым Днепром.

В весеннюю ночь над Днепром вспомнился Гоголь: Тарасы, Остапы, Андреи не видят десятков тысяч конников, воскрешающих походы Сечи.

Мы идем в ту самую сторону, куда ходили курени. И на нас нападают. И мы идем защищать волю и тысячелетиями желанную, исхоженную, изъезженную, крепким мужицким потом пропахшую землю.

У ног катится Днепр. Справа доносится шум порогов. Они шумят, как шумели когда-то, убаюкивая запорожскую вольницу. Они шумят и катят воды, как катили их перед сощуренными глазами человека в николаевской шинели, навевая на него образы давно ушедшие, дорогие невозвратностью.

Командиру плохо быть хоть немного поэтом. Не дают погрезить.

Дежурный по полку, запыхавшись, сообщает о полученном из дивизии приказе переправляться.

Иду от Днепра в тесную избушку, чтобы приняться за расчеты, соображения, распоряжения.

Днепр остался сзади.

Мимо плывут зелени полей, рощи, сады, раскрывшие почки навстречу солнцу.

Полки торопятся вперед и вперед, пожирая конскими ногами бесконечные километры полей.

Наконец мы догнали хвосты Первой Конной.

Встреча с Конной готовила полку новые испытания. Предстояла поверка бойцов и командира на крепость, дисциплину и сознательность.

Полк вошел в огромное село. По дворам разбросалась шестая дивизия Конной армии. Шестьсот людей и лощадей вошли, как один: дистанция, равнение, тишина в строю.

Я решил сделать в селе привал. Пусть молодежь полка потолкается между конноармейцами.

После раскаялся.

Полк остановился на широкой, длинной улице. Я отъехал и предупредил знаком о спешивании. Взметнулись над головами и замерли руки эскадронных командиров.

Я резко опустил свою, и всадников как ветром сдунуло с коней.

Кругом на полк глазели конноармейцы.

Не успели мы слезть, как от зрителей понеслось:

— Вот старый режим! Видали, братва, полковника? Смотри, как жучит.

Командиры и политработники полка провели целую разъяснительную кампанию.

Среди бойцов нашего полка, даже среди взятых мною добровольцев из украинских сел и Донбасса насмешки не вызвали упадка дисциплины.

Через час полк снова, как один, в полной тишине сел на коней и потянулся к выходу из села.

Те, что смеялись, проводили полк молчанием. Я слышал отдельные голоса:

— А здорово как получается! Вот оно, что значит дисциплина-то! Здорово!

До самого Миргорода, при всех встречах с дивизиями Первой Конной, происходили подобные сценки. Везде дисциплина и порядок в полку встречали сначала отрицательную оценку, как явление «старого режима», а потом восхищение.

Восхищаться было чем. Полк производил прекрасное впечатление.

За Елизаветградом девятую дивизию расформировали. Два полка немцев Поволжья были сведены в один, остальные полки отправились на укомплектование основных дивизий Первой Конной.

Командир немецкой бригады товарищ Марнец принял свободный полк, я и товарищ Дронов, командир второго немецкого полка, были назначены к нему помощниками.

В этом положении полк пробыл только несколько дней.

В одном переходе от города Умань Революционный военный совет отдал приказ о создании особой бригады при Революционном военном совете Первой Конной.

Я получил новое назначение и должен был расстаться с полком. Мне нужно было ехать помощником командира первого особого полка этой же бригады.

После ухода из полка мне пришлось перекочевывать на новые должности не раз.

Каждый уход из части, с которой связали месяцы и годы работы, тяжел.

Но никогда не переживал разлуку я так остро, как тогда.

Полк был буквально выняньчен мною. Каждый боец и командир, каждая лошадь, все до отдельной шашки прошло через мои руки. Каждый винтик этой сложной машины завинчен, пригнан, проверен мною. Сколько труда и нервов вложено в выращивание, воспитание, учебу!

Как мне мечталось о будущих боях вместе с людьми, которых я знал и понимал, которые знали и понимали меня!

Только в Красной армии может быть такая привязанность бойца и командира к своей части, привязанность не ради теплого местечка, а ради спайки с массой.

Так «позорно», как вел я себя, прощаясь с полком, построенным на площади села, я никогда себя не вел.

Подъехав к полку, построенному в резервной колонне, я несколько минут не мог открыть рта.

Наконец, еле заставил себя сказать:

— Я бы хотел, чтобы вы, в рядах Первой Конной, никогда не забывали, что вы обязаны показать себя достойными чести носить имя бойцов Первой Конной армии. Когда будет тяжело, вспоминайте суровый поход зимой через Дон, вспоминайте нашу спайку, помните, за какое великое дело вы боретесь. А я, где бы ни был, всегда буду помнить вас, делить ваши радости и горе.

Больше я не мог говорить.

Не знаю, заметил ли кто-нибудь, но в глазах у меня были слезы.

Может быть, это продукт моего воображения, но мне показалось, что не у одного меня перехватило горло, не у одного меня стали мокры глаза.

Я осадил коня, собрал его в комок и карьером оторвался от полка.

За селом я перевел коня в шаг и развернул предписание, полученное из штаба армии: «В первый особый полк, переходящий в г. Усмань».

«Поеду в город. Там разыщу полк»,— думал я, направив лошадь к видневшейся на горизонте деревне.

У ВОРОТ ФРОНТА

За деревушкой у дороги в город увидал двух всадников, Они стояли, видно кого-то поджидая. Один выглядел командиром, другой — бойцом-коноводом.

Решил подъехать и расспросить об особом полке. Поздоровался.

Командир молод; его манера держаться в седле и говорить с головой в нем выдает казака. Типично для казака и лицо — продолговатое, с неправильным носом, с неуловимой казачьей складкой губ и подбородка.

Оказывается, командир ждет полк, который должен скоро подойти.

Я спросил его про командира.

Хитро улыбнувшись, он задал вопрос, почему я интересуюсь полком и его командиром.

Пришлось сказать, почему.

В это время из леса вынырнула голова колонны.

— Вот и полк,— показал мне рукой мой новый знакомый.

При виде нас от полка отделились два всадника и направились галопом к нам.

— Товарищ Горячев, полк движется,— доложил один из подскакавших, обращаясь к моему собеседнику.

— А вот кстати и мой вновь назначенный помощник,— улыбаясь познакомил он со своим спутником.

«Так я прямо наехал на командира полка? Ловко!» — догадался я.

Полк пошел, и мы, продолжая разговор, поехали в голове его к зеленям видневшегося города.

При въезде в город товарищ Горячев предложил мне остановиться с ним на квартире, а сейчас пропустить полк и посмотреть на него. Мы слезли с коней.

Мимо нас протянулась лента полка. В полку — типичные представители Конной армии, каких я наблюдал еще в Батайске. Порядка в строю мало. Лошади хорошие.

Около нас остановилось несколько эскадронных командиров.

Командный состав здесь был старше, чем в других частях, встречавшихся в пути. Все производят наилучшее впечатление подтянутостью, вежливостью и отсутствием внешней крикливости и пестроты.

Командир полка, знакомя меня с командным составом, почему-то подчеркивает мое прошлое офицерство, величает меня чуть не полковником.

Утром, перед выступлением полка из города на площади разыгрался скандал.

Накануне вечером, по приказанию командира полка, был арестован командир взвода. Он был замечен в барахольстве, пьянстве и потачках бойцам при нарушении дисциплины. Словом, во всех смертных грехах.

Построившийся полк узнал об аресте. Любимчики взводного сагитировали десяток горлохватов, и весь полк загудел.

Уговаривать начали, что называется, по начальству.

Сначала говорил я. Мне, человеку, переночевавшему с полком только ночь, трудно было убедить главарей заворухи. Приехал командир полка.

Он попытался уговаривать. Но тоже безуспешно.

Дошло дело до командира бригады Горбачева.

Я мельком видел его несколько раз и до этого скандала. Это саженный дядя геркулесового склада, с небольшой, густо заросшей головой, мясистым носом и губами,— в движениях размашист, нетороплив, с зычным голосиной. К этому времени за Горбачевым числилось не одно славное дело на разных фронтах.

Он подъехал.

Полк продолжал горлопанить.

Мимо нас, не обращая внимания на угрозы хулиганья, в образцовом порядке прошел второй полк — бывший мой.

Мне стало стыдно перед моими бывшими учениками за первый полк.

Скандалом руководил по сути дела взвод арестованного. Другие эскадроны и рады были уйти, да горлохваты не пускали.

Горбачев попытался уговаривать. Бесполезно. Он не выдержал и, выхватив револьвер, стал грозить. Это подлило масла в огонь.

Не знаю, чем бы кончилась эта история, если бы шум и крик не были оборваны автомобильным сигналом.

Мгновенно наступила тишина.

Из машины вышли товарищи Ворошилов и Буденный.

В несколько секунд полк сам, без команды, подравнялся.

При гробовой тишине полка Революционный военный совет выслушал доклад командира бригады.

Товарищ Ворошилов повернулся к полку:

— Выдать зачинщиков!

Тишина...

Климентий Ефремович оглядывается и, поймав меня глазами, громко говорит:

— Пулеметы сюда! Приготовить и ждать приказаний.

Он сказал серьезно. И только мне одним глазом, движением бровей добавил: «Попугаем»

Я моментально исполнил приказание.

В этом уже не было надобности. Перед полком, сняв оружие, стояли спешенные двадцать пять горлохватов. Раздались голоса:

— Товарищ Ворошилов, товарищ Буденный, больше не будем! Простите! Виноваты!

Революционный военный совет о чем-то тихо совещался.

Спешенные удвоили вопли о прощении.

Товарищ Ворошилов повернулся к полку.

Опять наступила тишина.

Было сказано несколько слов. Все они попали куда нужно. Среди спешенных несколько человек всхлипнули.

Через несколько минут машина Революционного военного совета отъезжала под крики «ура». Повеселевший полк с песнями вышел из города.

— Сволочь арестовали. Так и надо! Полк позорит! — доносились разговоры из шеренг.

Трибунал расстрелял арестованного командира взвода. Он оказался законченным бандитом.

Глубоко запала мне в память эта сцена на площади города Умань. Это была демонстрация небывалой силы авторитета.

Мы — в нескольких переходах от фронта.

Время от времени на большой высоте над полком появляются аэропланы противника.

Я стараюсь использовать каждый переход и каждую ночевку, чтобы поближе узнать красноармейцев, войти целиком в новую семью.

Постепенно мне это удается.

На переходах я часто проезжаю по эскадронам.

Вчера беседовал в колонне о способах маскировки от авиации. Слушали охотно.

Сегодня говорил о действии бомб, сбрасываемых с аэроплана, и о способах избежания поражений от них. Ответил на несколько вопросов о нашей международной политике, о Польше, об истории Украины и т. п.

На стоянках обхожу эскадроны. Увижу нагнет, порекомендую наложить дерн; засечку — скажу, как избежать, чем лечить, как ковать.

Так каждый день.

Внимание очевидно нравится бойцам. Многие здороваются со мной первые.

Один боец, узнав, что у меня нет одеяла, подарил мне отличный платок-плед. Другой преподнес великолепный стэк и шторы.

Неделя пребывания в полку казалась уже годом. Удалось завоевать авторитет и среди командного состава.

Особенно популярной стала моя физическая сила. На одной из ночевок я вечером, как обычно, проходил по эскадронам.

Из одной группы, попискивавшей гармошкой, меня остановил веселый задорный голос:

— Товарищ командир, а вот у нас Гришка хвастает, что поборет вас.

Улыбаясь, подхожу к компании:

— А ну, где этот герой? — обращаюсь к сидящим.

— Да вот он,— отвечает зачинщик разговора.

С завалинки подымается коренастый широкоплечий боец. Стоит, сконфуженно пряча руки.

— Ну что ж, попробуем,— обращаюсь к нему.

— Да давай,— отвечает.

Взялись в обнимку. Я не люблю так называемой русской борьбы, но мне приходилось бороться с киргизами в астраханских степях на ярмарках. Был у меня не один красный кушак — приз за борьбу.

Взял я паренька, попритерся к нему, приловчился. Крепок, что и говорить! Потянул его разок-другой по-медвежьи,— не поддается.

Меньше меня ростом, поэтому трудно сломать. Попробовал поднять,— тяжеленько, а идет.

Мой противник — тоже палец в рот не клади. Раза два пытался шваркнуть меня через голову.

«Эге,— думаю,— вот он, твой приемчик! Шалишь!»

Повозились минуты четыре. Понатужился я, оторвал хлопца от земли, сначала хватанул вправо, потом резко влево, завертел и трахнул об землю.

Он только охнул.

Восторгу окружающих не было предела.

— Положил лучшего борца в полку!

— Да что в полку!

— В шестой дивизии, откуда он пришел в полк, его никто не клал!

После этой победы только и разговору было о силе помощника командира полка.

Так изо дня в день крепла связь с полком.

Постепенно выростало то, что дает командиру веру в идущих за ним в атаку, а бойцам — убежденность: «выручит, не попадется впросак, не предаст».

Росли авторитет, спайка, доверие.

До фронта осталось два перехода.

На марше полк пощупали стальные птицы противника.

Идущий впереди второй полк (тут мне стало неловко за моих бывших воспитанников) метнулся от авиации в соседний лесок.

Зато первый полк показал необстрелянным немцам Поволжья образец выдержки: только расчленились эскадроны да выскочили пулеметные тачанки и затакали по стальному коршуну.

Я хоть и старался показать: «нам-де это не впервой»,— на самом-то деле тоже впервые был в такой переделке.

Вечером осторожно расспросил окружающих о моем виде при налете авиации.

Оказалось, держался не хуже других, не сдрейфил.

До фронта остался один переход.

Завтра, может быть, даже сегодня услышим голос боя.

Что будет завтра?

Все эти дни с полком едет на конях и Революционный военный совет Первой Конной — товарищ Ворошилов и Буденный.

Я имею возможность близко наблюдать того и другого.

Климентий Ефремович очень общительный, всем интересуется, вникает во все детали. Он умеет расположить к себе. Через час-другой соседства с ним, после десятка слов, едешь в таком настроении, будто знаешь его давно-давно. Иногда Ворошилов вспылит, оборвет, огорошит, но это не обижает «пострадавшего». Так получается, что обидеться нельзя.

Семен Михайлович исключительно прост в отношениях с окружающими, умеет подойти к собеседнику, без бахвальства вспоминает недавние победы.

Я часто и подолгу наблюдал этих людей, ведших за собой тысячи

К победе или поражению?

Я верил в победу.

Особая бригада расформирована.

При Революционном военном совете остался опять первый полк. Второй полк немцев Поволжья ушел на пополнение четырнадцатой дивизии.

5. В БОЯХ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Вот и фронт.

Три дня грохотало на двадцатикилометровом участке северо-западной Умани.

Как морской прибой, пенясь блеском клинков, катилась конница на роты и батальоны белополяков. Прошумит тысяче-копытным конским шквалом, слизнет сотни людей и откатится назад — в балки и леса.

В поле пусто. Лес молчит. Издалека тявкают орудия, да наперебой заливаются глухим лаем незаметно приникшие к земле пулеметы.

Где-нибудь за лесами в балках тысячи конницы соберутся в кулак. Человечьи глаза высмотрят, обшарив горизонт, и безмолвные леса оживут дробью копыт и людским криком.

Видел я атаку первой бригады четвертой дивизии. Вел бригаду дед Маслак, ее командир. Замерли за бугром в балке люди и лошади, не шелохнутся. Внутри молотит сердце, снаружи живут глаза.

В левой руке повод, в правой — сталь клинка. Левая еле-еле перебирает жесткие ремни повода, правая сжимает эфес острой шашки.

По гребню бьет польская артиллерия. Метет стол-

бом черную землю. Снаряды ложатся близко от бригады. Слова команды зашевелили тысячи. Раздалась бригада полками вправо и влево. Замолчала артиллерия. Улеглась земля на гребне. Как магнитом стянула полки.

Стоят и ждут.

Наростает гул своей артиллерии. Гул пушек, язык команды — не прозеватъ!

Чаще огонь. Крепче сжимает клинок рука. Пальцы быстрее перебирают повод.

И вот звякнули враз стремена, расколол землю гром копыт, разодрали воздух конские груди. Без крика пошли к гребню. Четыре шеренги одна за другой. На гребне закрыли горизонт, затрясли воздух криком и пропали в лощине.

За гребнем бешено заухало, застрочило, затакало. Минуты две и... сразу оборвалось. Смолкла артиллерия, жиденько трещат винтовки. Значит, добрались и кончают.

Особый полк с Революционным военным советом ждет результата атаки. Решается судьба прорыва. Полк остался последним резервом армии.

Прорыв удался. Неудержимым потоком полились части в ворота фронта.

Вот балка, из которой шли полки четвертой дивизии в атаку, вот гребень, изрытый снарядами. Перевалили через него атакующие и пропали в лощине.

За гребнем в полукилометре село. Перед селом и правее — окопы польской пехоты.

Атака сотнями ручейков просочилась через окопы и

залила их. Первая бригада четвертой дивизии ворвалась в село, а справа до ржи обезумевшую пехоту смял с фланга полк второй бригады.

Противник разбит.

Вдоль большака, по канавам, на дороге, во ржи — трупы и трупы. Еще теплые. Черепа разворочены. Пальцы скребут грязь канавы. Ворочает глазами белая кровавая маска раненного польского офицера.

Полк проходит место боя на рысях.

Впереди — тишина. У деревни вырублены и первая линия и резервы. Части дивизии брошены на Житомир и Казатин. Все летит вперед и вперед.

Этот тысячеголовый и тысяченогий поток, неудержимо катящийся вперед, смывая все на пути, напоминает плотину, прорванную весенними водами.

Не удержать! Не сломить!

Бригада ночевала, вместе с Революционным советом и полевым штабом армии, в двадцати-двадцати пяти километрах от Житомира.

Утром с боем двинулись вперед. Получено донесение о захвате Житомира с несколькими тысячами наших пленных и богатейшими трофеями.

К вечеру прибыли в Житомир.

Вечером я провожал брата Владимира. Во время налета авиации он был тяжело контужен. Первые дни лечился в походе, но сейчас врачи потребовали эвакуации. Я видел Владимира в последний раз.

В Житомир вернулся эскадрон Савченко, посланный для разрушения железнодорожного пути между Киевом и Новоград-Волынском. Это единственный путь, остав-

шийся у пилсудчиков после захвата Конной казатинского узла. Эскадрон пробрался по тылам противника и, сделав больше двухсот километров в оба конца, блестяще выполнил задачу, взорвав железную дорогу и мост у станции Тетерев. В пути, на местах взрыва, пришлось драться с встречавшимися частями поляков. Вечером командир Савченко рассказал подробности рейда.

В разъезде рейдирующего эскадрона погиб воспитанник эскадрона комсомолец Гришутка. Погубила молодость. Вот как он погиб.

ГЛАЗА МОЛОДОСТИ

Хороша жизнь. Всегда хороша. А весной, когда вишни в цвету, когда земля тянется к солнцу каждой травинкой, когда все живое кричит сотнями голосов, когда воздух рвет грудь сладостью и легкостью,— жизнь прекрасна!

Разъезд вынырнул на опушку рощи головами десятью лошадей и двумя десятками человечьих глаз.

В несколько секунд глаза искололи всю местность. Передний,— видно старший,— пробасил:

— Ну, хлопцы, сейчас прыжком до той вон железнодорожной насыпи. А там побачим. Вон дозор до нее дошел, машет. Галоп!

Разъезд рванулся.

Цокнули раз-другой подковы, и снова тишина. Снова разноголосый крик в воздухе, солнце и распирающий тело дух земли.

Разъезд у насыпи. Кони — за нею. Над насыпью глаза старшего, они старые, окружены морщинами, прищурены, их не два, а по опыту-навыку — десяток. Рядом два голубых, широко раскрытых, вокруг них ни одной морщинки. Просто — два глаза молодости.

В старых — хитрость, настороженность, усталость, горечь, а в молодых — весна, радость, смех.

— Проскочили, черти! Вон тот хуторок справа... что-то не нравится он мне. Время рабочее, а около него ни души. Что-то не того. Ты, Гришутка, проскочи на балке к нему, прощупай и махни фуражкой. Мы тогда скачком к той горке. Давай!

Гришутка кубарем с насыпи — к коню.

Гришутке восемнадцать, мышастому семь. У обоих в крови весна в цвету. Каждый мускул играет, в глазах — море по колено.

Гришутка проехал под мостиком по воде в балку и зачавкал подковами к хуторку.

Вот и кустарничек. Тут налево должен быть хуторок. Оглянулся на насыпь.

— Как ловко прячется отделком Василь Иванович. На што знаю место, где сидит — и то не вижу. Ловко!

В трехстах шагах две избушки хуторка с большими сараями. Здорово живут, что твои помещики! Посмотрел сощурившись, как отделенный, сплюнул и карьером махнул к окну крайней избушки.

Подскочил к окну и застучал. В окно выглянул мордастый мужичина.

— Выйди-ка, товарищ, на минуту.

За окном в глазах испуг и еще что-то — не разобрать, темно от солнца.

Осторожно пискнула дверь. На пороге мордастый.

— Как у вас тут, дяденька, насчет панов? Не заглядывали? — пробасил Гришутка.

— Никого не видали. Мы одни тут, кому нужны? — отмахнулся вышедший.

— А вот следы коней; ковка-то военная, а? — врет Гришка, по отделкомовски щуря глаза.

Вышедший как-то дрогнул, приземился.

— Ну, это ты, парень, от страху. Да ты што тут один делаешь? — глазами метнул он кругом.

— Да я вот еду на станцию. («Ох чорт, ни одного названия не помню»,— промелькнуло у Гришки).

— Так зайди, выпей молочка, устал поди,— выдавливает тот.

— Нет, спасибо, дальше надо ехать, прощевайте покеда,— ответил Гришутка.

Захлопнула рот изба, проглотила мордастого.

«Надо смотреть за избами и амбарами да в амбарах. Чорт его знает, уж больно рожа-то сытая»,— думает Гриша, поворачивая мышастого за угол.

За домами пусто. На срубе колодца бадья с водой. Вода чистая, верно холодная. Мышастый потянулся к воде. Сразу пить захотелось.

— Стой, ты! Дай хозяину. Старшинства не знаешь?

«Сейчас глотнем по разу, за амбарами посмотрим, да и дальше».

Гришутка наклонился с коня к бадье, схватил ее обеими руками,— не поднять, тяжела. С коня прыг — и прилип к краю бадьи губами.

По воде круги, в кругах голубое небо, с боку губы мышастого.

Рванулся мышастый. Не успел оторвать Гришуха губ от бадьи, обвили чьи-то руки. Оглянулся,— стоят польские кавалеристы: трое, четверо из амбара выглядывают еще, еще.

Из избы выскочил офицер.

Мордастый что-то говорит по-польски, указывая на Гришутку.

Страха нет, а обидно. Обидно до боли: «Что будет с нашими? Как передать?»

— Ты, сволочь, буденновец, сифилитик, откуда? — картавит офицер.

Молчит Гришка.

— Дай-ка ему одну,— мотнул офицер.

По спине саданули прикладом.

— От разъезда наверное, ну? — надвинулся офицер, помахивая стэком.

«Скажу,— думает Гришка.— Только бы отпустили, а там выскочу».

— Молчишь? Дай-ка ему еще,— зашипел офицер, замахнувшись стэком.

— Нас, дяденька, пятеро, вон там в лесу,— показывает Гришка в противоположную сторону.

— Заговорил,— цедит офицер. — Садись на коня и махни своим из-за угла, чтобы ехали сюда. Смотри, сзади пуля!

В руках гада блестит смерть. Он что-то скомандовал. Из амбара выехали еще пятеро.

«Кони дрянь,— подумал Гришутка. — Уйду от сволоты, как пить подать, уйду».

Сел на коня.

К углу пошли Гришутка на мышастом, офицер и двое с винтовками пешком. Пятеро на конях прижались к избе.

Вот и угол.

— Дашь знак и назад. Поймаем тех,— жив будешь. У нас послужишь,— картавит сзади офицер.

Вдали насыпь. Будто голова Василия Ивановича видна.

«Свои там. Каждый близкий, родной. А жить-то как хочется! Кругом такая красота... Дома, в Ставрополе, поди, сеют.. В степи отец, мать, сестренка... Махнуть — значит измена. А что говорил военком? «Гриша, ты комсомольцем стал, резерв нашей партии, будущий строитель коммунизма, надежда рабочего класса». Какой я стервец! Нет, умру, а не изменю. Может, выскочу еще?» Оглянулся... Из-за угла глаза и дула.

Собрал мышастого, будто потянулся к шапке, прижал ноги и рванул к кустарнику. Выстрелов не слышал.

Сначала кольнуло и обожгло плечо, потом стегнуло по ноге, потом все оборвалось. Последними мелькнули кустарник и — сбоку вверху морда мышастого с прижатыми ушами.

На балке, под мостиком, по воде, к разъезду за насыпью приволок мышастый запутавшегося в стремени Гришутку.

Вместо головы — кровавый кочан капусты.

Подскочил мышастый, упал, дернулся, попытался встать, поставил передние ноги, сел по-собачьи и медленно опрокинулся на бок.

К НОВОГРАД-ВОЛЫНСКУ

Бой вчера, бой сегодня утром, а сейчас лаской обволакивает солнце, щекочет нутро дух земли.

Дивизии Конной впереди гонят противника клинком, пулей, снарядом,— кровью и смертью мостят тропы и дороги боя.

Сюда, в голову колонн Особого полка, лентой извивающегося за Революционным военным советом Первой Конной, стекаются ручейки в море, донесения, сводки. Маленький, юркий, черный как уголь командир штабного эскадрона Десятников рассылает с посыльными приказания Реввоенсовета.

Отсюда воля к победе гонит волны свинца и стали вперед и вперед.

Как просто и как сложно, ломая все преграды на пути, двигать почти два десятка тысяч сабель, сотни пулеметов и орудий.

Весенний воздух пьянит, делает дерзким.

Звон подков, тарахтение тачанок, как бичом, подгоняют людей.

В полукилометре разбросалось на горке село. Смеется белыми мазанками.

— А ну, Семен Михайлович, прижмем до села. Кто кого?— улыбаясь бросает Буденному Климентий Ефремович.

Прижали впятером.

Цокнули, как по наковальне, подковы. Задние ноги в первый бросок нагнали передние. Распластались кони-птицы. Зазвенело в ушах.

Вырвались к селу.

Смеялось солнце, хохотали мы, улыбался Ворошилов, на голову обогнавший Буденного.

Над селом вспорхнули белые облачка, аккуратные, нежноголубые.

Взвизгнул разрыв, долетел звук выстрела. Так несколько раз под ряд.

К Революционному совету подскочил броневик шестой дивизии.

— Откуда-то появился польский бронепоезд, — докладывает выскочивший из броневика пулеметчик.

Части дивизии впереди, а бронепоезд в тылу.

За селом в километре — лес. Между деревьев клочьями черной ваты мотается дымок бронепоезда. Улыбка сбежала с лица. За крайней хатой отдаются приказания. На скаку развернулись эскадроны, блеснув сталью клинков...

Ежом покатился к лесу броневик, вправо и влево от него развернулись два эскадрона. Бронепоезд успел дать три выстрела и коротко тявкнуть пулеметами. Путь спереди и сзади разворочен и завален. Из-под каждого дерева броневики щупают дула винтовок.

Сдался бронепоезд. Вез казну армейскую — злотые — и влип. Часа два провозились с ним и двинулись вперед.

— А ловко мы подскочили, Семен Михайлович? Еще бы нажать немного и, сами того не зная, атаковали бы впятером бронепоезд.

— Вот когда бы Зотов накатал реляцию,— хохочет Климентий Ефремович.

За Житомиром дивизии разорвались, и в разрыве Революционный совет разведкой обнаружил противника.

Поляки успели занять оборону по опушке вырубленного леса и по гребню высотки. Правее и левее четвертая и шестая дивизии преследуют противника. Негоже Революционному совету танцовать перед одной-двумя ротами белополяков или просить помощи соседних дивизий. Пусть там делают свое дело. У нас есть Особый полк.

Я впервые получил непосредственно от Революционного совета боевую задачу: сбить противника.

Выскочил вперед. Осмотрел местность. Скрытно подвел два эскадрона и бросил их в атаку. Атака встречена сильным огнем. Падают убитые и раненные. Упал с коня командир эскадрона Бобкин. Убит или ранен? Поднимается... Идет, прихрамывая. Ранен в ногу. Стрельба смолкла. Эскадроны рубят бегущую пехоту противника. Плотина снесена, и опять катятся волны клинков вперед и вперед.

Перед Новоград-Волынском валы разбились. Противник и здесь подготовил оборону. Перед городом вьется река Горынь. Речонка немудрящая сама по себе, но берег, занятый поляками, высок, обрывист и удобен для обороны.

Дрались день, вечер и ночь. Дрались и пулей и хитростью времени Батыя. Один полк дивизии ночью подполз к речке и, зарывшись в канавы и ямины, поднял такой ураган «ура», что взбаламутил весь город. Здесь «ура» и ни с места, а с флангов втихомолку, вброд на ту сторону пешие.

Утром переправившиеся ударили по городу и захватили его.

Кто придумал этот фокус, так и не выяснили. Кивали на командира дивизии Гордовикова.

Ока Иванович Гордовиков — уроженец Дона, калмык, конник царской армии. У него лицо предков, он маленький, сбитый, подвижной. Топорщатся тоненькие шупальцы усов.

— Первым бригадым дерется, вторым бригадым спит, третьим бригадым пьянствует. Приказываем всем бригадым драться!

Лихой рубака, наездник, сообразительный командир, Ока Иванович исключительно авторитетен в своей дивизии.

Может быть, ночное ура придумал этот потомок конных полчищ, саранчой двигавшихся от Монголии к берегам Волги, Дона, Днепра?

ОСОБАЯ ГРУППА

В Новоград-Волынске Революционный совет создал особую группу конницы для решения особой задачи.

На подступах к Дубно и Ровно дивизии Конной встретили упорное сопротивление

Стрелковые части фронта отстали. Конница дралась одна, клином врезаясь в пытающиеся остановить ее и осесть белопольские части.

Данные разведки обнаружили назревшую угрозу с юга. Там, в районе Шепетовки, Староконстантинова, Кременца польское командование готовило Красной армии какой-то сюрприз. Нужно было принять меры для предотвращения угрозы.

Вновь созданная конная группа как раз имела задачей выходом на левый фланг армии в общем направлении на Староконстантинов, Кременец, Броды, освещая левый фланг, ликвидировать белопольский сюрприз.

В конную дивизию вошла только что прибывшая маршевая бригада товарища Камского в составе Кубанского и Сибирского полков и Особый полк.

Во временное командование группой до приезда назначенного Революционным советом товарища Осадчего вступил Степной.

На зорьке из Новоград-Волынска выступили на юг три конных полка.

Первый переход не обошелся без курьеза.

Километрах в двадцати от Новоград-Волынска полки остановились на привал в большом селе.

Я, по обыкновению, зашел передохнуть в дом местного попа.

Не успел я ликвидировать горшок молока, предложенный суетливый поповной, как услышал необычный для мирного привала шум на улице.

Схватил шапку в охапку и метнулся наружу.

С того конца села, где расположились полки, вдоль широкой улицы, поднимая тучи пыли, скакали к площади сотни конных. Я в один мах был на коне и вмешался в толпу скачущих, пытаясь узнать, в чем дело. Поток увлек меня. Узнать ни у кого ничего не могу. Передние летят, подгоняемые криком задних, наседающих на хвосты.

Карьером проперли километра полтора. Тут только, остановив передних, мы выяснили, почему был сорван привал.

Остановившиеся на краю села кубанцы решили поохотиться за медком. Забрались на огромную пасеку. Пяток «охотников» захватили медку и для товарищей. Понесли соты, обильно поливая медом себя и коней. Потом кто-то закричал, махая руками, за ним другой, третий. Вот взметнулась лошадь, рассыпая направо и налево удары невидимому врагу. И... тысячи пчел бросились в атаку на Кубанский полк.

В несколько минут сотни людей и лошадей сбились в орущий, рассыпающий во все стороны удары клубок. Все смешалось в куче пыли и гуле голосов. Слова команд затерялись в общем гаме. Сотни бросились в паническое бегство.

Пронеслись мимо Сибирского полка, мимо Особого. Неслись в клубах пыли с диким ревом. Пчелы налетели и на не причастные к «охоте» части. Задержались на ни в чем неповинном Сибирском полку. Командир полка догадался и загнал весь полк в реку.

Только через полтора часа ликвидировала группа пчелиную атаку, основательно измотав конский состав

и потеряв семь лошадей искусанными насмерть и до десятка бойцов распухшими от укусов.

Приведенные в порядок полки двинулись дальше на юг. Меня вызвали к временно командующему группой товарищу Степному. Степной-Пожарный — совсем юнец, ему двадцать два-двадцать три года; он черненький, с еле пробивающимися, подстриженными по-английски усиками, с мелкими чертами лица. Военной подготовки у него никакой,— в прошлом — кадет или гимназист пятого-шестого класса.

Степной предложил мне роль начальника штаба группы. Я согласился. После короткого разговора о моих будущих функциях, сведшегося к двум словам: «Ну, так вот вы и будете начальником штаба»,—мы пошли купаться в маленькой вонючей речонке, протекавшей через село, в котором группа остановилась на ночлег.

На утро тронулись на Староконстантинов.

Как я ни убеждал свое начальство в необходимости прежде всего поставить задачу полкам, а потом организовать разведку и охранение, мы выступили с туманной задачей: «На Константинов»,— без всякой разведки и с охранением «на честном слове».

В восьми-десяти километрах от Староконстантинова, в трех-четырех километрах на юго-западе от села Жабче (почему-то память сберегла это название) Степной решил двигаться к городу двумя колоннами: в одной — Особый полк и штаб группы (при Степном были я и сотня Кубанского полка), в другой — маршевая бригада Камского. Колонны должны были подойти

к Староконстантинову с севера и северо-запада. Приказ был отдан и колонны двинулись из деревушки, пересекаемой речонкой, по указанным маршрутам, имея между собой эту самую речонку.

Не успели хвосты колонн вытянуться из деревушки, как голова Особого полка завязала бой с разъездами противника в направлении на Староконстантинов.

Степной почему-то метнулся к колонне Камского, я же остался с штабом и сотней кубанцев в хвосте Особого полка. На юге была слышна удаляющаяся стрельба.

Вдруг над деревушкой, из которой еще вытягивались тылы обоих полков, взвизгнул один, другой разрыв шрапнели. Стреляли с запада, от деревни Жабче.

Я выбросил боевой разъезд на выстрелы. Выскочил и сам. То, что я увидел в полукилометре за глубокой балкой, бросило меня в дрожь.

По большаку, обрытому канавами, с запада, из Жабче, прямо на деревню, из которой только что вышли мы, двигалась колонна поляков, силой до полка, а может быть и больше.

Поляки шли тройной колонной. В центре — орудия, пулеметы, обозы, по сторонам — пехота.

В первую минуту я обалдел, и хлопал глазами, ничего не соображая. Кажется, только и бормотал: «Вот так ловко!»

Меня вернула к действительности пулеметная и винтовочная стрельба противника по мне, по штабу и сотне.

Противник заметил хвосты колонны Камского,

увидел штаб, но не видел за высоткой Особого полка. От имени начальника группы, так до конца боя и отсутствовавшего в своей колонне, я послал приказание Особому полку атаковать поляков во фланге.

Приказ дошел очень быстро. Я видел, как эскадроны Особого полка метнулись через высотку в балку, и первый эскадрон влетел в колонну поляков на большаке. Поляки в панике бросились в разные стороны. По эскадрону стреляли справа и слева те, кто был подальше. Где же остальные эскадроны? Погибнет первый не за понюх табаку! Приказываю атаковать и штабной сотне. Лечу вместе с ней вниз, в балку, и через нее к большаку.

В балке широкая канава.

Моя кобылица остановилась было, затопталась, да сзади ее подтолкнули, и я вместе с кобылой через голову плюхнулся в грязь. Я погрузился чуть не по пояс. Кобылица вскочила и вслед за остальными умчалась вперед. Что делать?

Пешком? На мне пуды вонючей грязи.

Правее в балку скатываются эскадроны особого полка. В направлении большака сильный огонь.

Остатки первого эскадрона и поредевшая штабная сотня скачут назад в балку. Проскочило несколько человек, залитых кровью, несколько лошадей с вываливающимися кишками.

Отходим, отходим!

Еле перебираюсь обратно через канаву и бегу за скачущими.

Сзади кто-то нагоняет:

— Товарищ командир, садись, садись!

Оглядываюсь. Мою кобылу Маруську держит связной.

— Я думал, тебя убило. Лошадь пымал, а тебя не вижу. Так бы и не узнать. Только по росту и признал. Садись скорей. Наши все ушли. Побито страсть сколько.

Полки отскочили в ту деревушку, из которой расходились колонны. Поляков и нас разделила речушка.

Завязался бой. Здесь же я наспех узнал подробности происшедшего. Мы наткнулись на целую польскую дивизию. Мы шли на юг, а она на запад. Выходит, что мы, сами того не зная, пересекали дорогу отходившей дивизии противника. Встреча была настолько неожиданной, что первый эскадрон особого полка и штабная сотня заставили бросить оружие целую дивизию. Тысячи бросили оружие перед двумя сотнями. Окажи этим сотням поддержку главные силы группы,— трофеи были бы неисчислимы.

Да поддержать-то было невозможно. Особый полк застрял в балке, а бригада Камского, развернувшаяся для атаки с запада, попала на непроходимый участок топкой речушки.

Когда бросившие оружие увидели, что около них две сотни, а масса конницы пляшет перед болотом, они схватили оружие и заставили выскочивших смельчаков убраться не солоно хлебавши. До вечера тянулась перестрелка. Начальник группы, обескураженный неудачей внезапной атаки, не решался на активные действия. Простояли и ночь. На рассвете там, где нака-

нуне были поляки, мы никого не нашли и почти без боя взяли Староконстантинов. Пользуясь темнотой, польская дивизия оторвалась и ушла южнее на Кременец.

НЕУДАЧНЫЙ РЕЙД

В Староконстантинов приехал начальник группы товарищ Осадчий.

Степной остался при нем, а я вернулся в полк к своим прежним обязанностям.

Два слова об Осадчем. У него внешность и манеры типичного прапорщика запаса. Осадчий не глуп, образован и, в частности, отлично знает военную историю. Он выше среднего роста, большеголовый, с длинным носом, хриплым голосом и порывистыми движениями.

При наличии многих ценных качеств, необходимых кавалерийскому начальнику, у Осадчего для руководства конной группой из трех полков нехватало... практики командования конницей. Это сказалось и в дальнейших операциях нашей группы.

Не знаю, чем была вызвана остановка в Староконстантинове, только мы в самое горячее время преследования отходивших частей противника простояли в Староконстантинове два дня.

За это время к нам подошла наша пехота и небольшие конные части.

Направление Радзивиллов-Броды было уступлено сорок пятой стрелковой дивизии, а наша группа перешла на Кременецкое направление.

Полки быстро двинулись к Кременцу.

Нужно было торопиться. Левый фланг обеспечивала сорок пятая дивизия, зато основные массы Конной были задержаны противником под Дубно—Ровно. Там шли упорные бои. Удар нашей группы на Кременец мог сыграть решающую роль в борьбе за Ровно.

Кременецкие части белополяков не ждали здесь конницы. Встречавшиеся нашей группе мелкие отряды противника проглатывались, не успев выстрелить. Осадчий решил обойти Кременец южнее и ударить по тылам, перерезав пути Кременец—Броды.

План удался блестяще. Под носом у Кременца группа форсировала Икву у села Дунаев и вышла в тыл кременецким частям. Тут бы и действовать. Простору хоть отбавляй. Можно было ударить на Кременец с тыла, можно было подняться к Ровно и, перерезав все тылы противника, обрушиться на Ровно с запада.

Море блестящих возможностей! Но... здесь-то и сказалось отсутствие у Осадчего опыта вождения конных масс.

Начальник группы решил почему-то взять Почаевский монастырь. Не изменили этого решения и счастливо захваченные в штабном польском автомобиле данные, выявившие группировку противника.

Полки пошли к Почаеву. Целые сутки мариновались они в бою за овладение Почаевским монастырем. Монастыря так и не взяли, а полякам дали возможность, оттянув силы от Кременца и Брод, ударить по тылам группы.

Группа отходила назад старой дорожкой, с боями против наседающего со всех сторон противника. Отходила без плана, вразброд. Голову, как страус, прячем в лес, а хвост наш в это время щиплет противник, Под селом Горынь все три полка втянулись в едва проходимый лес. Дорога узкая: еле продраться рядами, а где и гуськом. Полки-то спрятались, но артиллерию и свою и взятую у поляков в начале удачного рейда полякам же и отдали.

Под вечер расположились на ночлег в самом грустном настроении.

Стали искать виновников сдачи артиллерии: стрелочник где? Он виноват.

Сместили командира Сибирского полка Подлесного, досталось комбригу маршевой Камскому.

Ну, Подлесного не жалко. Он хоть и старательный человек, да военного в нем нет на грош. Камский влип в историю, как кур во щи. Камского было жалко. Это отличный командир, великолепный товарищ, пользующийся огромной популярностью среди бойцов и нач-состава.

Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Смена Подлесного сделала меня командиром Сибирского полка.

Я принял отличную часть с большим боевым опытом, с геройскими традициями, с великолепным личным составом, с большой партийной и рабочей прослойкой. Словом, принял часть, с которой можно было делать чудеса.

Вечером я принял полк, а утром повел его в бой.

Первый бой решает репутацию нового командира. От первого шага зависит дальнейшее. Или безраздельная вера масс в полководца, сметающая с пути все преграды, или провал самых лучших его планов из-за неверия идущих за ним бойцов и командиров.

Продолжая преследовать группу, поляки обтекали ее с флангов и преграждали ей отход. Так случилось и после ночевки, перед которой я принял полк.

Разрушить преграду на пути отхода было поручено мне.

Разведка дала достаточные данные о противнике: рота пехоты на подводах выскочила вперед и загородила путь.

Драться с ротой, имеющей несколько тяжелых пулеметов и знающий выходы из теснины,— вещь нелегкая.

Помог случай.

Полк начал наступление, но натолкнулся на серьезное сопротивление. Я решился ввести в действие свой последний резервный эскадрон. В это время над противником разорвалось несколько шрапнелей. Били по тылам роты. Там могли быть только наши части.

С первыми пулеметными очередями по тылам роты я, не задумываясь, бросил резервный эскадрон в атаку. Рота поляков стремительно отскочила к югу...

Сибирский полк решил поставленную ему задачу.

Новый командир был признан как полководец.

Помог случай, этот первый спутник боевых удач и поражений.

Группа снова встретилась с сорок пятой стрелковой дивизией и одновременно — с частями легендарного Котовского.

Котовцы! Я отлично помню конницу и пехоту Котовского, с самим Котовским я встретился несколько позже.

Эта «уважающая себя», подлинно боевая красноармейская семья была разношерстна по обмундированию, на взгляд поверхностного наблюдателя совершенно не дисциплинирована и разболтана.

Но было одно слово, которое поднимало эту массу пеших и конных в любых боевых условиях на какие угодно преграды. Было слово, которое вливало силы в измученных, веру в потерявших ее, поворачивало бегущих, поднимало лежащих, мгновенно родило тышину в тысячеголосом реве.

Это слово — «Котовский».

Дьявольским авторитетом обладал этот человек!

Наша группа бок-о-бок с сорок пятой дивизией и частями Котовского опять повернулась фронтом на Кременец.

Мы начали наступление. Первый день принес неудачу.

Это совпало с контр-атаками поляков против Конной у Ровно.

Отойдя на исходное положение, мы ждали второго дня.

В ночь после неудачного наступления на Кременец из группы Осадчего к полякам перешел в полном составе Кубанский полк.

На утро мы узнали об измене полка от политработников и коммунистов этого полка, с вечера запертых ушедшими в каком-то сарае.

Кубанский полк до сих пор отлично дрался в составе группы. Будучи вместе с группой в тылу поляков под Почаевом, он имел тогда возможность перейти на сторону белых с меньшим риском. Что побудило его изменить именно теперь,— осталось загадкой.

Эта измена не ослабила наступательного порыва.

Благодаря огромной работе партийцев и актива количественная брешь была заполнена ростом качества оставшихся. Части рвались в бой. Кровавый расчет, месть предателям стали лозунгом тысяч оставшихся. Кременец был взят.

В город почти одновременно вошли конница и части сорок пятой дивизии.

В этот день я увидел Котовского и комдива сорок пятой дивизии Якир.

Котовского я встретил в деревушке под Кременцем в разгар боя. На рыжей лошади ехал круглолицый огромный всадник. На нем цветная фуражка с маленькими полями, которые делали еще круглее и без того круглое лицо, френч, красные галифэ и сапоги с розетками. Я ехал впереди полка, получившего задачу наступать на левом фланге группы.

Всадник объяснил мне, что здесь, за деревней дерется его правый фланг, что помощь правее будет очень кстати, что части его измотаны, мало огнеприпасов и поляки начинают сдавать.

— А я — сам Котовский, — закончил мой новый знакомец.

После нашего взаимного представления к всаднику подъехал ординарец с докладом: пехота никак не может продвинуться дальше из-за польских пулеметов, занимающих рощицу на бугорке.

— Спрашивают, что делать? — скороговоркой кончил посыльный.

Котовский сейчас же ответил:

— А ты скажи, что я приказал сейчас же взять эти пулеметы. Так и скажи: Котовский сказал — взять и сейчас же. Ну, давай скорее!

Ординарец умчался с приказанием.

У меня мелькнула мысль: «Что это, бахвальство или непреодолимая вера в себя и в своих?»

Потом я не один раз имел случай убедиться, что это была именно вера в себя и свои части. Котовский ломал все препятствия этой уверенностью.

В Кременце, после его занятия нами, я увидел командира сорок пятой стрелковой дивизии товарища Якир.

У въезда в город по улице, сбегающей вниз прилипшими к скату домишками, стоял какой-то юнец и спокойно отдавал окружающим распоряжения. Я подъехал к нему вместе с Осадчим и Степным. Стройный черноглазый командир оказался начальником сорок пятой стрелковой дивизии товарищем Якир.

Сорок пятая дивизия дралась с поляками задолго до прихода на белопольский фронт Первой Конной армии. Это какая-то неутомимая и неистребимая ди-

визия. В какое бы тяжелое положение она ни попадала, как бы ее ни трепали, она снова и снова обрастала штыками и пулеметами. Будто не ее били! Дралась она превосходно. Хлопот доставляла польскому командованию бездну. Впоследствии, приданная Первой Конной, она соперничала с конницей в подвижности. Такой строгий критик, как Ворошилов, не раз высоко расценивал эту дивизию и ее командира Якира.

РАДЗИВИЛЛОВ-БРОДЫ

Из Кременца части двинулись на Радзивиллов и Броды.

Группа Осадчего кончила самостоятельное существование. Особый и Сибирский полк вошли как Особая бригада в состав Первой Конной армии с высокой честью быть постоянным резервом Революционного военного совета Первой Конной армии.

Радзивилло-Бродская плотина сломана.

Разворачивая прорыв вправо и влево, хлынули в него дивизии Первой Конной.

Остановились за Бродами. Удерживаясь на фронте, противник ударил пехотой по правому фланту Конной, а конницей занял деревни севернее Радзивиллова и насел на тыл армии.

Вечером в Бродах на полевой штаб армии наскочил оборвавшийся с севера эскадрон польской конницы. Эскадрон был быстро вытеснен и частично ликвидирован, но положение осталось угрожающим.

Ночью из Брод на Радзивиллов была двинута Особая бригада с задачей на рассвете овладеть районом север-

нее Радзивиллова и ликвидировать действующую там конницу противника.

От Брод к Радзивиллову шоссе как струна. Кругом леса, а в лесах окопы царской бойни.

Не отошла бригада и двух километров от Брод, как голову ее смяли несущиеся по шоссе из Радзивиллова в Броды тысячи повозок,— тылы армии.

Неслись парные и четверочные повозки, тачанки, экипажи. Они закупорили дорогу. Ни взад, ни вперед.

Крики, мат, хлопанье кнутов.

Обойти обозную пробку нельзя. Весь лес по сторонам в сплошном окопе и колючей проволоке.

Сибирский полк шел в голове. Пришлось отрядить десяток ребят. Начали с уговоров, кончили плетями. Будто касторкой прочистило запор.

Из самых различных источников узнали мы о захвате Радзивиллова польской конницей. Дела и впрямь были дрянь.

Бригада остановилась на ночлег в лесу, между Бродами и Радзивилловом. Темень такая, что хоть в ухо бей соседа — не увидит.

Мы притаились в лесу. Спим и не спим. Спереди и сзади нет-нет да полыхнет один, другой залп. И снова тишина.

По капле поступают сведения из Радзивиллова и из Брод. В Радзивиллове до тысячи конницы противника, а Броды все время щупает и пехота и конница поляков.

Разъезды, посылаемые на Радзивиллов, несколько раз спотыкались об охранение противника.

Севернее бригады должна действовать шестая ди-

визия, южнее — четвертая. Одиннадцатая и четырнадцатая где-то у Брод.

Еле дождались рассвета и с ним двинулись на Радзивиллов. На полпути от Брод до Радзивиллова лес оборвался полями. Дорога — в низине. По сторонам гребни высот.

Я получил задание овладеть Радзивилловом и селом Крупец. Собрал данные о противнике и дал направления эскадронам; сам с резервом и с первым полком продолжал двигаться вперед.

Показалась горбушка солнца, покрывая пурпуром горизонт. Впереди — редкая стрельба.

Вдруг слева из-за гребня донеслись крики и выстрелы.

Я и командир первого полка прыжком выскочили на гребень.

Того, что мы увидели налево от себя, не сотрут в памяти десятилетия. В километре от нас на просторной низине между лесом налево и деревней к северу от Радзивиллова дралась конница.

Полк шестой дивизии, выйдя, как и мы, из леса и приближаясь без охранения и разведки к реке Сестратин, был атакован польской конницей, силой до тысячи сабель.

У поляков преимущество внезапности и подготовленности боевого порядка.

Мы наблюдали всю картину как раз в тот момент, когда три-четыре сотни поляков, развернувшись, как на параде, опрокинули голову вытягивающегося из леса полка шестой дивизии.

Полк не выдержал и рассыпался по низине.

Красивая картина конного боя. Вся низина покрыта скачущими всадниками. Сталь клинков, переливаясь на солнце, бороздит зелень низины.

Весь польский полк на глазах. Подставил фланг. Скомкать его ударом для нас — мгновенье, дело верное. Такая удача может быть раз в жизни. В несколько секунд первый полк развернулся за гребнем и, одним рывком перелетев через горку, ринулся на фланг поляков.

Там заметили угрозу, когда спасти положение было уже невозможно. Полк шестой дивизии тоже повернул на поляков.

Польский полк словно закружило вихрем. Перед ним была гибель. Путь назад был отрезан, удар шел с двух сторон.

Поляки повернули на север. Расчет был на то, что одна, мол, дорога, авось уйдем. Повернули — и всем полком влетели в Сестратинские болота.

Ушла горсточка. Полка не стало.

Уничтожение преграды с тыла облегчило положение. Сибирский полк без особенного труда взял Радзивиллов.

Все дивизии Конной отошли под прикрытием Особой бригады, занявшей оборону по реке Сестратин, севернее и южнее Радзивиллова.

Революционный совет решил дать частям короткий отдых, собрать тыл, пополнить огнеприпасы.

Особая бригада и одиннадцатая дивизия заняли фронт. За ними расположились на отдых остальные части Конной.

Поляки решили поквитаться с Конной. С утра до вечера на Радзивиллов перла пехота противника, и польская артиллерия громила город. То и дело из Бродского леса выкатывался польский бронепоезд и плевал в Радзивиллов.

Наши части дрались пешком, используя окопы мировой войны. Это были тяжелые бои.

Под Радзивилловом погиб командир пулеметного эскадрона Сибирского полка товарищ Мишин.

Мишин был московский рабочий, большевик, унтер-офицер, пулеметчик царской армии. Белокурый, могучего склада, с васильковыми глазами. В бою бесстрашен, спокоен,— ни одного лишнего слова и движения.

Полк должен был демонстрировать наступление южнее Радзивиллова. Демонстрация удалась. Поляки перебросили к месту демонстрации несколько частей и обнаружили имевшиеся у них на этом фронте силы. Пулеметы Мишина прикрывали отход эскадронов полка. Дело шло к шапочному разбору. Еще две-три очереди из пулеметов, и все кончено. Мишин был рядом со мной. Мы повернули коней, чтобы отскочить к радзивилловской станции. Эскадроны уже отошли на свои старые места. Вдруг Мишин круто осадил коня, прислушался.

— Товарищ командир, я на минуту ко второму пулемету. Что-то застопорился,— обратился он ко мне.

Я кивнул. Думал ли, что больше не увижу Алешу?

Через полчаса Мишина привезли. Он уже не узнавал окружающих.

Слезая с коня, чтобы устранить задержку в работе пулемета, он получил пулю в живот и позвоночник.

Потеря Мишина — одна из утрат, после которых на людях хочется кричать, рубить, стрелять, а когда остаешься один — к горлу подкатывает ком.

Когда придется мне быть в Радзивиллове, я найду могилу Мишина и еще раз, может быть последний, вспомню товарища, коммуниста, бойца.

Отдохнувшие части Конной ударили снова, как били от Умани до Ровно. Ударили и погнали безостановочно, неудержимо. Снова катились дивизии, отзванивая подковами, громыхая тачанками. Все, что встречалось по пути, сметалось подчистую. Массы шли в бой с прежней уверенностью в победу, с прежней верой в своих командиров.

Никакие трудности позади, о которых доходили скупые вести из далеких Ставрополя, Дона, Воронежа, не колебали веры в правоту творимого.

В этот период нужно было нечеловеческое напряжение для того, чтобы удержать на высоте политическое руководство и воспитание масс. Нужны были гигантские усилия, чтобы своевременно улавливать признаки усталости и неверия и противодействовать им.

Гигантские усилия проявила партия, представленная в рядах Конной горсткой своих членов под руководством Климентия Ефремовича Ворошилова.

Конная била опять, вселяя в противника ужас от бессилия сдержать ее.

НАЛЕТ

По шерсти и кличка: село Лопатино, как лопата. Лопата — сухое место, а на лопате село. Кругом лес и болота.

Из села выходят две дороги: одна — через лес между болотами на Станиславчик, другая — на север, в гору. Мировая война оставила свой след: деревянных заборов нет, они заменены колючей проволокой.

Лопатино мы захватили в сумерки. Дивизии продвинулись к западу, а в Лопатине расположился Революционный военный совет Первой Конной армии и Особая бригада.

По лесной дороге на Станиславчик в сторожевое охранение от бригады выслан дивизион, а южнее Лопатина расположилась комендантская команда полештарма.

Вместе с душной темью летней ночи пришло донесение от сторожевого охранения: «Станиславчик занят польской пехотой».

До Станиславчика всего восемь километров. Соседство, да еще на ночь глядя, не из приятных. Полкам бригады отдан приказ быть в полной боевой готовности.

По уличкам и переулкам села гуляет темень.

Тишина. Как часы, мерный хруст сена в тысячах лошадиных ртов; изредка оклики дневальных:

— Шалишь, чорт, прими!

Хозяйка моей квартиры, молодая вдова, приятна на вид и очень любезна. После утряски всех вопросов, связанных с размещением полка, продовольствием и

фуражем, я охотно согласился на предложение хозяйки сесть за чай.

После первых же минут застольной беседы мне пришлось убедиться, что, кроме прелестной внешности, моя хозяйка обладала на редкость светлой головой. Она оказалась начитанным человеком, следит за литературой, поет и играет. Я с удовольствием просидел с ней целый вечер. О чем только не было переговорено! У Марии Петровны (если память не изменила мне) интересное, неудачное прошлое. Меня поразила в этой женщине исключительная цельность натуры и четкое, правильное представление о происходящем.

По-совести говоря, она мне очень понравилась.

От беседы меня оторвал телефонный гудок в соседней комнате.

Я посмотрел на часы — половина первого.

— Слушаю... фу, фу (продух слабый, чорт его возьми!)... Слушаю.

— От... хрры-ы... рры сторррр-охран... крррры...

Смолкло.

— Фу,фу...

Продуха нет: порыв линии.

Я разбудил адъютанта:

— Федор Петрович, со сторожевым охранением связь порвана. Пошлите сейчас же посмотреть и исправить.

Учитывая донесение о занятии Станиславчика поляками и странный порыв телефонного провода, будто кто-то подслушивал не от этого ли плохая слыши-

мость? — а потом и перерезал,— я решил позвонить командиру бригады.

— Командир бригады?

— У телефона,—донесся знакомый голос.

Я рассказал о вызове от сторожевого охранения, о разговоре, порыве и высказал свои подозрения.

Трубка прохрипела в ответ:

— Случайность... ерунда.

Посидев с хозяйкой еще полчаса, я решил прилечь и заснуть.

Проспал я, очевидно, несколько часов. Подскочил от грохота разорвавшегося снаряда.

В комнату пробивалась предрассветная бель.

Я выскочил во двор к связным.

В переулках и на улицах суматоха. Не повернуться. За южной окраиной села горохом сыплется стрельба. Залпы, треск одиночных выстрелов. По улицам тарахтят повозки и тачанки. Вернулись связные:

— Эскадроны готовы.

Выстрелы ближе и ближе. Очевидно, окраина занята. Выходить к окраине по узким улицам к единственной дороге — бессмыслица. Приказал эскадронам вытянуться за северную околицу села.

Полк еле пробрался к выходу на север. Дико несущиеся повозки полевого штаба армии с трудом сдержал комендантский взвод.

Обгоняя конных, улепетывает комендантская команда штаба армии. Я остановил группу бегущих и спросил:

— В чем дело? Куда летите?

Запыхавшийся боец прокричал:

— Поляки подошли и сразу хватили. Много...

Он хотел еще что-то прибавить, но близко завизжавший разрыв гранаты заставил его метнуться в сторону.

В селе продолжалась отчаянная стрельба. Полк построился в резервную колонну за северной окраиной Лопатина.

Я нарядил связных на розыски первого полка, послал разъезд в село и по околицам к южной окраине.

Сверху светло, на улицах Лопатина пелена утреннего тумана. Только верхушки изб и различишь. Мимо пролетел товарищ Буденный, с ним начальник полевого штаба армии, застегиваясь на ходу.

К полку подскочил на Маузере товарищ Ворошилов.

— Почему ушли? Почему отдали село? Атаковать сейчас же!— приказывает мне Климентий Ефремович.

Я пробовал было говорить о трудности атаки в тумане. Меня оборвал чеканный голос:

— Дадите закрепиться, если будете тянуть. В атаку!..

Пули зацокали вокруг.

Я повернулся к полку.

— Первый эскадрон, шашки вон! В атаку марш, марш!..

Эскадрон рванулся к селу. Окраина Лопатина захлебнулась огнем винтовок и пулеметов. Не дойдя до села, эскадроны повернули обратно. Я скомандовал полку отход севернее, за высотки. Связные нашли пер-

бый полк, отскочивший правее. Ругаясь, Ворошилов понесся под дождем пуль на правый фланг.

Туман поднялся к белым облакам утреннего неба. В полукилометре внизу село. Из села сильный артиллерийский, пулеметный и винтовочный огонь.

Я решил удерживать возвышенность. Спешил два эскадрона и занял полутора сотнями пеших бойцов гребень высотки. Коноводов и два конных эскадрона отправил в лесок, на полкилометра в тыл.

Правее видно спешенных из первого полка. Сам я забыл слезть. Вокруг меня дождем пули. Отъехал за высотку и галопом метнулся к резервным эскадронам.

Вот лесок, скорее рощица. Впереди в ста шагах коноводы, левее — резерв на конях. Я направился к коноводам, чтобы оттянуть их подальше. В десяти-пятнадцати шагах от коноводов, когда я приготовился открыть рот для команды, вдруг у самых глаз что-то блеснуло и ударило в бок как поленом. Это разорвалась шрапнель. Я едва усидел на лошади. Кругом ползали раненые. Метались лошади с перебитыми ногами. У меня сумасшедшая боль в боку. Я сполз с коня, ощупал ноги и живот. На левом боку в лохмах шрапнель пробила плотный английский пояс, кожаный корсаж брюк и засела между ребер. Ощупываю мертвую поверхность шрапнели, которой не удалось пробуравить бок. Боль дьявольская. Отколупнул круглую штучку, словно клеща. По пальцам потекла липкая кровь: Фельдшер наспех забинтовал бок. Я еле влез на коня.

Скачет ординарец.

— Товарищ Ворошилов приказал атаковать село с восточной стороны! — кричит он.

Взял два эскадрона на конях и за лесом на балке протянулся к юго-востоку. На холмике, километрах в полутора от Лопатина, на коне Буденный. Я подъехал к командиру, докладываю:

— У меня два эскадрона на конях. Прошу разрешить одним в пешем строю взять отдельный домик левее села, оттуда держать под огнем единственную дорогу из Лопатина на Станиславчик, а потом атаковать южную окраину села оставшимся конным эскадроном.

Буденный согласился.

Спешенный первый эскадрон с командиром Абросимовым в результате получасового тяжкого огненного боя занял отдельный домик. Дорога на Станиславчик была взята под огонь винтовок и пулеметов. Противник понял всю невыгоду потери домика. Взять его обратно было трудно. Нужно наступать от села по открытому месту под фланговым огнем двух спешенных эскадронов справа. В селе сумятица. Решаюсь атаковать его оставшимся эскадроном в конном строю.

Скрыто поближе завожу эскадрон за гребень в полукилометре от южной окраины села. Эскадрон развернут, клинки в руках. Все на своих местах. Взмах шашки... Сто двадцать коней перелетают гребень и ломаной перерывчатой лентой несутся к селу. Из села навстречу эскадрону море свинца. Дрогнула передняя

шеренга. Отлетели вправо и влево куски стальной ленты блестящих клинков. Потеряв несколько раненых бойцов и убитых лошадей, эскадрон не дошел до цели.

Я вместе с правым куском ленты отскочил за лесок и, собрав эскадрон вторично, решил идти в атаку, заняв исходное положение несколько левее.

Прошло еще около получаса. Сумятица в селе все растет и растет. Абросимов подтянул коноводов ближе к спешенному эскадрону. Снова вынуты клинки, собраны в кулак кони, на лицах решимость.

Левее вижу садящийся на коней первый эскадрон. По окраине сеют свинцом наши пулеметы. Приказываю десятку бойцов продемонстрировать атаку. По ним огонь из села.

Тогда командую эскадрону:

— В атаку!

Решительнее, смелей, быстрее перехлеснула волна пыли и стали через гребень высотки и потоком понеслась к селу.

Левее наше «ура» подхватил первый эскадрон, летящий к дороге от Лопатина к Станиславчику на отдохнувших конях.

Огонь из села слабеет. На дороге бегущая в панике пехота. Первый эскадрон рубит. Рубит пехоту и атаковавший со мной третий эскадрон.

Я у крайних изб. Они на отшибе. Самая гуща села в четверти километра. Со мной взвод.

Покрывая треск винтовок и пулеметов, командир взвода кричит:

— Товарищ командир, правее по окраине села идет на нас в атаку кавалерия!

Оглядываюсь. Словно что-то оборвалось внутри.

В четверти километра по направлению к нам под пеленой пыли блеск сотен клинков. Первая мысль: «Поляки держали конницу в селе, а теперь атакуют меня с тыла!» Командир взвода сам догадался, послал двух бойцов в разведку. Смотрю на них. Скачут туда. Ближе, ближе. Вот сейчас, сейчас выяснят. Своих эскадронов мне не повернуть. Они преследуют поляков в лесу.

Посланные возвращаются, а направо от них катится клубок стали и пыли.

— Атакует первый полк! — кричит подскакавший разведчик.

С оставшимся взводом лечу вслед за умчавшимися в лес эскадронами.

В лесу навстречу группы пленных.

— Забрали сотню пехоты и двенадцать разных пулеметов! — кричит сопровождающий большую группу младший командир.

Поляков гнали до реки под Станиславчиком, до того самого места, где, пользуясь проводником из местных жителей-католиков, поляки ночью скрыто обошли наш сторожевой дивизион и потом захватили Лопатино.

Правее, опоздав с помощью, проходят части бригады четвертой дивизии. По реке на всем участке перед Станиславчиком — ружейный огонь. Река широкая и топкая.

Второй полк сменен первым. Отдаю приказ стягивать эскадроны к Лопатину.

Ко мне подскакивает комадир взвода первого эскадрона и докладывает:

— Товарищ командир полка, в бою убит командир эскадрона Абросимов. Он вскочил в толпу польской пехоты с криком: «Бросай винтовки!» — и был сзади застрелен офицером.

Абросимов — лучший из лучших, сталь и огонь. Невознаградимая утрата. Еле сдерживая дрожь голоса, приказываю:

— Отправьте тело в село.

Радость удачи ушла. Дорогой ценой куплена она. Слишком дорогой ценой.

Абросимов — детище полка. В полку он вырос из рядового бойца в лучшего командира. С полком он дрался против Юденича, Колчака и вот погиб в борьбе с белополяками.

Мы вернулись в Лопатино. Пленных и захваченные пулеметы бригада четвертой дивизии засчитала своим трофеем. Некогда было разбирать, да и не к чему. Не все ли равно?

Вечером хоронили Абросимова. Свеже-вырытая яма, сумрачные лица, слова из нутра, как острые иглы, сжатые челюсти, залп и — холмик свежей земли.

Я ночевал в другом районе села. Вспомнил о Марии Петровне и послал узнать, как пережила она все эти «страхи». Вернувшись, посланный передал мне чудовищную новость. Через несколько минут после нашего

отъезда снаряд противника разворотил стену дома и разорвал Марию Петровну на части.

Не стало красивого, умного человека!

НОЧЬЮ

От Станиславчика путь пролег ко Львову. Дивизии пробирались лесами. До Львова дополз ужас, разлитый от Умани. Конную не остановили ни пехота, ни конница, ни авиация противника.

Обнаглевшим вороньем бросились эскадрильи вражеских самолетов на наши дивизии. Гонялись за полками, эскадронами, одиночками. Разольется конный поток ручейками эскадронов, спрячется точками одиночек в леса, рощи, села, деревни и опять соберется в девятый вал, и опять катится волна стали и свинца, смывая все на своем пути. Дивизии подкатились ко Львову.

В нескольких километрах от города за час, за два до темноты пуля с бронепоезда оборвала жизнь командира четвертой дивизии Литунова. Оборвала в сотые доли секунды. Литунов открыл рот, чтобы сказать что-то — и мешком сполз с коня: пуля попала ему в рот.

Солнце торопилось уйти за Львовские горбы.

До самой темноты между Львовом и лесами у фольварка Пруссы мотался польский бронепоезд.

Прокатится, даст несколько выстрелов — и опять уходит за горбы Львова или в леса, севернее Пруссов.

Львов настороженно затих в долине. Иногда блеснет спрятанными огоньками, и снова — темь.

Полукольцом обложила Львов Первая Конная армия.

Подступы к городу, пользуясь старыми окопами ми-

ровой войны, заткнула польская пехота, артиллерия.

С возвышенности фольварка Пруссы Львов виден, как на ладони.

Перед городом — уродливые гигантские червяки окопов, местами со стальной щетиной проволочных заграждений.

Фольварк и соседние высоты к вечеру захватили части Особой бригады.

Мы едва успели взглянуть на Львовские горы, на город и окопы, как вечер и ночь опустили свой душный занавес.

В сумерках у фольварка на стоге сена Ревсовет Первой Конной обсуждал план захвата города.

Как всегда перед решающими действиями, Ворошилов был сосредоточен и внимателен к малейшим деталям.

Командарм о чем-то совещался с Зотовым, и Ревсовет ушел в избу за стогом.

Особая бригада была впереди Ревсовета и полештарма, в трех-четырех километрах от Львова. Фронт шел от леска, в который нырял бронепоезд, до села Пруссы.

Второй полк бригады расположился в лесу, первый налево от села, на западной окраине села Пруссы. Впереди бригады в 400-500 шагах начались окопы польской пехоты. Справа поползла тишина. Налево в темноте долго еще болтали неутомимые пулеметы. Но смолкли и они. Стало совсем тихо.

Распоряжения были отданы. С опушки леса выслали караулы и секреты. Эскадроны рассчитались на спящих

и неспящих. С военкомом и врачихой (так звали полкового женщину-врача) я отправился проверить дежурные части в ближайший тыл.

— Кто идет?

— Я. Здорово, Чистоходов. Как эскадрон?

Командир четвертого эскадрона, суховатый, серьезный, в бою — лев, поднявшись, шопотом доложил о расположении.

— Внимание и внимание дежурным частям. Как бы паны не пощупали! Половина пусть спит, а другая не шелохнется,— приказал я ему.

— Слушаюсь. Вы сами прилегли бы, Николай Васильевич.

Чистоходов всегда опекает меня как нянька. Я пожал ему руку и пошел дальше, к третьему эскадрону. В районе третьего эскадрона вечером было «жарче». Кое-где попадаются импровизированные окопы. Бойцы сидят группами, по два, по три человека.

— Ох, курить до смерти хочется, товарищ командир,— кряхтит кто-то.

— Только не это. Сменят, тогда в лесу жарь подряд. А сейчас ни-ни.

— Товарищ командир, картошки горячей с нами. Только что принесли ребята из лесу.

Я присел.

Картошка, действительно, отличная. Проглотив несколько штук, направился ко второму эскадрону. Сзади кто-то догоняет, слышно учащенное дыхание.

— Товарищ командир, я был в лесу, задержался с тяжелыми пулеметами. Указаний не будет?

Это командир третьего эскадрона.

— Нет, Иван Павлович,— говорю ему.

— Эскадрон бодр, настроение крепкое,— рапортует он.

Ночь как-то особенно темна. Тишина такая, что собственное дыхание кажется бурей.

До второго эскадрона я едва добрался, выйдя на его левый фланг — стык с первым полком. Побродил в проклятой темени. И во втором все оказалось в порядке. Дал те же указания и пошел к штабу полка.

Темь все гуще и гуще. Дорога до штаба тянулась целую вечность.

Вызвал командира первого эскадрона — резерва полка.

Минут через десять к костру подошел товарищ Сонин, командир первого эскадрона. Я дал задачу и ему.

Тянуло к земле, ко сну. Я выпил кружку чая, потом по телефону запросили эскадроны, мне ответили, что все спокойно.

Через час у штаба костры догорали, изредка потрескивали остатки сухих веток. Люди спали, свернувшись в комок. Задремал и я. Спал, повидимому, недолго. Вскочил первым. Что-то меня давило, сердце прыгало, как пойманный зверь. Костер потух и серел пятном пепла. Две-три секунды сумасшедшей тишины. Треск и крики. Чаще, чаще... Там, во втором эскадроне!

У костра повскакали.

Связные метнулись к эскадронам. Я с проводником

бросился ко второму. Огонь усилился. Вверху по деревьям цокали перелеты.

Что с эскадроном?

Страшный удар по голове бросил меня на землю.

Инстинктивно я схватился правой рукой за кобуру.

«Нарвались на засаду», — стучит мысль.

Связной впереди окликнул:

— Товарищ командир, нагните голову, здесь здоровый сук.

Я встал. По щеке ползет что-то липкое.

— Спасибо, во-время сказал. Я уже наткнулся на него.

Побежали дальше. Стрельба смолкла. Послышались голоса. Басок командира эскадрона бубнит:

— Товарищ командир, поляки подкрались, опрокинули секреты, но были встречены огнем в упор и откатились. Что с вами?

Чиркнула спичка. У меня все лицо оказалось в крови, которая лила из рассеченной брови.

Я решил остаться до рассвета во втором эскадроне. Нутро подсказывало, что здесь что-то должно было случиться.

— Как связь с первым полком? — спросил я у командира.

— Сейчас послал. Во время сумятицы порвалась. За стык отвечает первый полк, — доложил комэск.

— Пошлите сейчас же дозор.

Я присел на кучу прошлогодней соломы. Саднит рассеченную бровь и ломит голову.

Чуть-чуть забелел горизонт. Из села Пруссы донесся крик петухов.

— Как дозоры к первому полку?

— Не вернулись еще.

Неспокойно на душе. Сон прошел, глаза освоились с предрассветной мутью.

Неожиданно грохнуло со стороны Пруссы. Раз, два. И дальше частой дробью. Оказалось, бьют по флангу первого полка. Послали туда разъезд.

Бой разгорался вместе с рассветом. Чем больше светлел горизонт, тем чаще сыпал горох винтовок и пулеметов.

Топот копыт и силуэты всадников разъезда отвлекли от белой полоски горизонта

— В Пруссах бой. Первый полк отходит к фольварку. Часть села взята польской пехотой.

Связным отдан приказ:

— Карьером в первый эскадрон. На конях сюда, к опушке, лесом. Второму, третьему и четвертому удерживать лес. Два пулемета отправить в первый эскадрон.

В направлении горбов что-то зашевелилось, запыхтело, заухало. У фольварков разрыв снарядов.

Бьет наугад.

По бронепоезду затакали пулеметы третьего и четвертого эскадронов.

Из Прусс долетело короткое «ура» и захлебнулось...

Слышится фырканье лошадей и на опушку леса выскакивает голова первого эскадрона.

Я вскочил на коня и приказал:

— Два разъезда на Пруссы, правее и левее — дозоры. Шагом за мной!

Потянулись.

— До солнца кончить бы все, чтобы сверху не помешали,— говорит Сонин.

Головной разъезд пропал за гребнем впереди. Слева — тихо, справа — редкий огонь. Светлая полоса горизонта разрезала темень на небо и землю. Теперь можно разобрать всадника за сотню шагов.

Совсем близко впереди полыхнул залп, за ним беспорядочная трескотня. Веером отскакивает разъезд. На вершинке впереди в ста-ста двадцати шагах отчетливо видны все всадники.

Подскочил отделенный с донесением:

— До села с полкилометра. Из села в направлении нашего полка видна пехота, человек до ста.

— Близко?

— Подходят к гребню,— отвечает проехавший.

Обращаюсь к командиру эскадрона:

— Сонин, приготовь эскадрон к атаке и жди приказания.

Сам рванулся к высоте. За ней стрельба. Вскочил на гребень.

На черном ковре ската отчетливо ползет серой змеей пехота противника. Впереди, справа, слева пробираются отдельные точки.

Ясно: хотели пробраться к нам на фланг и в тыл.

— Сейчас закусите!

Разъезду отдано приказание:

— Отскакивайте вправо и наблюдайте на Львов. Скачу к Сонину.

Выхлестнул свою шашку,— звякнуло у ста тридцати.

— Подожди: на высоту выползут головой, оттуда им нас не видно.

Всадники разъезда отскакивают вправо. Вот на светлом горизонте силуэты пехоты. Один, пять, десять...

— Пора!— шепчет Сонин.

— Подожди еще минуту,— останавливаю его.

Пехота стреляет по разъезду, а нас не видит.

От утренней свежести или чутья верной удачи все внутри подергивается ледком.

Несколько пуль запело над нами. Очевидно, заметили.

— Без крика вырубить и наскоком в село! Давай!— бросаю Сонину.

Три сотни рук и глаз рванулись к гребню. Рота ни разу не выстрелила. Хряст, стоны, несколько вскриков. Триста раз муть рассвета черканула роспись клинков. Они расписались кровью.

Из всей роты поляков к Пруссам отскочило только несколько всадников. Это были, повидимому, офицеры. Эскадрон летел за ними. За двести шагов окраину Прусс забороздили вспышки винтовок. Сотня глоток захлебнулась в «ура». Слева, в самом селе, «ура» подхватили сотни голосов.

Значит, атакуем вместе с соседом. Отлично.

В селе по улицам и во дворах стрельба и рубка. Вся гуща огня перебросилась к крайним домам, потом

на окраину, ко Львову. В селе додельвали, кончали.

Первый полк занял прежнее положение. Потакивали винтовки и пулеметы. На участке второго, как и вчера, поплевывал бронепоезд.

Из-за фольварка Пруссы кровавой полоской выползало солнце.

От Львова донеслось гуденье. Одна, другая, третья,— три стальных птицы спешили к месту боя.

— Опоздали, голубчики, опоздали. Можете забрать,— кривит рот, показывая на вырубленную роту, Сонин.

Первый эскадрон втянулся в лес, в балку, опять в резерв.

В КОЛЬЦЕ

Утром долгожданного дня, который должен был принести конец Львова, произошла неожиданность. В связи с изменившейся обстановкой на Западном фронте Конная получила новую задачу. Нужно было оторваться от Львова и двигаться на Замостье-Люблин.

Отрыв удался. Прыжком отскочили дивизии от Львова и двинулись на север.

Теперь приходилось драться с противником, наседающим со всех сторон. Он висел на хвосте, лез с фланга, встречал спереди.

Дорого стоили полякам попытки остановить Конную. Среди болот и лесов растоптала она бригаду русских белогвардейцев под командой Яковлева и вырубила несколько польских рот.

Первое серьезное сопротивление встретили дивизии у

Комарова и под Замостьем. С раннего утра завязался бой. Десятки раз бросались полки в атаки и... откатывались назад.

Дрались целый день. Бесконечно длинный день.

Солнце устало потянулось к земле, и полки отскочили от Комарова по гати на северо-восток.

Все гати и тропы через болото закупорены пулеметами и винтовками. Ночь и усталость надвинули тишину над болотами и низиной. Где-то в тылу, в направлении на Владимир-Волынский, горизонт время от времени беззвучно прорезался полосками вспышек.

Ночь прошла спокойно.

Серое покрывало рассвета подняло людей и лошадей.

Словно перед затихшим зрительным залом взвился занавес и открыл шумную сцену,— как-то вдруг заговорили орудия, затакали пулеметы.

Поляки вели наступление с Комарова и Замостья. Ползли через болота, обтекали слева и справа. Упорно, назойливо, гнетущей массой.

У нас дрались заставы и дежурные части. Полки эскадронами на конях прижались к хатам и сараям деревушки. Солнце, разорвав белую пелену тумана, гнало его белые клочья, дробя их на части и рассеивая в разные стороны. С солнцем прилетели большие стальные птицы и зарыскали над низиной. В разговор свинца на земле вмешались пулеметные очереди с неба.

Заставам и дежурным частям отдан приказ держаться, обеспечивая левый фланг. Общую команду над ними принял командир эскадрона Перфильев.

С Комарова опасность надвинулась вплотную. Отчетливо видно стало наступающие цепи противника. Эскадроны отделениями и взводами перескакивают от дома к дому, от лощины к лощине. Между лесом и деревней — маленький хутор,— четыре избы с постройками. Хуторок занят поляками, за ним высота. Надо взять и хуторок и высоту с тем, чтобы из-за высотки броситься на поляков, наступащих из Комарова. С гребня высоты строчит польский «максим».

— Эх, добраться бы до тебя, стерва! — ворчит ординарец Чебан.

Первый полк, развернув дивизион, бросился в атаку на хутор. Второй остался в резерве, у деревушки.

Хуторок и высота захлебнулись в огне. Смолкла стрельба, проползла кисея пыли. От первого полка подскочил ординарец:

— Полк не может выйти из хутора. Высоту надо брать, обойдя хуторок. Комбриг приказал второму полку атаковать и захватить высоту.

Полк пачками сосредоточивается в лощине, правее хуторка. Там скопилось больше половины. Вынырнул польский аэроплан, покружил над лощиной и метнулся к Комарову.

— Ну, сейчас жди,— или артиллерия накроет, или начнется бомбежка,— проговорил кто-то сзади.

Ждать нельзя. Лощина кишит людьми и лошадьми,— не развернуться...

Слова команды облетели эскадроны... Звякнули стремена, блеснули клинки, рванулись на фланги тачанки с пулеметами, ухнули орудия нашей батареи и

три эскадрона, оторвав подковы от низинной топи, понеслись к гребню.

С высоты по атакующим — ливень огня.

Гребень ближе и ближе. Отчетливо видны тяжелые пулеметы и номера.

Первая шеренга атакующих странно затопталась, застопорилась. Гул боя прерван криком — болото!

Вторая и третья шеренги повернули обратно к хутору. Брошенные поляками на гребне пулеметы застрочили опять. Первый эскадрон потерял в болоте десяток бойцов и командиров.

В хуторе спрессовались два полка. За избами и сараями жмутся сотни людей.

Вдоль опушки от Комарова отскакивают на север конные группы четвертой дивизии.

К только что оставленной полками деревушке длинной, изредка обрывающейся лентой с тыла несутся обозы.

В клочьях пены, в мыле рыжий Дончак прискакавшего с левого фланга Перфильева.

— Лезут, гады, видимо-невидимо... Что делать?

— Держись, держись еще пятнадцать-двадцать минут и отскакивай к лесу.

Метнулся Перфильев и пропал в пыли.

Несколько повозок из села прорвалось к полку.

— Окружены! Окружены!

Слух ползет и жалит. Не первый раз драться в кольце, но слово «окружены» всегда давит до тошноты.

Мысли мчатся секундной стрелкой: «Где противник?

Какое положение в четвертой, шестой, одиннадцатой и четырнадцатой девизиях? Где Реввоенсовет?»

Надо отскочить к лесу в тылу, не дать занять его полякам. Успеет ли Перфильев?

Приказ понят с полуслова. Пулеметы бригады захлестнули вершину, прикрыв отход. Артиллерия бьет по наступающим из Комарова полякам. Группами отрываются от хутора части и скачут к лесу. Осталась последняя.

— Товарищ командир, товарищ командир, военком ранен!

Подскакиваю к соседней избе.

Раненый кричит. Рана в живот. На лице тень смерти, глаза провалились. Он хочет сдержать крик, закрывает рот, но все его тело содрогается в вое.

Я пытаюсь поднять его.

— Оставь, снеси в амбар и закрой соломой.

— Товарищ командир, справа из деревни кавалерия! — кричит Чебан.

Оглядываюсь. Вдали уходят к лесу последние группы наших. Слева от Комаровского леса — отдельные всадники.

Эскадрон противника преследует Перфильева. Он уходит последним. Узнаю от Донца. Ушел, ушел... Хорошо. Поворачиваюсь к избам. Со мной двадцать-тридцать человек,.. Смотрят... ждут...

Чебан вертится: это с ним всегда так, когда он недоволен моим решением

Поднимаю комиссара.

— Убейте!

Перетаскиваем в сарай на солому.

— Давай документы, партбилет! Возьми удостоверение бойца. Прощай!

Прыжком из сарая. В последний раз оглядываюсь:

— За мной, врозь к лесу, карьером!

До леса полтора-два километра. Из Комарова гремит артиллерия. Выстрелов не слышно, а разрывы дыбят землю — перелет, недолет.

— Товарищ командир, кавалерия справа идет на нас в атаку! — кричит боец.

От деревни слева, как птица распластывая на бегу крылья, выскочил польский эскадрон. Наши вразброд летят к лесу.

— Досиделись,— ворчит Чебан, на скаку выхватывая шашку.

Раздираю горло:

— Ко мне! Порубят по одному! Ко мне!

Собралось человек двадцать-двадцать пять. На ходу строю их и поворачиваю к эскадрону противника. Из леса по полякам затакали пулеметы. Отделилась группа всадников.

Тепло стало, хорошо.

— Не забыли нас ребята. Идут на выручку. Наверное, Мирончик, помощник мой.

Поляки сдрейфили, повернули к деревне.

— Ишь, сволота, дряпают! — кричит Чебан.

Опять врозь несемся к лесу... Не до преследования — лишь бы самим уйти.

Польская артиллерия из Комарова, как взбесилась — сыплет и сыплет. Я не слышал ни выстрела,

ни разрыва. Только сбоку вдруг взметнулась черная масса, да обдало теплом.

Ощупываю себя... Цел... Лошадь тоже.

— Долго жить! — кричит Чебан. — Под самым коленом рванула. Я думал — гроб!

И смеется, прохвост.

Вскочили в лес.

Опушка занята полком,— справа первый, влево пошли разъезды. Мирончик что-то деловитою объясняет начальнику пулеметного эскадрона.

Мой конь, неделю назад отбитый у поляков, чудовищно сильный, что-то беспокоится, оглядывается, машет хвостом. Слез, осматриваю,— ничего. Конь падает и начинает кататься. На брюхе я вижу маленькую ранку, без крови. Конец. Жалко. Привык. Расстегиваю кобуру и вынимаю наган. Прощай! Спасибо, что вынес. Выстрел в ухо. Дернулся и вытянулся. Верный друг!

Чебан подвел запасного. Я вскочил на седло и карьером на правый фланг. Там начиналось горячее дело. Бой в кольце.

ПРОРЫВ

Конную окружили лучшие белопольские части. Это был тяжелый день.

Вспоминая подробности, я нашел сравнение пережитому. Недавно я видел сон. Меня преследовало что-то большое и страшное. Я пытался бежать, напрягал все силы, работал руками, ногами и... не двигался с места. Опасность наростала. Я хотел стрелять,—

наган молчал. Пружиня мышцы, попробовал схватить врага,— руки повисли плетьми.

Под Замостьем было такое состояние, как в этом недавнем сне...

Почти три месяца беспрерывных боев. Три месяца бессонных ночей. Сотни километров верхом не слезая. Сталь подалась бы. Нервы еле держались. Воля не сломлена, не согнута. Сознание кричит о борьбе, о борьбе до конца. Но весь организм бесконечно устал.

От Комарова отхлынули на север к лесам. Направо лес тянется почти до самого Замостья.

В лесах справа дерутся шестая, четвертая, четырнадцатая и одиннадцатая дивизии. Особая бригада правым флангом занимает лес, а левым тянется по гребню со стогами прошлогодней соломы до болот в километре или полуторе.

За гребнем и лесами, в низине тысяча повозок — весь обоз армии — и несколько тысяч коней.

Бой кипит и на фронте бригады, и направо, и сзади.

Как туман, стелется по низине слух: окружены. Пилсудский отдал приказ: Ворошилова и Буденного взять живыми, а всех остальных уничтожить.

Над дивизиями Конной, над клубком повозок, лошадей и людей роем кружатся стальные птицы. Безнаказанно поливают свинцом и низину, и гребень, и лес. Потери небольшие, а чувство беспомощности — удручающее.

По опушке леса и по гребню высоты дождем ложатся снаряды с Комаровского направления. Стонет лес. Фонтаном взметаются от разрывов гранат стога

соломы. Живого места нет. Куда не проникает глаз артиллерийского наблюдателя, свинец дыбит землю сверху.

Все яростней и яростней наседает противник с фронта. Все чаще и чаще подвывают осколки гранат. Все назойливее и гуще свинец с неба.

После каждой отбитой попытки противника занять гребень и опушку леса оглядываюсь в низину. Там не убавляется движущаяся масса лошадей и повозок.

Сильнее и сильнее огонь справа и в тылу. Больше и больше усталость. Так и тянет к земле разбитое тело. Лечь бы и лежать. Пусть будет, что будет. Каждым мускулом тело вопит об отдыхе. Но сознанье и воля поднимают с земли, ломая усталь. Землистые лица, запекшиеся губы, докрасна настрелянные винтовки.

Четвертая дивизия пошла прорываться на Грубешов. По противоположной каемке низины протянулась бригада четвертой дивизии. В низине клубок еще плотнее. Держаться в лесу и на гребне невозможно. Противник потеснил соседа справа и беспрерывно долбит снарядами гребень высоты.

Прикрываясь пулеметным огнем, бригада отошла на следующие высоты к северо-востоку. Это последние высоты, последняя позиция перед низиной, перед извивающимся клубком тылов. Здесь надо держаться во чтобы то ни стало. Шаг отхода — гибель.

Против бригады действует несколько кавалерийских полков противника. Отлично видны их конные колонны. Несколько раз оттуда долетал крик «ура».

Дважды колонны развертывались, блестели клинками, от них доносились крики — и снова противник свертывался.

Сорок восемь тяжелых пулеметов бригады делали свое дело.

— Слабит! — бросает потрескавшимися до крови губами начальник пулеметной команды.

Артиллерия поляков, переменив позиции, нащупала бригаду. Редкие гостинцы сменились частыми взрывами. То граната, то шрапнель. Пулеметчики ищут артиллерийского наблюдателя противника.

— Вот бы снять гадюку! — шепчет наводчик Евдокимов, рыская глазами по занятой противником опушке леса.

Снарядом обезлошадило пулеметную тачанку. Пулеметчики скрипят зубами. Вдруг пулемет Евдокимова захлебнулся клокотом. Одна лента, другая.

— Поймал, поймал сволоту! — кричит Евдокимов.

Кончил строчку пулемет и стихла артиллерия поляков.

— Молодчага! В самую точку, значит,— хрипит Мирончик.

По полкам бригады слева затакали польские пулеметы. В эскадронах суматоха, раненые и убитые. Левый фланг второго полка затоптался и стал медленно пятиться назад. На этом фланге — сильно пощипанный предыдущими боями, особенно измотанный работой прошлых бессонных ночей второй эскадрон.

Подъезжаю к командиру эскадрона.

— Я приказал ни шага назад. Почему эскадрон осаживает? — обращаюсь к нему.

Командир эскадрона Сонин молча глазами показал на редкие ряды эскадрона, на землистые лица бойцов, на понуро свислые морды лошадей.

Обращаюсь к эскадрону:

— Чего головы повесили, товарищи? Разве хуже не бывало? А все-таки били это дерьмо. Слушайте, четвертый эскадрон споет вам, чтобы сон разогнать.

— Товарищи, а ну-ка «Пчелочку»! Да так оторвать, чтобы у всех отлегло.

И вот таканье пулеметов, визг шрапнели прорвали голосом запевалы:

— Пчелочка златая, што ж ты не жужжи-и-шь...

— Около летаешь,— влился в голос запевалы десяток голосов. И полилась разноголосая, бойкая, веселая «Пчелочка».

Справа подхватили:

— Ой там за Дунаем...

Не выдержал и второй эскадрон:

— По пере-е-е-ду Сагайдачный,— доносится оттуда.

Повеселел и сосед справа — первый полк.

На правом фланге, вижу, отскочили две тачанки с пулеметами.

Ко мне по скату карьером летит командир пулеметного взвода. Смаху осадил коня и докладывает:

— Товарищ командир, два пулемета отказываются выполнять боевой приказ.

Вместе с ним к пулеметчикам. На ходу командир

взвода в двух словах объяснил, в чем дело. Оказывается, начальник пулемета, раньше отличавшийся недисциплинированностью, замеченный в барахольстве и разлагающем влиянии, повел разговор о тяжести положения: «все равно побьют».

Он на коне. Я остановился вплотную к нему. Пулеметчикам на тачанке крикнул:

— Слезай, стройся!

Спрыгнули и построились.

Одним рывком сбросил конного на землю:

— Стань напротив!

Он стал, исподлобья озираясь кругом.

Обращаюсь к номерам:

— Знаете его? В бою пьяный был? Барахолил? Два раза с пулеметом уходил без приказания и подводил товарищей? А сейчас, когда все должны быть заодно, когда гибнут лучшие товарищи, он изменяет общему делу, панику сеет?

— Да, да, да,— отвечают стоящие.

— Именем ваших отцов и матерей, рабочих и крестьян Советской земли, лишаю его звания бойца Красной армии.

Повернувшись к командиру взвода:

— Убрать его, арестовать и отправить в штаб до распоряжения.

Шаг за шагом пятится бригада. Снаряды и пули указывают дорогу. Левее, правее, назад. И так пядь за пядью. В сотый раз оглядываюсь в лощину. Там по-прежнему кружится хоровод повозок, лошадей, людей.

Слева впереди, из-за пригорка, вынырнула голова

всадников. Польская конница. По ней свинцовой плетью стегнули пулеметы бригады. Шарахнулись поляки и быстро построили развернутый фронт.

— В атаку готовятся, в атаку! — кричит командир эскадрона.

Командую полку:

— Строй фронт, марш!

Развернулся полк длинной лентой, полыхнув над головами сталью клинков.

Чаще затакали наши пулеметы. Поляки опять свернулись в колонны. Торопятся на землю вечерние сумерки.

Поворачиваю голову к низине. Что это? Как будто убавилось повозок?

Щупаю кругом глазами. И впрямь. Распутывая клубок, ниткой уходят повозки, теряясь в темнеющей дали.

— Четвертая дивизия прорвала кольцо. Бригаде приказано прикрывать выход из кольца всех тылов,— докладывает прискакавший из штаба армии ординарец.

Минуты как часы. Вот вытянулись последние повозки. Под прикрытием пулеметов, свертываясь в колонны, начали отход полки бригады. Сзади остались арьергарды.

Вот и место прорыва. В низине небольшая деревушка, дальше возвышенность, а по возвышенности большак, обсаженный деревьями и окаймленный глубокими канавами. Вся площадь от деревушки до большака усеяна трупами.

От четвертой дивизии узнал подробности прорыва.

От Комарова и Замостья лучшие польские части оттеснили Конную в узкий коридор, сжатый болотами. Выход из коридора закупорил польский батальон. Конец Конной! Или гибель в болотах, или сдача!

В такой обстановке четвертой дивизии было приказано расчистить дорогу. Командир бригады выскочил на разведку, ощупал глазами большак и болото. Не выбить поляков с большака в лоб. Надо схитрить. Взять на жадность.

Из канав большака, занятых белополяками, видно деревушку перед низиной. Зарылся батальон в землю. Клещем впился. Не сковырнешь. Флангами уперся в болота. Ощетинился пулеметами и винтовками.

В деревушку из низины... ползут обозы Конной Словно ничего не подозревая, располагаются по дворам, по избенкам. Распрягают и поят лошадей.

— А что, если захватить богатства Конной в повозках? — думают белые.— Ведь совсем в руках. Лучше забрать сейчас. А то подойдут другие части, дели потом трофеи. Все равно Конной конец.

Не выдержал польский батальон. Поднялся над канавами лес штыков. Медленно поползли цепи к деревушке. Не прошли и полпути. Дрогнула земля конским топотом. Разорвал тишину тысячеголосый рев. Из деревни и справа и слева от нее взметнулся лес стали. Маневр с обозами удался. Белополяков погубила жадность. Из их батальона не осталось ни одного. Бригада четвертой дивизии начисто вырубила всех.

Конная разорвала кольцо.

КОНЕЦ ФРОНТА

Полки Особой бригады вырвались из боя и, как последний резерв Первой Конной, стали на отдых. Почистили коней и самих себя, выкупались. Кое-кто сладко захрапел в сене на солнышке.

Под ухом загнусил телефон:

— Наштарм требует комполка два, срочно.

Вскочил на коня и галопом рванул в полевой штаб армии.

В комнатушке наштарма все вверх ногами.

Не отрывая длинного носа от карты, на мое «прибыл по вызову» начальник штаба армии проскрипел:

— Фланги одиннадцатой и четырнадцатой дивизии трещат. Поляки рвутся к мосту. Не сдержать, через час-два будут здесь. Вашему полку приказано восстановить положение.

— Слушаюсь.

Хлопок дверью зашатал избенку, сбросив карту со стола на пол.

Карьером помчался к полку. Тревога...

Магнитом вскинуло седла на коней, одиночек закружило во взводы, взводы в эскадроны. Эскадроны выхлеснуло на окраину села — место сбора по тревоге.

Рысью процокал полк два километра до моста. Мост еще наш. На мосту сутолока. Подвода на подводу, дышло на дышло. Галдеж и мат.

Я выскочил с ординарцами и так рявкнул, что глаза на лоб выскочили. На мосту установилась тишина, потом дышла разошлись, повозки порасцепились, все

нашли свои места и расползлись. Полк махнул галопом через мост к селу в полукилометре.

В селе обоз первого разряда восемьдесят третьего полка четырнадцатой дивизии—когда-то мой полк из немцев Поволожья.

— Здоров! Мейера ранили, Дмитриев убит, Соседов заболел, Магар убит, Ридель перевелся,— понеслось отовсюду, на ходу, о живых и мертвых.

Близко бой.

Обстановки никто не знает.

Обоз с больными и ранеными людьми и лошадьми тянется к мосту. Полк скачком дальше.

За селом подъем на гребень длинного холма. За гребнем слышна стрельба.

Я остановил полк на окраине села в рощице, а сам к гребню. Здесь командный пункт командира восемьдесят третьего полка.

Поздоровались.

— Как? — спрашиваю.

— Бывает и хуже,— отвечает он.— Прут и прут. Полк измотан, потери... одиннадцатая дивизия откатывается влево.

До боя не больше полукилометра. Слева от фольварка на холмик ползет польская пехота, забирая все глубже и глубже левый фланг полка.

— Так я беру направление на фольварк и дальше на лес за фольварком. Разграничительная линия между нами на село правее фольварка. Она за мною.

— Хорошо,— кивает командир восемьдесят третьего полка.

— Ближайшая задача — захват фольварка и леса, а дальше — отбросить противника в лес,— добавляю я.

— Идет,— опять кивает командир полка.

Скатываюсь вниз к полку. Третий и четвертый эскадрон спешиваю, а первый и второй оставляю на конях в резерв, от них боевой разъезд влево для связи с одиннадцатой дивизией и для освещения фланга.

Командирам эскадронов поставлена задача, и полторы сотни людей, щелкнув примкнутыми к винтовкам штыками, размыкаясь на взводы и отделения, двинулись к гребню.

Минут через десять в гул боя врос говор полутораста винтовок и десятка пулеметов.

Приостановив на полчаса наступление и подпертый теперь свежими частями противник стал опять продвигаться вперед.

У меня командный пункт вместе с командиром четвертого эскадрона.

Над окопчиком торчат две головы — моя и Чистоходова.

Артиллерия поляков, до этого угощавшая восемьдесят третий полк, перебросила огонь к нам.

Шрапнель, граната, шрапнель, граната...

— Бьют по нашему логовищу,— медленно тянет Чистоходов.

Еще и еще.

— Перелет, недолет. В вилку взяли. Давайте перейдем, товарищ командир, а то как раз,— повернулся ко мне Чистоходов.

Отбежали левее.

— Бинокль оставили, сейчас проскачу туда,— вспомнил Чистоходов.

Он шагу не шагнул, как над окопчиком землю подняло фонтаном.

— Биноклю крышка, товарищ Чистоходов!— смеется командир пулеметного эскадрона.

— Вот стервы! Надо же было угодить точка в точку. Подарок, вот что жалко,— ворчит Чистоходов.

Новый командный пункт не так удобен для наблюдения, к тому же он заметен противнику. Здесь то-и-дело шмелят пули.

Дивизион бьется с остервенением. У поляков превосходство в винтовках, пулеметах, да и в артиллерии. Решаю вызвать второй эскадрон.

Затакали двести винтовок.

Чистоходов уговаривает:

— Вы не лезьте вперед. Нас убьют — заменят, а головку полку скоро не приставишь.

Связался с одиннадцатой дивизией, но решения фланга ее не добился.

— Товарищ командир, товарищ командир, слева одиннадцатая атакует в конном!

Из леса метнулись до двух эскадронов одиннадцатой. Не во-время. Поляки засыпали из пулеметов. Эскадроны покатились назад, часть их бросилась к нам.

Сзади нас спешилось десятка три бойцов и женщина.

Она на сером коне, в форме красноармейца, с наганом, шашкой, цветущая, плечистая. Не торопясь слез-

ла в лощине с серого в яблоках, одернула гимнастерку и пошла к командиру пулемета.

Мои эскадроны и пулеметы работают докрасна.

Левый фланг начинает чуть-чуть продвигаться.

Продвинулся и центр. Пулеметы трещат без умолку.

Попросил артиллерийской помощи у соседа справа. Через несколько минут на холме у фольварка и под деревней справа над поляками разорвалось несколько снарядов.

Наши бодрее защелкали затворами винтовок.

Направо от командного пункта в восьми-десяти шагах пошлепывает из винтовки и женщина-боец. Бросаются в глаза ее спокойные, уверенные движения. Вот она, улыбаясь, вытерла рукавом пот с лица и что-то сказала соседу. Тот дружески хлопнул ее по плечу.

«Какое дьявольское спокойствие,— подумал я,— точно не в бою, а на завалинке сидит».

От фольварка вниз и правее, от рощицы, к селу отходит пехота противника.

— Атаковать их? — спрашивает командир второго эскадрона.

— Приготовь эскадрон, прикажи подать коноводов первому и четвертому. Третий и пулеметный поддержат атаку огнем,— отвечаю ему.

Все быстрее уходят поляки.

Наступил момент, знакомый охотнику. Собака на стойке, курки взведены. Фр-фыр-фыр!— сорвалась тетерка.

Я послал к соседу предупредить об атаке.

Второй эскадрон атакует левее села, первый в центр, четвертый справа. В атаку марш, марш...

Из-за бугра взлетели четыре с половиной сотни коней. Справа и слева, остервенело захлебываясь, строчат пулеметы. Птицей стелются эскадроны.

Я иду за вторым. Около меня десяток связных, несколько бойцов одиннадцатой дивизии и женщина на сером.

Четвертый эскадрон вырвался первым. Вот он рубит оставшихся поляков.

Проскакиваем мимо фольварка. В пятидесяти шагах по середине двора сарай. Мы поравнялись с ним.

Махом распахнули черную пасть ворота. В сарае польский пулемет. Во фланг всем эскадронам!

Больше ничего не успел подумать. Не успел и рта открыть. Да и незачем было открывать его.

К сараю метнулась женщина на сером коне. Секунда растерянности — и за ней десяток бойцов.

У ворот сарая щелчок нагана, серый вздыбился. У пулемета — труп наводчика и женщина с дымящимся наганом. Подоспевший десяток бойцов вылавливает в сарае остальных.

Все броском к селу. Говорить некогда. В селе польскую пехоту не рубили, а глушили бомбами, как рыбу, сбившуюся в тесных протоках улиц.

Слева и справа атакуют одиннадцатая и четырнадцатая дивизии.

Поляки отброшены в лес.

После боя вспомнил я румяную, широкоплечую на сером коне. Ее не было около меня.

Прошло десять лет, а она как живая рядом. Где-то она теперь?

Конная отошла с боями на Владимир-Волынск.

Особая бригада в деревушке Пузово на десять километров севернее Владимира-Волынского. Пузово недаром так названо. Пупом торчит эта деревушка на вершине, а кругом болота. По болотам кустарник. Пузово с миром связали гати. Их строили просто и крепко, раз проедешь — меняй колеса. Направо и налево болота.

— Пешие кое-где ходят, а конные ни-ни,— рассказывал старик в деревне.

Правее Пузова бьется с панами сорок пятая стрелковая дивизия, а левее — четырнадцатая Первой Конной. Особая бригада обеспечивает правый фланг Конной и стык с пехотой.

Мы простояли здесь два дня. Справа и слева бой, а в Пузове солнышко, тишина, гармошки. Не война, а благодать. Живи, не умирай.

По болотным тропам выдвинуты заставы. Высылаются разъезды. Но далеко не уходят. Топь невылазная. Днем с пузовского пупа наблюдатель видит километров на шесть-восемь кругом.

Ко мне приехала в гости старая знакомая.

Недели две тому назад, на походе, я встретил обозы восемьдесят третьего полка четырнадцатой дивизии. На одной из повозок бросился в глаза знакомый женский профиль. Сразу вспомнил: бывшая жена комбрига-херувима, а потом и командира второго немецкого полка. В обстановке постоянного риска, нечело-

веческого напряжения, суровых лишений так приятно было увидеть нежную, красивую женщину. Не успел поздороваться и перебросить несколькими фразами, как дороги наши разошлись. Оказывается, командирше не повезло. Командир полка был убит в первых же боях. Прощаясь с ней, я сказал, в какой части работаю, и просил при случае заглядывать.

Сегодня она у меня в гостях.

В маленькой деревушке нас как сельдей в бочке. Как ни приятен был приезд гостьи, а с размещением ее ничего не получалось.

Пришлось устроить временное помещение на сеновале.

Комбригша рассказывала о смерти мужа. Он погиб у нее на глазах.

После боя полк, которым командовал бывший командир второго немецкого полка, отошел в лес. К полку подошли обозы и все тылы. Приехала к мужу, которого не видела с начала действия на польском фронте, и комбригша. Разыскивая мужа в лесу и на поляне, набрела на штаб полка. Увидела его в группе командиров. До него оставалось шагов сто. Хотела порадовать неожиданной встречей. Вдруг видит, муж пошатнулся и, всплеснув руками, грохнулся на землю.

Подбежала еще к теплому трупу. Шальная пуля в голову убила командира полка наповал.

Мне было жаль эту женщину.

Вечером проводил ее в часть, которой командовал ее покойный муж.

Нашла ли она тихую пристань, или попрежнему носится по волнам жизни без руля и парусов? — Не знаю.

На третий день стоянки утром — приказ: прикрывая правый фланг армии, оказать помощь теснимой поляками стрелковой дивизии.

Пузово ожило.

Первый полк двинулся по единственной гати на деревушку в восьми километрах к северу.

Второй полк, выдвинув вперед по болотам эскадрон, остался в Пузове с тем, чтобы, в зависимости от обстановки, действовать вперед или направо. Беспечность сменилась деловитой настороженностью.

Жители — военный барометр. Пузово будто вымерло. В деревушке каждый кустик, тень избы, забор — маска. Жизнь притаилась. Обоз оттянули в соседний лесок.

— Эта бражка маскировку портит,— распинался Мирончик, осматривая хозяйским глазом с наблюдательного пункта опустевшие улички деревни.

Третий эскадрон донес, что выбрался на какую-то кочку в четырех-пяти километрах и послал пеших прощупать окружные болотные кустарники. От первого полка ни слуху, ни духу.

В десяти-двенадцати километрах к северу слышен бой. Дерутся также и слева, под Владимиром Волынским.

— Чорт! Тоска... — ворчит Мирончик.— Хуже нет сидеть сложа руки, когда там дерутся. Пузово — мышеловка какая-то.

Мирончик — казак. Мировую войну он кончил урядником. Вступил в красную гвардию. Коммунист, отчаянный вояка, отличный товарищ.

Что-то еще хотел отпустить, щурясь от солнца, Мирончик, да в уши застучала дробь карьера.

Подскочил боец первого полка:

— Командир бригады приказал оставить один эскадрон — удерживать Пузово, а всему полку итти на помощь пехоте в деревню Линьки. Там и первый полк.

Связные полетели в эскадроны. Третьему эскадрону приказано, продолжая разведку, отойти в Пузово, а остальным выбираться на окраину деревни, к гати.

Полк тянулся по гати. Это была не гать, а дорога в ад. Деревья лежат на трясине в ряд, горбами вверх. Ни развернуться, ни разъехаться. Из-под каждой клавиши — фонтан жидкости черной, как нефть. Местами страшная вонь.

Бой кипел и впереди, где была пехота, и сзади, под Владимиром-Волынским. Не проехали и километра, как стало очевидно, что положение серьезно. Итти восемь километров. Ни вправо, ни влево не свернешь. А что если и пехота и первый полк отойдут? Третий эскадрон не удержит Пузово. Что тогда?

Попробовали итти рысью. Куда там! Вся колонна покрылась вонючей жижей.

Мирончик мрачен.

— Ты что?— спрашиваю.

— Говорил, западня,— так и выходит.

Часа через полтора головная застава донесла о де-

ревне. Там типичная картина свертывающихся тылов. Ничего не разобрать.

Совсем близко неумолчный рокот винтовок и пулеметов.

Еле нашел комбрига.

— Пехота отходит,— говорит он,— поляки обходят ее с севера. Деревушку сдадим. Буду задерживать здесь с первым полком, пока можно. Тебе с полком бернуться в Пузово и держаться, обеспечивая правый фланг армии.

Снова гать. Снова мрачное лицо Мирончика. Клавиши танцуют, из-под клавиш черная муть в лицо. Жарит солнце. Льет пот.

— Мирончик, не кажется ли тебе, что стрельба впереди ближе, чем раньше?

— Нет, это под Владимиром-Волынским.

Я оглянулся. Длинной колонной расползся по гати полк. В строю тишина. Все насторожены в ожидании близкого дела.

— Товарищ командир, а ведь бой идет под Пузовым. Я уж понял.

— Товарищ Миронов, — приказываю: отряди двоих бойцов на лучших конях в тыльную заставу узнать, как дела в первом полку. И дозоры направо. Попробовать пробраться по кустарникам, а то хватят с фланга.

Миронов заплясал на лысом к хвосту колонны. Сам я, пришпорив кобылу, вырвался вперед к выстрелам. Со мной четыре красноармейца.

Мы проскакали с полкилометра. Вот последний поворот и — Пузово. Гать вильнула влево. Перед нами на пупе — Пузово. До него не больше километра. Там идет бой. От Пузова, поднимая черные фонтаны жижи, карьером скачет конный.

Видно, несется под пулями.

Подскочил.

— Товарищ командир, разъезд успел вскочить в деревню. Там поляки. Третий эскадрон отошел к станции Верба. У поляком тяжелые пулеметы. Подошли неожиданно по болоту. Я ска...

Вдруг как-то осел и, не договорив, мешком пополз с коня.

По клавишам зацокал свинец из Пузова. Раненого схватили и оттащили за кустарник...

Я послал остановить полк, усилить разведку влево и вызвал командиров эскадронов. Сам спешился и осторожно из-за кустарника стал смотреть на Пузово в бинокль.

Бой в Пузове смолкает. Из деревни вниз к гати группами наступает польская пехота. Она выходит из кустарника. По гати Пузово не возьмешь. Болото, кругом болото. Одна дорога назад — к первому полку. Успею ли?

Вот и полк. Мирончик догадался выдвинуть пулеметы в голову. Взвод первого эскадрона полетел к повороту.

— Что слышно от разведки на запад? — спрашиваю Мирончика.

— Тихо, донесений нет, — отвечает.

Полк посажен на коней и поворачивает обратно. Не успели мы отойти на полкилометра, как оставленный взвод заговорил тяжелыми пулеметами.

Смотрю на восток, в свой тыл... Болото и кустарник.

Еще полкилометра.

Донесение от ездивших к первому полку:

— Деревня занята поляками. Первый полк с пехотой отошел на восток. За нами погналось четыре конных, но отстали.

Итак целый полк в ловушке. Что делать?

Беру себя в руки. Спокойствие, спокойствие!

Десятки глаз командиров и бойцов. В них ни тени испуга. Как сталь! Из этих глаз я пригоршней зачерпнул уверенность.

Послышалась стрельба с запада. Сначала редкий огонь, через минуту — пачками.

По кочкам от куста к кусту прибыл боец с донесением:

— Пехота наступает, не разберешь, сколько. Ребята остановили огнем. Огонь и со стороны первого полка,— около километра, не дальше.

Мысль черкнула, как блеск клинка: «Этот по кочкам прошел с конем... А что, если?»

— Командира четвертого ко мне!

— Товарищ Чистоходов, с эскадроном и четырьмя тяжелыми пулеметами не допускать противника до гати на этом участке — ни справа, ни слева, ни с запада. Полк пойдет болотами на восток. Здесь около километра до берега.

— Слушаюсь, товарищ командир!

Я повернулся к Мирончику:

— Товарищ Миронов, по этим кустарникам, выбирая какие погуще и покрупнее,— на восток. Под тачанки рубить кустарник. Если не пройдут, ломать и бросать. Пулеметы выносить на руках.

К Чистоходову тихо:

— Ваня, ты понимаешь, гать нельзя сдать, пока все не уйдем в кустарники. Знаю тебя и эскадрон. Знаю, что не уйдешь. Но помни,— каждый дорог.

Чистоходов, как всегда, сутулясь, мрачно ответил:

— Да что там. Все хорошо будет. Ребята что надо.

Полк потянулся к кустарникам. Лошади грузнут по колено. Каждый шаг — рывком, прыжком, с бешеным напряжением.

От кустарника к кустарнику. У куста дыханье перевести и дальше. Все черно. Лошади дрожат от неизданного напряжения. На тачанках — не колеса, а глыбы черной, вонючей массы.

Кустарник рубят клинками, ломают руками. Там, где прошли пятеро, шестому — с головой.

Четвертый эскадрон ведет бой. Полякам не видно наших за кустарниками гати. Не видно, как, вздыбившись, опрокидываются кони, тонут тачанки. Всюду треск ломаемых веток, — чавканье, грязь, понукания лошадей...

Слева скачет Чистоходов:

— С Пузова рота пехоты. Послал туда еще пулемет и взвод. Теперь все в расходе.

Приказываю:

— Отводи эскадрон до кустарников,— иначе потом не выскочишь.

Моя кобылица сразу влезла по брюхо в грязь, испуганно шарахнулась, опрокинулась, еле вытянула перед. Дрожит, стонет. Испуг в глазах сменился какой-то грустью.

— Ну, голубка, спокойнее, ну, ну!

Шаг за шагом. Вот и хвост колонны. Не колонна, а куча. Вправо и влево люди и лошади.

Надолго ли хватит этого нечеловеческого напряжения?

Я в середине этого клубка из людей, тачанок, лошадей и грязи. Чувствую, что сам изнемогаю. Подходит из нутра к груди, к голове самое страшное: апатия. Сжимаю зубы. Выдавливаю громко и весело пулеметчику, иваново-вознесенскому слесарю:

— Ох, братушка, это тебе не гайку опиливать. Тут дело умственное.

Черную маску сплошной грязи разрезал белый оскал зубов:

— И хуже бывает, когда жинка ночью сбегает.

— Хо, хо, хо! — прыснули соседи.

— Как, пулеметчик, дотянем тачанки? Они с самой Кубани, жалко бросать. Кончим воевать, еще покатаемся.

— Ну, как же так бросим. Еще чего...

— Товарищ командир,— кричит курносый рыжий пулеметчик-москвич, «придворный шут» эскадрона,— я им оставил старые исподники, а гнедой как шаг шагнет, так с перепугу, бедняк, след оставляет.

Сколько прошли, не знаю. Вместо карты, в руках грязная тряпка. Все тело кричит от отчаянного напряжения.

Остановился и пропускаю тянущуюся в десять, двадцать колей и троп черную массу людей, лошадей и повозок.

Вот и самые последние, жалкие, выбившиеся из сил.

Не понукают, не рубят. Стонут, на каждом шагу останавливаются. Их немного. Одна тачанка и пятеро с конями. Подхожу. В глазах людей и лошадей одно: безразличие изнеможения.

— Ну, Чебан,— говорю ординарцу,— теперь Маруська, как выберется на сухое, и тебя с потрохами слопает. Отощала.

Молчат...

— Товарищ командир, скоро выберемся? Стали кони совсем!

Четверка хлопает боками. Они так втянулись, будто слиплись. Пристяжная хватает ветку кустарника и рвет ее так нервно, как это может делать только обезумевшая от страха лошадь.

Больше половины пройдено. Теперь уж в привычку,— можно хоть целый день так тянуться.

— Жалко бросать коней,— чуть не плачет ездовой.— Ну, милая, ну еще!..

Вот и коноводы четвертого эскадрона. У них лучшие кони. Движутся свободнее.

А у гати сплошной, не прекращающийся треск.

— Где командир эскадрона?— спрашиваю у красноармейцев, ведущих раненого.

— Там, в кустарнике.

Пули ложатся кругом. Четвертый эскадрон не то переползает, не то переплывает от кустика к кустику. Вон и Чистоходов. Пробираюсь к нему. Щеки втянуты, глаза пропали под черным лбом, в руках наган. Посмотрел на меня, будто узнал не сразу.

— Как там?— выдавил.

Я пытаюсь улыбнуться:

— Там лучше стало. А у тебя?

Глаза посветлели:

— Прикроем, но тяжело. Троих убитых оставили,— не могли вытянуть, когда от гати отходили. Да раненых шесть или семь.

Из-за кустика вижу польскую пехоту. Прямо, вправо и влево.

— До роты будет,— отвечает на мою мысль Чистоходов.

Слышу очереди наших пулеметов.

— Что это? Как будто работают только три?

И самому мне стало больно за Чистоходова. Он как-то осел в топь.

— Да один бросили, замок взяли, нельзя было вытянуть,— ответил он шопотом, медленно.

— Ну, ничего, Ваня, отобьем. На нас не нажи-вешь!

Чистоходов поблагодарил взглядом.

— Ты не задерживайся, отходи!

Опять от кустика к кустику, с кочки на кочку, туда, где черная топь. Недалеко ушли. Шагах в трехстах четыре тачанки, сотни лошадей... Что это? Не

движутся. Вот она, самая жуткая минута! Неужели конец? Неужели бросать коней и уходить пешком? Неужели конец полку? Там дальше — пустой тыл, ни одной лошади... Обдало холодным потом. Что сказать! Люди, лошади лежат. Лежат!.. Может быть, минуту продолжался столбняк, может быть, вечность...

Вдруг «ура, «ура» — такое, как под Грубешовым, Радзивилловом, как тогда, когда мы рубили поляков сотнями. Оно подняло всех.

— Н-но, бери еще, еще разок. Но, но, подхватим!

Сотни зашевелились. Люди и лошади будто стали другими — новыми, сильными. Поползли, поскакали. Вон там даже смех.

Что такое? Ко мне, радостно улыбаясь, летит связной.

— Товарищ командир, товарищ командир, сухое место! Вон там за кустарниками... Наши вышли.

«Ура» доносится оттуда. Ком подкатил к горлу...

— Чебан, чортов батька, что раскис? Давай веселей!

— Да я и так прытко! — кричит Чебан.

Легче, легче ногам. Вот и совсем легко. Кустарник выше и выше. Перед нами прогалина шагов в двести. Густая трава, лес. Мирончик смеется:

— Товарищ командир, я послал к Чистоходову, чтобы он скорее сматывался. Я тут полякам угощение приготовил: все пулеметы. А пулеметчики, как звери,— не дождутся!

Через полчаса четвертый эскадрон отошел за лес.

Из кустарников ощупью выдвинулась польская пехота.

Две брошенные тачанки, пулемет, с десяток лошадей и пятеро убитых бойцов окрылили поляков. «Еще бросок — и все кони, весь обоз в наших руках»,— думают они.

Лес притаился.

У винтовок и пулеметов — месть. Беспощадная, жуткая месть.

Подпустили полуроту на сотню шагов. Подпустили и... захлеснули. Ливень огня. От полуроты ничего не осталось.

В лесу ревело «ура».

К ночи второй полк подходил к станции Верба.

Командир бригады порвал донесение Революционному военному совету о гибели второго полка.

6. В ТАВРИЮ

НА НОВОЙ РАБОТЕ

«Солдатский вестник» первый заговорил о перемирии.

Слухи подтвердились. Война с белополяками кончалась.

Конная армия оттягивалась к Ровно-Дубно и дальше на восток. У меня окончательно оформилось желание ехать учиться, и я подал Революционному совету рапорт об этом. В сорока километрах от Ровно получил приказ сдать полк и прибыть в штаб армии в Ровно.

Решил не задерживаться. В полк возвращался тов. Евдокимов — командир, когда-то формировавший его и дравшийся с ним в Сибири и на Кубани.

Не жалко было отдавать полк в такие руки!

Утром, перед выступлением полка в поход, я прощался с теми, с кем вместе дрался от Кременца до Львова.

Командир должен иметь бетонное сердце. Привыкнешь, сроднишься с массой, сольешься с ней в одно целое, а тут надо уходить, отрывать себя от тех, с кем кровно связан.

Тепло расстался с полком. Он потянулся вправо по проселку, а я покатил на тачанке по шоссе к Ровно.

Захотелось оглянуться на полк. Хоть глазком окинуть колонну, в которой так знакомы каждый всадник, каждая лошадь.

Ошпарила мысль: «А вдруг оглянусь и увижу безучастные спины. Вдруг там уже выбросили меня из памяти?»

Заставил себя оглянуться. С шоссе как раз сворачивал четвертый эскадрон. Все как один повернулись в мою сторону. Взметнулась сотня фуражек, замахала сотня рук.

Справа и слева вдоль шоссе бежали навстречу села и хутора. Я догнал и обогнал пехоту и подводы. Смотрел и не видел. Все мысли были там, у поворота на проселок, вместе с ушедшим полком.

В Ровно я легко нашел штаб армии.

Дежурный по штабу направил к товарищу Ворошилову.

«Вот сейчас получу предписание — и карьером в Академию», — билась мысль.

Вошел в кабинет члена Революционного военного совета.

У Климентия Ефремовича утомленное лицо, воспаленные глаза.

— В чем дело? — спрашивает меня, отрываясь от горы бумаг.

Докладываю:

— Прибыл, сдав полк, для направления в Академию.

Климентий Ефремович развел руками:

— Скажите, пожалуйста, в Академию! Тут нет людей, новые важнейшие задачи, а он — в Академию. Нет, батенька мой, рано еще в Академию. Поезжайте в Бердичев и формируйте пополнение для армии из остатков корпуса Гая. Указания получите у товарища Лецкого, наштарма в Бердичеве. В Академию? А? — опять развел руками Ворошилов.

Вот тебе и на! Поехал! — злился я за дверями кабинета. И дернул меня чорт подвернуться под эти пополнения!

Но раздумывать было поздно. Я метнулся на тачанке к вокзалу. Через час отходит эшелон на Бердичев. Бегом к коменданту. Несколько «теплых слов» с дежурным по станции, и дело в шляпе. Разыскал порожний крытый вагон и в три счета погрузил лошадей и бричку. Через час поезд потянул на Бердичев. Я спал в сене непробудным сном.

Проснулся в Бердичеве.

Выгрузка и поиски квартиры заняли немало времени. В восьмом часу, позвякивая шпорами, поднялся во второй этаж штаба армии, к начальнику тылового штаба армии.

Вот и комната начальника.

Оглядел себя, одернулся, поправил оружие, постучал. Жду. Тихо... Стукнул еще раз... Снова тишина. Приоткрываю дверь. За столом у окна сидит человек и... смотрит на дверь.

Вхожу.

Наштарм (кто же другой может быть за этим столом?) широкоплеч, у него мясистый нос, «марксистская» шевелюра, маленькие глаза.

Почему он молчит? Я кашлянул.

Фигура за столом дернулась, пошарила руками направо и налево.

— Садитесь пожалуйста,— пригласила она.

Тут я понял. Сердяга спал, сидя и с открытыми глазами.

Познакомился с товарищем Лецким.

Остатки конного корпуса Гая и новые формирования частично уже прибыли.

— Нужно срочно разворачивать работу,— закончил наштарм и предложил мне закуситъ... селедки.

Закусив, я отправился во-свояси.

Работа развернулась. Прибывшее людское пополнение производит хорошее впечатление, а лошаденки среднего качества.

Я осмотрел личный состав, сделал выводку и разбивку лошадей, и к вечеру родилось шесть новых полков. Началось сколачивание.

День проходил в смотрах съезженности полков и владения шашкой, в расчетах по обмундированию и довольствию.

В Бердичеве познакомился с командиром бригады одиннадцатой дивизии Дмитриевым, арестованным за какой-то боевой промах, и с его комиссаром. Ребята, не унывая, ждали последствий разбора дела и свободное время,— а его было достаточно,— прово-

дили в ближайшем селе с пухлыми дочками местного замухрышки-попа.

Через четыре дня меня срочно вызвали к начальнику штаба.

Лецкий передал мне «страшную» новость. Завтра приезжает товарищ Ворошилов и будет смотреть пополнение. К этому не нужно было ничего добавлять. Все было само собой понятно.

Сообщил новость в полки.

Ворошилова знали. Слух о смотре подстегнул части. Беда со знаменами! Ну, как представлять полки без знамен? Пошарили в городе. К вечеру торжественно водрузили на пики красные знамена с наспех вышитыми номерами и лозунгами. Ревком остался без красных скатертей.

Утром Климентий Ефремович в бегунках, на вороной кобыле объехал полки, посмотрел учобу и объявил о смотре на следующий день.

Полки построились за полчаса до приезда Ворошилова.

Ни гибель конного корпуса Гая, ни отход всего юго-западного фронта ни на минуту не поколебали высокого политико-морального состояния формирований. Предстоящая служба в Первой Конной воспринималась, как знак большого доверия и чести. В спешенных эскадронах шли нескончаемые разговоры о подвигах конноармейцев.

Объезд товарища Ворошилова, его короткое выступление и прохождение полков церемониалом прошли с исключительным энтузиазмом.

С плаца полки направились по дивизиям. Конно-армейцев прибыло! Я в последний раз сходил к нашатарму и, быстро покончив все отчетные хвосты, направился из штаба армии домой.

«Что ж, коли Академия лопнула, пойду опять в строй. Только не штабная работа!» — уговаривал я себя, спускаясь по лестнице штаба.

По улице, которая стала вдруг тесной, выпятив грудь, делая негнущимися ногами огромные шаги, двигался огромный человечина.

Те из штабников, которые добрую половину дня проводят в уличном «обозрении», зашептали:

— Тимошенко, Тимошенко!

Я слышал эту фамилию. Товарищ Тимошенко командовал на деникинском фронте шестой дивизией, с ней он начал драться с белополяками, но под Бродами был снят за нечеткое выполнение приказов Революционного совета.

Сейчас Тимошенко командовал четвертой дивизией.

Я впервые услышал эту фамилию, будучи комендантом города Новоград-Волынска, сейчас же после захвата его Конной армией.

Услышал при любопытных обстоятельствах. Чуть ли не в первый вечер моего комендантства. Управление всполошил крик посыльного от караула, охраняющего пивные склады. Прибежавший наговорил таких «ужасов, что я лично отправился к месту происшествия.

Ужасного ничего не было. На склад приехала тачанка с молодчиком, который, называя себя адъютан-

том Тимошенко, требовал... шестнадцать ведер пива для штаба дивизии.

На доводы начальника караула о лошадиных аппетитах работников штаба дивизии, адъютант аргументировал необъятными размерами командира дивизии Тимошенко и военкома его Бахтурова. Если бы адъютант для пущей доказательности не матюкал, а главное не врал, ссылаясь на командира дивизии, я бы его отпустил да, пожалуй, дал бы с десяток бутылок пива. Но тут пришлось посадить его на часок на губу и отправить ни с чем.

Но адъютант в одном был прав: Тимошенко действительно крупен.

На меня комдив четвертой сразу произвел отличное впечатление. Он высокого роста, сильного склада. Лицо как бы грубо сработано начинающим скульптором. Низкий, широкий лоб, маленькие голубые глаза, широкий нос, обрубленный подбородок. Как слышно, в бою он держится великолепно, быстро соображает и очень храбр.

Мелькнула мысль о службе вместе с ним в дивизии. Я решил сейчас же реализировать ее,— подошел к Тимошенко и, представившись, спросил его о возможности служить в четвертой дивизии.

Оказалось, что Тимошенко тоже знает меня по слухам и против службы у него не возражает.

— У меня уезжает в Академию командир второй бригады товарищ Тюленев. Идем сейчас же к товарищу Ворошилову, и я попрошу вас на место Тюленева,— сказал Тимошенко.

Через час я выходил из штаба армии командиром второй бригады старшей дивизии Первой конной армии. Тимошенко напутствовал меня приказанием о скорейшем прибытии в дивизию и вступлении в должность.

Я бы уехал утром следующего дня, если бы меня не задержало одно дело.

Поздно вечером мой ординарец Кирюшка взволнованно сообщил мне о приводе каким-то командиром двух лошадей.

Кирюша провел со мной всю белопольскую войну. Он — донской казак, русый, высокого роста, с голубыми глазами, пышными детскими губами и правильными чертами лица. Кирюшка зря не будет трепаться. Его трудно растормошить, но если он раскачается, значит есть из-за чего и тогда он скоро не успокоится.

Весь вечер только и разговору было, что о сером, которого привел какой-то командир. Серый заинтересовал меня.

Утром, не успел Кирюша открыть рот, как я уже приказал ему пойти в комендатуру города и там расспросить о чудных лошадях и их владельце.

Пока Кирюша ходил, я против воли думал о дикой лошади.

Запыхавшийся соглядатый докладывал:

— Самолично видел: не конь, а змий! Хозяин был у гаевском корпусе. В плен не попал потому, что находился на излечении. Ранение, значит, было. Волосатов фамилия хозяина будет.

Я, не раздумывая, направился к Волосатову.

Данные о хозяине полностью отвечали действительности, а о коне оказались даже преуменьшенными.

Серый в яблоках, что называется, убил меня.

Чудо-лошадь! Я не мог уйти, не приобретя его. Если бы не купил,— наверняка стащил бы.

Товарищ Волосатов должен был ехать лечиться, лошадей везти в тыл было немыслимо, и вот он решил гнедого продать, а серого оставить себе. Несколько часов под ряд уговаривал я его продать серого, а гнедого оставить. Наконец, он согласился. Но кому оставить гнедого? Кто сохранит его?

Гнедой тоже отличная лошадь. Я вспомнил, что товарищ Ворошилов без второй лошади. Его рыжий Мазузер измотан. Предложил Волосатову отдать на время гнедого товарищу Ворошилову. Через час товарищ Ворошилов смотрел гнедого.

Климентий Ефремович любит лошадь и знает ее. Рядом с хорошим конем он расцветает. Гнедой понравился, и передача его во временное пользование товарищу Ворошилову состоялась.

ВСТРЕЧИ

Утром на следующий день поехал в четвертую дивизию на обновке. Смеялся осенний день, улыбались прохожие, крякал от удовольствия Кирюша,— так хорошо чувствовал я себя на красавце сером, забыв, что деньги на покупку серого достал, продав с себя все до нитки, позаняв везде, где только можно было занять.

В штабе четвертой дивизии, после радушного приема, получил предписание о приеме второй бригады от товарища Тюленева.

Поехал в деревню, занимаемую штабом бригады. Разыскал командира бригады Тюленева.

Я впервые встретил его. Тюленев небольшого роста, у него короткие ноги с кривизной от колен, мелкие черты лица, хохолок на голове. Мой приезд был для него неожиданностью. Любезно приняв меня и прочитав предписание о сдаче мне бригады, комбриг засуетился.

— Здорово, чорт! Так мы сейчас по полкам проедем, а? — затараторил он.

Я знал о нравах в четвертой дивизии. Знал, что полки дивизии в Бердичеве пытались учинить «ревизию» тюрем на предмет «выяснения» виновности содержащихся в них. Знал о их попытках одобрять или не одобрять назначения командиров.

Решил не ехать по полкам, а поставить их прямо перед совершившимся фактом приема мною бригады.

— Стоит ли? Штаб дивизии ждет вашего приезда,— ответил я комбригу.

Тюленев попытался убедить меня в необходимости объезда, но после категорического отказа стал собираться в штаб дивизии.

К вечеру, проводив бывшего комбрига, я отдал приказ о вступлении в командование бригадой, вызвал к себе на другой день командиров полков и эскадронов

и засел за чай со своим адъютантом товарищем Петренко.

Петренко — украинец. Фигура и лицо у него без всяких примет. Все самое обыкновенное, но на простом лице — чужие хитрые глаза.

Осторожно расспросил Петренко о полках, эскадронах, о командном составе.

«Петренко жуликоват, это надо иметь ввиду»,— подвел я итог нашему часовому разговору за чашкой чая.

На другой день к двенадцати часам стал собираться командный состав полков.

Мне прежде всего хотелось познакомиться с товарищами и кроме того поставить их в известность о предстоящем на послезавтра выступлении бригады через Украину в Таврию и Крым.

Вместо двенадцати часов командный состав собрался в час. Громко разговаривая, с папиросками в зубах в комнату входили новые и новые лица. Не обращая внимания на меня, сидевшего за столом на низкой скамейке, входившие шумно усаживались и продолжали прерванный разговор.

Я незаметно рассматривал присутствующих. Подсчитав и установив число приблизительного кворума, поднялся.

Моя громоздкая фигура, неожиданно выросшая из-за стола, произвела в маленькой избушке впечатление. Разговоры смолкли. На меня уставились двадцать пар глаз.

Я обратился к присутствующим со словами:

— Товарищи командиры! Приказом Революционного военного совета Конной армии я назначен командиром второй бригады. Революционный военный совет, волею трудящихся готовя армию к новой ответственной задаче, приказал мне с вашей помощью привести бригаду в такое состояние, которое позволило бы ей образцово выполнить новую боевую работу. Для этой работы требуется прежде всего дисциплина. Мы с вами должны быть примером этой дисциплины. Требую от командиров полков сейчас же показать мне, дисциплинированы ли их командиры и они сами! Прошу встать! Бросить курить! Я разрешения не давал. Командирам полков представиться мне самим и представить своих командиров.

Будто гром грянул в тесной избенке. К этому здесь не привыкли.

Все встали моментально. Я почувствовал, что взял их в руки.

— Командир двадцать первого полка Пархоменко. Это командиры первого, второго, третьего, четвертого,— прохрипел здоровый дядя в меховой телячьей куртке.

— Командир двадцать второго полка товарищ Поцелуйко. Разрешите представить командиров первого, второго, третьего, четвертого и пулеметного,— пропищала лисья физиономия маленького человека в бекеше.

Крепко пожал всем руки. Кое-кому придавил до боли.

«Начнем завоевывать авторитет мышцами, а там

посмотрим», — думал, сжимая большие и маленькие, сухие и потные руки.

Пожимая руки, улыбался и в то же время быстро расценивал каждого.

Пархоменко. Выше среднего роста, плечист, буйный волос на голове, крупные черты лица, огромные синие навыкате глаза, небольшие усы, хищная улыбка. Это дьявольски сильный человек, упорный и смелый.

Поцелуйко. Маленький, юркий, бесцветный, с лисьем носом, вкрадчиво слащав. Противоположность Пархоменко.

Рослые и мелкие, сильные и хилые. Каждый запомнился, каждый взвешен.

После двухчасовой беседы о задачах Конной армии в связи с переходом на Врангелевский фронт, я приветливо расстался с новыми товарищами по боевой работе.

Через несколько часов мною был отдан приказ о выступлении бригады на утро следующего дня, для перехода километров на пятьдесят к правому берегу Днепра в направлении на Елизаветград.

Для выступления, как обычно, приказал построить бригаду на выгоне за деревушкой, в которой расположен штаб бригады.

Это распоряжение было встречено моим адъютантом с недоумением, а потом и с опасением:

— Бригада никогда так не выступала. Полки двигались сами по себе,— убеждал меня Петренко.

— А полки строились предварительно? — спрашиваю его.

— Нет. Выезжал командир полка, а за ним вытягивались эскадроны,— отвечал Петренко.

— Но, чорт возьми,— не выдержал я,— эскадроны строились или нет?

Петренко невозмутимо продолжал:

— И эскадроны не строились, а прямо ехали — и все.

Решил убедить Петренко в необходимости построения.

— Скажите мне, как же мог знать командир эскадрона, а потом командир полка, сколько у него в строю всадников, не набедокурил ли кто-либо за ночь и так далее.

Петренко как будто поддался:

— Да, это правильно. Никак не узнаешь! Только я думаю, как бы чего не получилось?

Решив кончить этот разговор:

— Прикажите построить бригаду и встретить меня командиру двадцать первого полка. Он старший по должности.

Петренко написал приказ. Вид у него был такой, будто он подписал себе смертный приговор.

Утром, задолго до назначенного мною часа построения бригады, меня разбудил топот лошадей, крики и песни на улице. Через деревушку в беспорядке ехали конные, пулеметные тачанки и обозы. Все метнулись через деревушку к сборному месту.

Я вышел к лошадям. На дворе стояло чудесное осеннее утро. Пожалуй, слишком теплое и лучистое

для осени, до обиды ярко подчеркивавшее умирание зелени лета.

Встретил входящего в комнату Петренко.

— Ну вот видите, идут на сборное место. В беспорядке, а идут. А вы не верили в возможность этого! На час раньше собираются. Перестарались даже! — обратился я к Петренко.

Адъютант ничего не ответил, только развел руками.

Глаза Петренко прятались от меня. Я прогнал невольно набежавшее подозрение. Через час Петренко, посланный узнать, готова ли бригада, доложил, что ждут меня.

Кирюшка подвел мою гордость — серенького, и легким галопом я выехал со двора к выгону.

В полукилометре за деревушкой я видел построенную бригаду.

«Построились. Ничего, привыкнут»,— мелькнула успокоившая мысль.

Бригада заметила меня. Там зашевелились. Слегка подравнялись. Я выслал серенького, и он широким броском перешел в полевой галоп.

Молодость, солнце, отличный конь под седлом и ковер желтеющей зелени под ногами! Прекрасно!

Ближе, ближе лента шеренги. Перед бригадой на вороном коне стоит Пархоменко.

—«Почему же он не встречает меня? Пора бы»,— подумал я. До бригады осталось не больше полутораста шагов. Еще легкий толчок шенкелями и...

Случайно бросил взгляд вниз. Предо мной в десяти шагах широкий ров с водой... В одну секунду уви-

дел тысячи глаз, рассматривающих меня, и подумал: «Остановиться — значит скандал, провал, трусость!»

Давнул серого, чуть-чуть освободил ноги к кончикам стремян, и серый, как птица, порхнул через ров.

Может быть, это был только мой вздох, но будто вздохнули тысячи грудей.

Я на карьере поздоровался с полками. Пархоменко на вороном отстал от меня. Сзади слышно было подсмеивание над отставшим командиром.

Поздоровавшись, я осадил серого перед фронтом и, в коротком обращении представившись бригаде, сказал о задачах, стоящих перед нами.

Выслушали спокойно. Хотел было скомандовать бригаде «марш», как вдруг с задней шеренги двадцать первого полка визгливый голос подростка закричал:

— А вот скажи нам,— бойцы хочут знать, почему у нас меняют командиров, не дают командовать из своих, а присылают чужих, а?

В задней шеренге, стоя на коне, кричал мальчишка лет пятнадцати.

Этого выступления, очевидно, ждали. Кругом одобрительно задакали, зашумели.

Пришлось объяснить, как назначаются командиры в Красной армии, как перемещаются и продвигаются.

Малец не успокоился:

— А вот что ответь: почему обмундированья не дают? Говорили, с Польши пойдем до дому, а вот опять в другую сторону?

Это заявление не встретило прежней поддержки Сиротливо раздались выкрики:

— Да, да, конечно, чево ж...

Я ответил и на этот вопрос.

Может быть, малец еще бы что спросил, но я, воспользовавшись молчанием, скомандовал бригаде движение, и колонна потянулась.

Дорогой несколько раз пропускал части мимо себя, потом обгонял их и пропускал снова. Несколько раз пытался поговорить с бойцами и командирами, но особого радушия не встретил. Чувствовался холодок.

АВТОРИТЕТ

С ночлега написал командиру дивизии рапорт о происшедшем и просил снятия с должности командира двадцать первого полка, допустившего историю со рвом и выступление мальчишки.

После третьего перехода на ночлег бригады из штаба дивизии приехал вновь назначенный командиром двадцать первого полка товарищ Самохин.

Он привез предписание Пархоменко о сдаче полка, а мне — десять орденов Красного Знамени для раздачи бойцам, представленным к награде за бои против белополяков.

Я дал товарищу Самохину характеристику полка и направил его в полк, расположенный от меня в семи-восьми километрах, с тем, чтобы он, приняв его сегодня же вечером, завтра повел в поход.

Самохин произвел на меня хорошее впечатление. «Этот сделает полк регулярным», — думал я, отправляя его.

В десять часов утра следующего дня я, с построен-

ным на площади села двадцать вторым полком, ждал прихода двадцать первого полка, возглавляемого новым командиром.

Полк опаздывал. Сбор был назначен в девять, а сейчас уже десять. Теряясь в догадках, я смотрел на гребень высот, за которыми в пяти-шести километрах ночевал двадцать первый полк.

Чтобы выйти из неудобного положения, решил занять время вручением орденов Красного Знамени бойцам второго полка.

Вручил торжественно.

Получившие орден выезжали ко мне перед фронтом полка, я сам прикреплял им ордена и поздравлял их.

К концу процедуры кто-то обратил мое внимание на всадника, скачущего через гребень со стороны двадцать первого полка в направлении к нам. Я не придал значения этому обстоятельству.

Через пять-десять минут около меня остановился на взмыленной лошади бледный... Самохин.

— Что такое?— спрашиваю его.

— Я сейчас еду в штаб дивизии. Объясню потом,— прохрипел он и, вильнув хвостом коня, скрылся в уличке.

Объяснений не нужно было. Облако пыли на горизонте гребня объяснило все.

На площадь одиночками и колонной влетел двадцать первый полк.

— А, так ты Пархома менять, отца родного? А потом предать? Ребята, тащи его с коня! Где Пархом?—

вопило десяток глоток под акомпанемент угрюмого молчания остальных.

В первую минуту у меня мелькнуло желание пожать серого и последовать примеру Самохина. Но потом, быстро подавив в себе трусость, я спокойно сказал:

— Объясните толком, в чем дело?

Дюжина глоток заорала:

— Брось на арапа брать! Мы Пархоменка... Новый... приехал... менять... а-а...

Стараясь перекричать, воплю:

— Да не все сразу!

— Ну, вот говори ты! — обратился я к обладателю самой бандитской физиономии.

Кажется попал на главаря шумихи. Все смолкли.

— Приехал с виду еврей менять Пархома. Пархом уехал, а этот ускакал. Гнались, да ушел, а то бы дали ему полк! — пробасил главарь.

Окружающие гулом поддержали его.

— Так что вы хотите от меня? Прислал штаб дивизии! Если меняют, значит нужно! — воплю я, стараясь перекричать гул.

Главарь, пожалуй, и сам не знал, чего хотят от меня. Выручил его опять проклятый мальчишка, памятный по первой встрече с бригадой.

— А мы требуем Пархома назад. Веди нас в дивизию, — пищал он.

— Веди, и назад Пархома!—подхватили остальные.

Один из бойцов двадцать второго полка, только что получивший орден, пытался что-то сказать о незакон-

ности этого требования. Куда там! Сотня голосов моментально смяла его.

— Хорошо,— говорю,— давайте двигаться, а там на месте недалеко будет стоять и штаб дивизии. Я поговорю с товарищем Тимошенко.

Колонна бригады тронулась.

В течение нескольких часов пути я пытался добиться перелома в настроении полка. Говорил с командным составом, с немногими партийцами. Ничего не вышло. Как только полк увидит меня, так опять поднимаются разговоры о выручке Пархоменко. По приходе не успели расположиться, как у моей квартиры загудели десяток делегатов от полка.

— Полк ждет за селом, чтобы вели в штаб дивизии,— сообщили они мне.

Пришлось ехать.

Штаб дивизии занимал деревушку, разместившуюся в лощине. По обе стороны разбросались белые мазанки. Сощуришь глаза — и кажется лощина смеющимся ртом с белыми зубами-избушками.

Остановив полк за окраиной села, сам поехал к командиру дивизии.

Тимошенко знал обо всей истории, очевидно, от Самохина. Он мерил комнату двухметровыми шагами. Здесь же был и Пархоменко.

Доложил о происшедшем.

— Хорошо, поедемте, я с ними сейчас поговорю... Я им дам! — выскакивая на двор, на ходу бросал командир дивизии.

Поехали Тимошенко, я и Пархоменко.

Подъехали к полку. Там шум и крики. Я галопом перегнал Тимошенко и скомандовал: «Смирно!» Шум почти не уменьшился. На приветствие Тимошенко откликнулись с десяток голосов.

Подъехавшего комдива окружили сотни конных.

— Вы что это, партизанничать выдумали? Выборность проводить? Я вас...— бодро начал Тимошенко.

Напрасно комдив не послушал моего совета быть осторожнее. Поднялся хаос, свист, крик, ругань. Тимошенко замолчал.

— Семен Константинович,— шепчу ему,— верните Пархоменко, взяв с него слово, что он исправится сам и исправит полк, а там посмотрим.

Комдив понял, что другого выхода нет.

— Пархоменко, клянись, что не будешь партизанить, пьянствовать, что в полку будет дисциплина,— обратился Тимошенко к Пархоменко.

Тот повел глазищами и прохрипел:

— Клянусь!

— Ну, принимай полк! — сказал Тимошенко.

Пархом повернулся к полку. Будто веревку в узел завязал глазищами шестьсот человек.

— По местам! Становись! Ура комдиву!

Шестьсот глоток, захлебываясь, разметали крик.

Полк тронулся во-свояси. Я простился с комдивом и поехал, обгоняя полк, в голову колонны.

Вечер выдался холодный. Я в одной летней гимнастерке. Холодно, зуб на зуб не попадает. Это заметили ближайшие бойцы.

— Товарищ командир, да вы зазябли совсем. Братва, давай чем укутать! — заорали несколько человек.

Откуда что взялось. Вмиг постягивали с себя кто бекешу, кто башлык и так закрутили все это на мне, что дышать стало нечем.

— А ну, песенников давай сюда! Вали, ребята, для комбрига повеселей!

По колонне прокатилась залихватская разудалая песня. В сумерки въезжали в село. Полк проводил меня до дому. «Дешево купил авторитет, — думал я. — Да и надолго ли?»

Пархоменко сдержал слово. Полк блестяще вел себя на всем марше до Таврии.

7. РАЗГРОМ

ПЕРЕПРАВА

Правобережная Украина, снявшая золото жнивья с полей, осталась позади.

Дивизии Конной ночуют в восьми-десяти километрах от города Переславль.

Тихо ползет холодная осенняя ночь над Днепром. Усталые полки отдыхают. Тысячи лошадиных ртов мерно мелют свежее сено. Изредка тявкнет собака, да простучит дробь копыт запоздавшего ординарца, разыскивающего штаб.

Я прошел по эскадронам двадцать первого полка Наряд на месте. Лошади выкармливаются, бойцы отдыхают.

Как хорошо в такую ночь!

Почему сейчас так легко мне, так приятно? Я вспомнил такие же ночи четыре года тому назад. Ночи у озера Дрисвяты в 1916 г., осенние ночи в Бессарабии в 1917 году. Тогда была пустота внутри, незнание, куда себя деть, раздвоенность, сознание бессмысленности и бессилия.

Теперь полнота понимания борьбы, такая же заполненность смыслом, как полна расстегнутая грудь бодрым духом уходящей осени.

Я не спал в эту ночь.

Ярко вспомнил недавнее прошлое. До радости отчетливо всколыхнулись все детали борьбы от Умани до Львова. Как коротка ночь, когда в груди легко и в голове ясно!

С рассветом проснулась жизнь.

Напротив моих окон, в большом дворе ночевал взвод двадцать первого полка. Я наблюдал пробуждение этой своеобразной жизни.

В бели рассвета, вдоль заборов, десятка три лошадей. Лежат и стоят. Некоторые лениво пожевывают, другие, опустив голову, спят. Кучками разложены седла. Около сарая, под краем крыши, сложено оружие. Мирными безделушками выглядят винтовки и шашки. На остатках стожка сидя покачивается дневальный. Сон гнет его к сену. Вот он медленно валится на бок. Я думал, заснет. Ан нет. Встряхнулся, снял кубанку, опять надел, вытащил кисет. Начал вертеть козью ножку. Сначала медленно, неуверенно, потом быстрее. Свернул, насыпал махорки, чиркнул спичку и длинно потянул.

Из ворот к дневальному шагает командир эскадрона Ремизов. Ремизов совсем еще мальчик. Эскадрон души в нем не чает. Это исключительно сообразительный и смелый командир.

Что-то сказал дневальному Ремизов. Дневальный поднялся и вошел в амбар.

Две минуты — и жизнь проснулась. Пустой двор стал тесен. Десятки людей на ногах, лошади поднялись и сладко потягиваются.

Разобранные винтовки и шашки стали грозными.

Пять-десять минут — и взвод, как ручей в реку, стек в колонну, потерявшую голову в воротах. Два-три опоздавших бойца выскочили на улицу на галопе.

Пора и мне. У крыльца под седлом — серенький. Скромный Кирюша, как всегда, застенчиво здоровается.

Извиваясь, бригада поползла к Переславлю, на ходу всасывая в строй запоздавших одиночек. Первая и третья бригады уже прошли.

У Переславля я остановил бригаду. Надо было подождать перехода через Днепр одиннадцатой дивизии.

Маскируясь, прижались эскадроны к крайним домам города, утонули в садах пригорода, в кладбищенских насаждениях.

Около меня собрались в кружок командиры и бойцы. Пархоменко, как всегда, навеселе, а Поцелуйко ехидничает. Подошли Ремизов, Степанов и другие.

— Что-то тихо там, — указывая за Днепр, говорит Поцелуйко.

— Это потому, что тебя там нет, — улыбается Пархоменко.

Скромный Степанов доказывает Ремизову высокое назначение женщины в нашей армии. Ремизов почти не возражает на убедительные доводы Степанова, но все, что говорит этот стройный, красивый Ремизов, Степанову подозрительно.

Степанов высок, худощав, целомудрен и застенчив. Ремизов среднего роста, строен, развязен и охоч до женщин.

Разговор завертелся вокруг новостей с Дона. Говорили о неполном севе, о причинах, ему помешавших, о бандах Дона и Кубани. В разговор вступили и старые бойцы. Это особая категория людей.

В каждом полку, в эскадроне, во взводе есть старики — основоположники частей и подразделений. Они десятки раз ранены, их семьи или вырезаны, или расстреляны белыми бандами, их дома и хозяйства уничтожены с корнем. Эти люди — живая история. Они куют ее боевую мощь, поднимают уставших и отчаявшихся в части в новые и новые атаки.

Из всех присутствующих я самый молодой по боевому опыту и по работе в бригаде. При мне особенно подробно говорят о достоинствах и недостатках моих предшественников. На каждую оценку ждут моей реплики.

О том, что предстоит драться может быть сегодня же и наверное завтра, никто не обмолвился и словом.

Эта особенность в частях Конной всегда бросалась мне в глаза. Отметил ее и сегодня.

— Товарищ командир бригады, командир дивизии приказал двигаться на переправу, — подскочил связной.

Я скомандовал, и бригада эскадронами потянулась через город на переправу.

Высокий правый берег Днепра. По берегу разбросался город Переславль. По круче ползет вниз дорога к понтонному мосту через Днепр.

Вторая бригада переправляется в голове дивизии.

Мелькнула мысль: «Наверное сегодня итти в авангарде».

Там, где мост пальцами настила вцепился в берег, знакомые фигуры товарищей Ворошилова и Буденного. Здесь же стоит и командир дивизии Тимошенко.

По колонне пополз говор.

— Товарищ Ворошилов и Буденный,— перебрасываются те, что помоложе.

— Клим и Семен,— переговариваются старики, лихо сдвигая на затылок кубанки.

Надо видеть лица и слышать голоса!

Командую и на галопе подскакиваю к Революционному военному совету с рапортом.

Климентий Ефремович недоволен:

— Опять жалобы на вашу бригаду. Да что у вас, сена, что ли, не хватает? Как ночь пройдет, так вторая бригада сбарахолит сено. Почему опоздали сейчас? Торопиться нужно,— бросает он на мои доводы о неподвозе в срок сена, закупленного дивизией.

Насчет опоздания крыть нечем. Действительно, медленно вытянулись после остановки, да и шли не торопясь.

Я молчал. Бригада тянулась мимо Революционного совета.

Хороша бригада! Кони как на подбор, бойцы отлично настроены.

— Здравствуйте Климент Ефремович! Привет, товарищ Ворошилов! Да здравствуют Ворошилов и Буденный! — раздаются голоса тех, что помнят Луганск, кровь и сталь Царицина.

Климентий Ефремович улыбнулся.

У него какая-то особенная улыбка. Поднимается верхняя губа, немного в бок уходит угол рта, чуть-чуть морщится нос и лаской лучатся глаза. При этой улыбке исчезает обида. Эту улыбку помнишь недели, месяцы.

Бригада прошла.

Товарищ Ворошилов повернулся ко мне:

— Езжайте! Бригада выглядит хорошо. Только насчет сена смотрите, чтоб не получилось по-врангельски. Иначе будет неприятность.

Карьером рванулся мой серый. Захлопали перекладины моста, швыряя фонтан брызг.

Я одним броском обогнал бригаду.

МАРШ

В голове ждал приказ командира дивизии.

Армия идет в общем направлении на северо-восток и на восток к Агайману. Четвертой дивизии перерезать тылы противника, действующего на Мелитопольском направлении, занять Геническ и закупорить вход в Крым через Чонгарский перешеек. Вторая бригада идет в голове. Данные о противнике, сведения о своих, разведка и т. д.

Сразу я как-то не понял всей ответственности возложенной на дивизию задачи.

Вот тропы и дороги боя: Каховка, большое село на левом берегу Днепра, как раз напротив города Берославль. За Каховкой в километре или полуторе — окопы и проволока.

Здесь месяцами дрались наши, удерживая каховский плацдарм и переправу через Днепр. Здесь был бой вчера, позавчера. Всюду свежие следы наступления и отступления. Носом зарылась в землю подбитая трехдюймовка. Вон уродливый силуэт брошенного белыми танка.

Трупов вблизи нет. Их очевидно успели убрать.

Воображение дополняет картину недавнего боя. Здесь атаковали танки. Ползли медленно и грозно. В окопах, сжимая в руках гранаты, их ждали люди. Грохоча, приближаются стальные уроды. Крепче жмет кисть кругляш гранаты.

«Почему молчит артиллерия? Почему?»

Сзади от Каховки что-то треснуло. Наперебой заговорили орудия. Кругом танка землю подняло дыбом. В окопах загорелись глаза. Чудовище наклонилось, вертится на месте. Слетела разбитая гусеница! Людей вырвало из окопа ураганом. Воя метнулись они к танку. Из окопа с бомбами в руках.

Танк еще жив. Из бойниц его — ливень свинца на атакующих.

Смерть смеется, оскалив зубы. В смехе — свинец пулеметов. Но не скосит смерть порыва атакующих.

Смолкли пулеметы.

Танк открыл зев и выбросил людей с поднятыми вверх руками.

Части белых, сбитые у каховского плацдарма, откатились к Перекопу, преследуемые пятьдесят первой стрелковой дивизией. Конная армия идет левее, выходя навстречу кутеповским частям, дерущимся южнее

Александровска и у Мелитополя. Четвертая дивизия брошена в глубокий тыл белых.

Почти пятьдесят километров прошла дивизия в направлении на Геническ.

Села и деревни по пути носят следы боев.

Ранние сумерки поздней осени принесли легкий морозец.

Вторая бригада с штабом дивизии остановилась на ночлег в Воскресенске. Село на две трети разрушено, сожжено и объедено. В избах полегли штабелями,— не пройти. Сон сковал жизнь.

Я проснулся ночью от говора и какой-то обрушившейся на меня тяжести. В избе по спящим ходят десятки людей.

На мне сидит командир первой бригады Маслак.

Яркая фигура. Седеющий, среднего роста, необъятных размеров. Характерное лицо.

— Вставай, бисов сын! Хвате поспав. Дай и мини,— грохочет Маслак.

Пришлось потесниться, нагромоздить на спящих первую бригаду, проплутавшую всю ночь в поисках ночлега.

Утром тронулись дальше. В голове шла третья бригада, за ней первая, а моя в резерве.

Мы с Горбачевым, прежде чем двинуться в поход, построили полк. А Маслак, верный привычке, выехал сам, свистнул и, не дожидаясь сбора частей, поехал дальше. На свист «батьки» из дворов посыпались на галопе эскадроны, взводы, одиночки.

Дивизия шла по степному простору двойной колонной.

Приказано двигаться быстро и без шума. Здесь — живой тыл белых.

Третья бригада донесла о достижении имения Аскания Нова, оказавшегося колоссальным зоологическим садом. Там захватили стражников и управляющего, посаженных бывшим владельцем.

Подошли к имению главные силы. Тут, действительно, неисчислимые богатства. По степи на свободе разгуливают стада страусов и антилоп. В прудах парка плавают диковинные птицы.

Помня приказание Климентия Ефремовича, я следил в оба глаза за своими хлопцами. Но как ни следил, а проворонил.

Соблазнили ребят ядреные, курдястые овцы, огромными стадами разбросавшиеся по степи. Они оказались породистыми. С десяток я выручил, но до десятка успели съесть.

К вечеру мы вошли в большое село и стали там на ночлег. Здесь мы голыми руками заграбастали коменданта и пристава, безмятежно распивавших пивцо и никак не соглашавшихся верить, что мы — красные. Ночью крестьяне сообщили нам о том, что в соседнем селе в шести-семи километрах от нас расположена какая-то белогвардейская школа. Соблазн захватить свеженьких прапоров пересилил усталость. Два эскадрона с орудием выступили на эту операцию.

Вернулись к рассвету.

Налет не удался. Школу предупредили и она ушла, пользуясь темнотой.

Я ночевал в доме местного священника. Старый огромный поп, вздыхая, поделился со мной своим горем. У белых служит «насильно взятый» его единственный сын.

— Просьба отца. У вас тоже есть отец. Поймите меня. Если встретите сына, пожалейте его. По глупости пошел он,— упрашивал батя.

— Значит, ушел к белым не насильно, а по глупости? — ловлю попа на слове.— Так почему же вы не остановили его, не убедили не делать этой глупости?

Поп сконфуженно моргает глазами. Не думал я встретиться с ним еще раз, а пришлось.

ЗАХВАТ

В эти памятные дни солнце начинало свой путь ярким полыхом. Начинало и кончало его, золотя горизонт.

Бригады шли голова в голову, отливая серебром и медью шашек, сталью винтовок.

В авангарде — первая бригада, в главных силах — вторая и третья.

Из разъезда на взмыленном рыжем коне подскочил к командиру дивизии боец с донесением. Дымится на морозе вспотевшее лицо.

— В селе Ново-Михайловском расположен только что отмобилизованный белыми полк,— задыхаясь бросает боец.

От дивизионной ленты оторвался авангард. С каждой секундой просвет увеличивается. Хвост авангарда

все дальше и дальше. И вот вдалеке, там, где силуэт села,— затрещали винтовки и пулеметы.

Видно, как бригада петлей захлестнула село.

Вошли в Ново-Михайловку и главные силы. На окраине — сотни пленных. Враги смеются.

— Сдались. Стреляли, пока ахвицеры не убежали! — кричит курносый и машет шапкой.

За противоположной окраиной села десятка два тел прижались к земле. Лежат, как кого согнул клинок. Белеют на желтом ковре жнивья. Их английское офицерское обмундирование нам пригодилось.

Катятся дальше бригады, вызванивая подковами, вытанцовывая птицами-копьями.

По колонне порхнул крик:

— Аэроплан!

Шесть тысяч глаз засверлили горизонт. Гудит... Нашего не может быть,— только противник.

Пропали красные знамена, сразу почернели колонны. Аэроплан прошел над колонной, высматривая как коршун. Высоко, плохо видно. Повернул обратно.

Чуть не по головам отбивает дробь пропеллер. В колонне не выдержали: трахнули залп. Коршун сразу рванул к облакам.

«Догадался или нет?»

Не прошло и получаса, снова гудит. Идет прямо навстречу. Распустил хвост... Черная точка жужжит к земле. Грохнуло в голове колонны. Еще раз присел на хвост... другая точка взметнула столб огня в середине. В колонне не дрогнули. Только чуть-чуть раздались. Кто-то закричал, застонал.

На земле лежат три-четыре лошади. Они живые, а нутро наружу. Кругом пятна крови. Теплая, с паром. Выскочили вперед санитарные линейки: четверо убитых и шесть тяжело раненных бойцов и командиров.

Коршун опять пропал впереди.

На горизонте вьюном ползет вверх дымок. В бинокль видно станцию и влево от нее село.

Быстрее, быстрее ползет лента бригад, торопится дойти.

Станцию и село видно уже простым глазом. На станции дымки паровозов. От нее навстречу дивизии отделилось несколько всадников. Двинулись уверенно. Остановились... Передний всадник смотрит в бинокль. Внимательно смотрит.

Вдруг резко опустил бинокль и вильнул назад к станции.

Первая бригада вихрем метнулась к дымкам паровозов. Третья отлетела вправо к силуэтам построек вдали. Вторая оставлена в резерве.

От станции к Мелитополю выбросился паровоз.

Командир дивизии помчался с первой бригадой.

От меня в полутора километрах село — перед ним блестит сталь дороги.

Первая бригада атакует станцию. Там стрельба. От станции покачивается эшелон. Слышно, как, буксуя, пыхтит паровоз.

Нельзя бездействовать!

Бросаю части наперерез эшелону и на село за полотном. Эскадроны полетели. Успеют ли? Успели.

Эшелон стал. Около него вспыхнуло несколько выстрелов.

Первый эскадрон вскочил в село.

Я с оставшимся двадцать вторым полком — в полукилометре от села.

Всего села не охватили.

Навстречу выскакивают повозки. Думали уйти и попали прямо в лапы.

Несутся мимо полка.

В одну секунду бросились эскадроны прыжком с коней на подводы.

— Стой, стой!

Не успел оглянуться, а у подвод вывернули нутро, лошади перепряжены, хорошие уже под седлом.

Въезжаем в село.

Обстановка ясна. Захвачен тыл армии Кутепова. Кутепов не поверил летчику, сообщившему о движении красных, и выехал сам навстречу дивизии. Ждал своих. Еле успел уйти на паровозе.

Эшелон со снарядами и оружием перехвачен. Машиниста расстреляли: он оказался белым и стрелял по тем, кто остановил паровоз. Послана разведка, выставлено охранение.

ПЛЕННИЦЫ

На площади села вижу что-то непонятное. До сотни женщин в пальто всех возрастов и мастей. Построены...

— Смирно!.. Товарищ командир,— так что жены белых. Взяты в плен. Курс держали на Москву,— докладывает, прячась в улыбку, боец двадцать первого полка.

Кругом петухами похаживают ребята помоложе и поотчаяннее.

Приказываю поместить пленниц в школу и поставить караул. Кто-то предложил раздать «трохвей» под охрану полков. Я отклонил предложение:

— Так будет спокойнее.

Расположились: третья бригада — около Геническа, первая в центре, вторая на станции и в селе Ново-Алексеевке.

Задачу выполнили. Путь белых в Крым отрезан, весь тыл армии взят в плен вместе с американской миссией, десятком попов и огромнейшим запасом оружия, огнеприпасов, снаряжения и продовольствия.

Теперь жди противника со всех сторон. Первой плотиной на дороге в Крым — вторая бригада.

На всем пути от села к Мелитополю выброшены глаза и уши. Щупальцами — разъездами, дозорами и патрулями — шарит дивизия.

Я приказал командиру двадцать первого полка Пархоменко взорвать в пяти километрах от нас железнодорожный путь, чтобы бронепоезда не попотчивали нас гостинцами.

Вечером, отдав все распоряжения, я вошел в отведенную мне на площади картиру. С наслаждением сбросил я бурку и кожанку со всеми боевыми атрибутами.

Как гора слезла с плеч. В комнате светло, чисто, уютно. На столе мурлыкает начищенный, приготовленный суетливою хозяйкою верно для какого-нибудь полковника самовар.

Будто и не воевал.

Кирюша успел съездить на станцию. Он привез съедобные «трофеи».

На столе появились консервы всех сортов, печенье, свежие фрукты

Смотрю — Кирюша что-то жмется, чаще обыкновенного сморкается, покашливает.

— Что там у тебя? — говорю.

Краснея и не глядя на меня, он бормочет:

— Да вот ребята говорят: на, отдай комбригу. Я говорю, не пьет он. А они свое: это, говорят, сладкое, заграничное. Да вот, вот...

Из кармана шаровар Кирилл никак не вытянет какую-то объемистую бутыль.

— Вот она. Шпанская, что ли, называется.

— Ты что же это, споить меня хочешь? — смеюсь я.— Куда же ты? Нет, голубь, стой. Давай тогда вместе пробовать.

Кирюша тоже не пьет. Я еле уговорил его. Порядком повозившись с проклятой пробкой, разлив половину бутылки, мы выпили с ним холодной, шипучей, приятно согревшей нутро жидкости.

— Хорошую штуку пьют буржуи! — вытирая губы краем скатерти, бормочет Кирюша.

— Понравилась? Смотри не втянись,— отвечаю ему.

Не успел я написать донесения командиру дивизии, как в комнату ввалился боец из комендантского взвода.

— Товарищ комбриг, вас просят повидать плэнницы-бабы. Я привел делегатов ихних.

«Вот еще удовольствие! Что им надо от меня?» — подумал я с досадой.

— Ну, давай их сюда.

Боец вышел.

Через минуту за дверью послышались легкие шаги. Несколько мгновений замешательства. Слышно голос бойца:

— Чего ж? Просили, просили, а теперь боитесь? Не съест. Командир что надо. У вас таких нет. Хилые все, а этот — во!

Аргумент подействовал. Дверь открылась.

— Позвольте,— раздалось сразу два голоса.

Встав из-за стола, я любезно пригласил:

— Пожалуйста.

Вошли четверо. Боец остался за дверью в соседней комнате.

Передо мной стояли четыре красивых женщины в возрасте что-то между восемнадцатью и тридцатью.

Я видел виды, но тут немного растерялся. Минуты две обе стороны пристально рассматривали друг друга.

Предложил сесть.

На столе самовар, всякая снедь, непочатая вторая и последняя бутылка шампанского.

Вижу, у «делегации» глаза внимательно прыгают по столу.

— Не угодно ли? — предлагаю.

Согласились.

Стали разливать чай.

Одна из посетительниц предложила:

— Разрешите, я похозяйничаю?

— Пожалуйста, пожалуйста,— говорю я и, повернувшись, опрокидываю налитый стакан чая.

Чорт побери! Раньше руки были как руки, не мешали, а сейчас стали как оглобли. Тесно им в комнате.

Началось чаепитие. Пьем, едим и молчим.

Дурацкое положение. Наконец, деликатно намекаю:

— Вы что-то хотели мне сказать?

Одна, очевидно, постарше, а может быть просто посмелее и опытнее, выглянув из-за самовара, ответила:

— Нас прислали задержанные, то есть пленницы, во-первых, поблагодарить вас, а во-вторых, просить разрешения собрать по нашим квартирам оставленные вещи.

«Эх, голубушки,— думаю,— от ваших вещей и духу не осталось. В месяц не найдешь!»

Однако деликатно отвечаю:

— Красная армия с пленными всегда так обращается. Относительно ваших вещей сегодня ничего не обещаю, а завтра, что можно будет, сделаю. Как-нибудь соберем ваши вещи.

Опять замолчали. Неудобно как-то. Попросить уйти — неловко. Сидеть болваном — и того хуже. Попробовал опять угощать снедью.

Ничего,— снова заработали вилками и ножами.

Минут через десять-пятнадцать делегация поднялась. Та же говорунья рассыпалась опять:

— Разрешите еще раз благодарить вас за все, за все... Пожал всем руки. Повернулись и шагнули к двери. Наконец-то!

Нет, опять вернулась огненная говорунья:

— Может быть вы позволите, я останусь, уберу у вас здесь. Вы такой беспомощный,— улыбается она.

Вот оно! А там еще скажет: я поеду с вами,— вам так нужна женская заботливая рука. Нет, покорно благодарю, дудки!

Очень вежливо благодарю говорунью и ссылаюсь на скорый приход командиров с докладом.

У двери она еще раз повернулась, как-то особенно выгнулась и обдала глазами, как кипятком:

— Спасибо, спасибо. Мы никогда не думали, что в Красной армии такие командиры. Такие... такие...— И, не кончив, она скрылась за дверью.

Думали до Москвы добраться. Всех нас сиволапыми сифилитиками считали.

Вот завтра пошагаете у меня в тыл, этак километров за сорок вместе с вашим «доблестным воинством».

Хорошо, что проводил нежданных гостей.

Через двадцать минут пол соседней комнаты заныл на разные голоса и в рамке скрипнувшей двери, закупорив ее, появился командир дивизии.

— Здорово, победитель! Я со штабом ночую у вас в селе. Здесь рядом отвели квартиру. Ну, как дела?

Я отрапортовал командиру дивизии об обстановке и предложил подкрепиться. Комдив сообщил подробности захвата станции и действий третьей бригады. Станция была взята буквально с налета. После бегства генерала Кутепова оставшиеся работники штаба окончательно растерялись. Когда полки уже пошли в атаку,

часть офицеров бросилась к винтовкам и, подняв комендантскую команду, открыла по атакующим огонь. Безудержной атакой сопротивление было сломлено.

Под вагонами, в вагонах, в щелях станционного поселка вылавливали штабной сброд.

Кого только здесь не нашли! Служители Христа, намалеванные подруги жизни, американская миссия с белогвардейским аппаратом обслуживания...

В составах и на складах забрали огромное количество нового оружия. Американская миссия видно работала не плохо: снаряжения, продовольствия было достаточно и до неприличия много спирта и всевозможных вин.

Не обошлось без курьезов.

По обыкновению, сейчас же занялись вопросом самоснабжения. Обмундирование с польского фронта пообтрепалось, штаб Кутепова одевался со вкусом,— ну и переоделись на ходу. Второпях не посчитались с «неприкосновенностью» господ американцев.

Джентльмен, лишившийся дара слова и мычанием пытавшийся что-то сказать, был не совсем деликатно раздет. Что делать, спешка!

В бельишке,— правда, добротном,— «миссионер» погулял часика два по морозцу.

«Культурный человек» в кальсонах на тощих американских ногах особенно плохо чувствовал себя перед женщинами. Хоть пленные, а все же дамы!

Выяснив «неприкосновенность», водворили отобранные штаны и смокинг на штатное место.

Курьезы с миссией продолжались и позже в Револю-

ционном военном совете, куда ее доставили в срочном порядке как скоропортящийся груз.

Климентий Ефремович, сощурив глаза, истязал американца расспросами о «функциях» миссии, впечатлениях, наблюдениях.

Буденный долго не хотел выходить к американцу. Его еле убедил Климентий Ефремович.

Выйдя, Семен Михайлович крутил усы и молчал, американец же, захлебываясь, распевал о достоинствах Красной конницы.

Миссию отправили в Москву.

В итоге двухдневной работы четвертая дивизия блестяще выполнила задачу. Наши конные полки прорезали тыл белых, как каравай.

Вход в Крым, как горлышко бутылки, был заткнут — пробкой из штыков, клинков и орудий.

Дивизии Конной армии дрались вне связи с нами у Агаймана и Отрада. Подробности боев были нам неизвестны.

Возникал вопрос, что делать сегодня ночью и завтра. Тимошенко спросил моего мнения.

Я предложил командиру дивизии после двухчасового отдыха итти через Чонгарский перешеек в Крым и громить глубокие тылы противника. Чтобы не дать возможности отступающим белым войскам войти в Крым, мост перешейка взорвать.

Мое предложение понравилось Тимошенко. Но лицо его выражало колебание. Во-первых, он предвидел невозможность получить санкцию РВС и поддерживать с ним в дальнейшем связь.

А во-вторых, хватит ли сил у конского состава пройти за ночь шестьдесят-восемьдесят километров, вероятно, с боями и в первый же день проскочить от Чонгара до Перекопа?

Мы долго взвешивали все за и против. Итог оказался неутешительным. Решающий фактор — безводье перешейка и угроза с моря — аннулировали марш в Крым.

Комдив решил, повернувшись фронтом к Мелитополю, разведать противника и, связавшись с армией, драться на путях к Чонгару.

Принятое решение для командира то же, что для химика новое вещество, для хирурга — удачная операция. То, что казалось до этого тяжелым, стало теперь легким, простым и понятным.

Комдив ушел.

Половина длинной зимней ночи была еще впереди. Меня потянуло к широкому дивану. Он гостеприимно крякнул под моей тушей. Я сейчас же заснул, но спать мне не дали. Всю ночь будили.

Большинство отходивших белых частей не знало о занятии Ново-Алексеевки. Они ехали спокойно в свой тыл.

В одной из застав двадцать первого полка разыгралась забавная сцена.

— Стой! Кто едет? — кричит часовой.

— Свои! Дроздовского полка, в штаб,— отвечает сердитый голос из глубины енотовой шубы

Минута молчания. Экипаж трогается дальше.

— Да стой ты! — опять вопит часовой.

Из экипажа несется:

— Дурак, говорю, — еду в штаб. Я полковник Иваницкий. Идиот, пошел!

— Я ничего не знаю. Сейчас вызову караульного начальника, — говорит часовой.

— Вот идиотская образина! — ворчит енот.

Но ничего не поделаешь, надо ждать.

— Ну зови, зови, скотина! — взвизгивает шуба.

На окрик часового бегут двое. Часовой что-то шепнул подбежавшим. Те осторожно подходят. Можно подумать, что боятся разгона за несообразительность часового. Подошли. Темно. Не разберешь, кто это в бурках и башлыках. Из экипажа несется визг:

— Какого чорта ваш...

— Ну вылазь, вылазь, благородие, скидывай шубу!

Две пары сильных рук в одно мгновение выкинули владельца из енота. И рта не открыл полковник,— обезоружили и приволокли в штаб.

Так всю ночь. Капитан, полковник, казначей...

Успокоилось к рассвету.

БОЙ

Что это — продолжение сна или ворвалось откуда еще?

Проснувшись от грома, я не мог дать себе ясного отчета. Несколько мгновений вслушивался.

За окном на площади, вот здесь, рядом, опять громыхнул разрыв снаряда. Это уже явь. Прыжком бросился к окну.

По площади ползет дым разрыва.

Через площадь в улички и переулки одиночками и группами скачут конные.

— Товарищ командир, белые подходят к селу! По селу бьет бронепоезд! — кричит, распахнув дверь, мой адъютант Петренко.

— Бом... Бум... взы... вы... зыы...

Выстрел и разрыв одновременно. Значит, бронепоезд близко.

— Как же он подошел? Я приказал Пархоменко взорвать пути... — обращаюсь я к Петренко.

Пархоменко рвет и мечет. Он еще вечером послал взорвать, а эскадрон только разобрал рельсы. Бронепоезд подполз, исправил, и вот...— разводит руками Петренко.

Быстро натягиваю ремни, застегиваю пряжки. На ходу бросаю Петренко:

— Что известно о противнике?

— Противник подходит к окраине села. Больше полка пехоты. Офицерский! — кричит сзади Петренко.

У крыльца танцует серый. Кирюша уже в седле. Значит, положение и впрямь корявое.

Прямо с крыльца вскочил в седло. Петренко опередил. Он уже сидит на своем Вьюне.

Чаще тявкает бронепоезд. Вся восточная окраина села трещит винтовками и пулеметами.

Обращаюсь к Петренко:

— А где товарищ Тимошенко?

— Его никак не разбудят. Опять адъютант побежал,— отвечает Петренко.

Подскочил ординарец:

— Товарищ командир, вся бригада стянулась за селом. Впереди один эскадрон. Батарея у железной дороги.

Голопом подлетели ко мне связные и комендантский взвод.

— Товарищ Петренко, вышлите три боевых разъезда. Первый по железной дороге — выяснить силы и направление наступающего противника. Второй на окраину села с той же задачей. Третий направо до хуторка — узнать, занят ли хуторок, остаться там и наблюдать противника. Я буду у железнодорожной будки. Полкам ждать приказаний за селом.

— Понятно! — кричит Петренко.

Карьером оторвались боевые раъезды и скрылись в уличках площади. На огромном сером коне подскочил товарищ Тимошенко. В двух словах доложил ему обстановку.

Мое решение сводилось к тому, чтобы, избегая уличного боя, вытянуть противника за село и, выяснив его силы и группировку, атаковать.

Комдив согласился с этой наметкой действий и, звякнув подковами, полетел по направлению к станции.

Вернувшийся адъютант командира дивизии передал мне приказание последнего: учесть разбросанность бригад дивизии и невозможность их сосредоточить раньше, чем через час.

За северной окраиной села, между мельницей и полотном железной дороги работает батарея бригады. Командир батареи — Шаловалов.

Шаповалов на градусе, здоровяк, косая сажень в плечах, голосина — иерихонская труба.

Это артиллерист самородок. Чортовски смел, а стреляет — залюбуешься.

Я стал за будкой, пытаясь в мути рассвета рассмотреть наступающего противника. Отчетливо виден силуэт бронепоезда. Орудийная прислуга работает отлично, ведет огонь орудием, как батареей. Но попадания слабы. Дуэль между бронепоездом и Шаповаловым в разгаре. Шаповалов действует удачнее. Бронепоезд то-и-дело меняет позиции.

Вдоль полотна ползет пехота противника. Наступает цепями.

Отчетливо вижу первую, вторую... Цепи длинные, густые.

От станции к будке пробрался Тимошенко с несколькими всадниками. По будке зацокали пули. Я получил донесение от полков: двадцать первый стоит в лощинке в одном километре за селом, а двадцать второй у станции, уступом слева и сзади.

Посылаю командиру батареи Шаповалову приказание об отходе. Он впереди бригады. Эскадрон двадцать первого полка, дравшийся на восточной окраине села, отошел на присоединение к полку.

Шаповалов артачится:

— Я разобью всех! Ликвидирую бронепоезд!

Повторил приказание. Шаповалов отошел буквально под носом противника.

Пора уходить и нам. Местами поодиночке отскаки-

вать к станции. По чьей-то подкове, взвизгнув, цокнула пуля. Я отскочил к двадцать первому полку.

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА

Полк — в складке. Всадники пригнулись к шеям лошадей.

Складка небольшая, видны спины согнувшихся. Спасает легкий утренний туман, стелющийся над землей тонкой вуалью.

Впереди на вороном Пархоменко. Глаза навыкате в кровавой сетке. Он немногословен. Его распоряжения коротки.

В третьем эскадроне вижу Ремизова. Он очень спокоен. Будто идет на свидание этот щеголеватый, чисто выбритый молодчик.

В эскадронах тишина. Разве кто уронит шопотком одно-два слова. Ни в одних глазах ни намека на страх. Из села выскочили остатки эскадрона. Прильнув к гривам коней, вихрем промчались всадники правее полка.

Влево у станции виден двадцать второй полк. Послал к его командиру ординарца с приказанием атаковать противника, по выходе последнего из деревни, уступом за атакующим двадцать первым полком.

На окраине села появились первые ласточки с блестящими погонами. В бинокль видно несколько десятков пар погон. Уж не офицерская ли рота?

Белые наступают не торопясь. Идут выпятившись во весь рост, похлопывая из винтовок. В направлении балки, где стоит наш полк, наступают до двух рот, а правее на отдельный хуторок движется одна.

Противник заметил горбы полка. Пули зашлепали по колонне. Пархоменко взглянул на меня и выхлестнул шашку.

— Давай, атакуй на село и займи его! — бросаю ему.

Как меняет человека минута высшего напряжения, минута опасности!

Пархоменко весь загорелся.

— Ну, братва, в атаку! Чтобы ни шагу назад!

Над полком молнией блеснула сталь клинков. На фланги рванулись тачанки с пулеметами. Ухнули орудия батареи. И семьсот коней, распластываясь на ходу в звенья длинной цепи, ринулись в атаку.

Оглядываюсь на двадцать второй полк. Он еще на станции. Посылаю вторичный приказ об атаке.

Со мной двадцать человек — комендантский взвод и связные от полков.

Атака встречена бешеным огнем. Полк летит почти без потерь. Вот одна, другая лошадь без всадников, увлеченные общей лавиной, продолжают полет смерти.

Полк подскочил к наступающим. Стрельба смолкла. Роты подняли руки. Только окраина села продолжает лаять свинцом. Полк атакует село.

Что это?

Винтовки и пулеметы затарахтели справа. Бьют во фланг и в тыл атакующего полка. Две роты белых, бросившие винтовки при атаке их полком после того, как последний прошел, схватили винтовки и открыли огонь в спину полка.

С правого фланга по полку стреляет рота белых, за-

нявшая хуторок и теперь выдвигающаяся к лощине, из которой атаковал полк.

— Товарищ командир, весь полк побьют. Давайте в атаку на них,— с дрожью в голосе говорит связной, старый боец полка.

От станции ни ответа, ни привета. Двадцать второго полка нет. Надо выручать двадцать первый полк. Он почти у окраины села. Надо атаковать.

Двадцать два человека без команды звякнули выхваченными клинками и бросились на роту. Она перенесла огонь на нас. Около меня падают убитые и раненные.

Страшная боль в боку, толчок. Я не удержался в седле, упал. Но повода не выпустил. Ярко врезалось в память — след крови на изморози и пар от нее.

В полутораста шагах от меня пехота белых. Моя блестящая шашка и серый конь расшифровали командира. Там решили взять красного живым. Несколько человек бросились ко мне.

Пробую сесть в седло — не могу поднять ноги. Лошадь вертится. Пробую бежать — задыхаюсь.

«Неужели рана в живот?» — почему-то прыгает мысль. Оглянулся.

Преследующие приближаются с каждой минутой. Делаю нечеловеческие усилия. Проклятая боль связывает ноги. Не могу поднять их. Начинает охватывать отчаяние. Еще несколько шагов — и упаду.

Слева наперерез летит пулеметная тачанка четверней.

— Товарищ командир, ложись, ложись!

Лошади рвутся вперед. Сзади крик:

— Стой, стой!

Несколько выстрелов.

Пулеметчик толкает меня, и я, волоча ноги по земле, бросив серого, ложусь в тачанку.

Четверка рванула и понесла к станции. Сзади такает стрельба.

Ездовой вскрикнул и опрокинулся на меня. Четверка свернула круто влево.

Чувствую на себе умирающую жизнь. Бульканье и мелкая дрожь. Пулеметчик схватил вожжи, и четверка вновь понесла к станции. На станции перевязочный пункт. У меня пуля пробила коробку маузера, скользнула по его дулу и застряла где-то в бедре. Наспех сделана перевязка, и я ковыляю из избушки на двор.

Противник кроет по станции снарядами из бронепоезда и орудий.

Откуда-то подскочил Кирюша в экипаже. Я хотел спросить, где серый,— вдруг вижу — на нем сидит мой повозочный.

У Кирюши в бричке уйма какого-то барахла.

— Что набрал? — спрашиваю.

— Да все нужное: папиросы, сапог три пары и еще кое-что,— отвечает Кирюша.

Я не могу ехать сидя.

Откуда-то добыта крестьянская телега, меня укладывают в сено, бойкая пара крестьянских лошаденок подхватывает. За телегой тронулся экипаж «с трофеями», за экипажем фертом на моем сером гарцует повозочный.

«Как после пьяной свадьбы провожают дружка»,— подумал.

Сзади гудело и такало. Приподнявшись, взглянул назад и влево. От села и станции тучей ползла пехота, а вдоль полотна железной дороги двигалась конница. Около станции и на станции мотались части дивизии.

Меня догнал Петренко. Он передал подробности боя.

Двадцать второй полк так и не ходил в атаку,— Поцелуйко «сманеврировал».

Двадцать первый полк ворвался в село, крошил белых, как капусту, но должен был отскочить, так как в селе было до дивизии пехоты противника.

Бригада беспокоится обо мне. Создалось впечатление тяжелого ранения. Почти одновременно со мной был ранен товарищ Тимошенко, пуля догнала и шлепнула начподива Пожарского. Третьей бригаде пришлось прорваться сквозь плотину белой конницы. Комбриг Горбачев на Мишке мотался зверем. Бригада вырвалась, а Горбачев ранен. Дивизией командует Маслак. Он по обыкновению пьян. Белые прорвались в Крым, но отходят в панике, бросая все. Дивизия сидит у них на фланге. Противник измотан, но и дивизия не может решать положение. Ранен командир дивизии, два командира бригад, один командир полка, пять командиров эскадронов и убито шесть командиров взводов.

Петренко рассказывал, подвода катилась, а голос умирающего боя доносился все глуше и глуше. Боль перешла почему-то из бедра в поясницу и плечо. Нуж-

но ехать в Переславль. Раньше, чем через двое суток, не добраться. Вот какое-то село. Знакомые окраины.

— Да это Воскресенка! — кричит Кирюша.— Товарищ командир, не заехать ли нам переночевать на старую квартиру?

Боль усиливается. Бинты покраснели.

— Давай, заезжай,— отвечаю.

Опять судьба свела увидеться с тобой, старый огромный поп!

После ночевки в Воскресенке еще день пути по знакомым местам, мимо Аскания-Нова. Здесь на коротком привале встретил управляющего делами Революционного военного совета товарища Орловского.

Сергей Николаевич Орловский — редчайших качеств человек. Сухой, несколько сутуловатый, выше среднего роста, с лицом мыслителя, с удивительно внимательными и добрыми глазами. Отличный товарищ, неподкупно-честный и прямой.

Климентий Ефремович всецело доверяет этому человеку, считается с ним и дорожит им.

От Сергея Николаевича я узнал о Тимошенке и Горбачеве: их провезли в Переславль несколько часов тому назад,— и подробности боя под Отрадой.

На село Отрада, где расположился Реввоенсовет с Особой бригадой, обрушились дивизии белых.

На улицах села забушевал бой. Эскадроны и сотни псами прижались к избам и дворам. Лают пулеметами, тявкают винтовками, визжат шрапнелью. Подстерегают из-за углов клинками и пиками.

На Климентия Ефремовича наскочил казак с пикой. Втыкает пику раз, другой... Спасает бурка. Еле выворотащив негнущейся от мороза рукой револьвер, Воротилов несколько раз стреляет впустую. Казака застрелил ординарец. Пика отлетела к забору. Конь потащил запутавшегося в стремени казака.

Бригада дралась до вечера, а в сумерки опять забрала Отраду у белых.

Снабдив съестным и советами, Орловский проводил меня дальше.

К вечеру меня привезли в город Переславль и направили в лазарет. Он был переполнен ранеными и больными. Теснота, вонь и грязь.

Я решил лечиться при части. Неделю пробыл при обозе второго разряда и поехал к бригаде.

Приехал в расположение своих частей вечером. Бригада остановилась в большом селе в нескольких километрах от Перекопа. Вечер приезда надолго останется в памяти.

До поздней ночи бойцы и командиры всех эскадронов в одиночку и целыми взводами приходили взглянуть на комбрига. В бригаде ходила, вырастая в гору, легенда о героизме комбрига, бросившегося выручать полк.

Под Перекопом шли бои. Ночью горизонт полыхал огнями выстрелов и ракетами. Конная армия готовилась, после овладения нашими частями Перекопом, к броску в Крым.

День и две ночи под Перекопом.

С каждым часом росла уверенность в приближающемся конце Белого Крыма.

Туда, к багровому горизонту, дымному днем, как фабричная окраина города, и багряному ночью, шли и шли новые части, везли снаряды и припасы. Перекопская мельница все перемалывала в дым, кровь и смерть.

В нескольких километрах от меня на валах и в канавах Перекопа, в топи сивашей решалась участь Крыма. Я наблюдал тех, кому непривычно ждать. Большинство чутко-настороженно. Меньшинство устроило пьяный дебош: было трудно оставаться без дела.

Днем мою дрему нарушили стрельбой и криком на улице. Выбрался посмотреть. Несколько пьяных бойцов двадцать первого полка, разогнав прохожих, с песнями и стрельбой двигались по длинной улице. Я сейчас же позвонил Пархоменко и приказал прекратить безобразие. Через двадцать минут улица опять жила нормальной жизнью.

Ночью набатом подняло известие о взятии Перекопа и Юшуня.

Конец отсидке!

Утром бригада, развернув полки, ждала команды марша.

В двадцать первом полку, в строю белеет до десятка повязанных голов.

Пархоменко сообщил подробности:

— Несколько молодцов перепились вчера, хулиганили, и я их поучил.

Около десятка километров процокала дивизия по тронутой первыми морозцами звонкой дороге.

Вот и Перекоп.

Все знали историю кровавой борьбы за Перекоп. В строю стояла тишина. Вот Турецкие валы. Между валами глубокая канава. Проволока плющем обвивает склоны. Кругом сотни воронок от разрыва снарядов.

Части бригады прошли через валы в углубление, как в ворота. Несколько огромных, очевидно морских, орудий, брошенных белыми, задрали головы в небо, словно замороженные тишиной.

Вдали — остатки Армянского базара. Два-три уцелевших дома из сотни.

Гигантским костлявым призраком стоит Армянский базар на часах у Перекопа.

Дальше, дальше звенят подковы. Направо и налево сиваши. Спокойная гладь. Тысячи прошли, сотни полегли, а следа не осталось. Мертвая пустыня.

Тянутся обозы тех, кто уже прошел через нее, да рысит наша дивизия.

Прошли и неприступные твердыни Юшуня. Специалисты Франции и Англии, несколько месяцев тому назад осматривавшие их, убеждали весь мир в их неприступности. Люди с красными застежками на шинелях, с красными знаменами в руках пришли и взяли эти твердыни.

Каждый аршин земли здесь кричит о сверхчеловеческом напряжении. Еще больше безмолвных свидетелей поражения и бегства.

Темный вечер приветливо замигал огоньками. Это

на уцелевших хуторках у немцев колонистов. Дивизия стала на ночлег. Ложились с одной мыслью: завтра к берегам моря. Туда, где теперь тысячи, потеряв все, ищут дорогу через морскую ширь. Скорей конец! Завтра, завтра...

Рассвет поднял людей и лошадей. Быстрее обычного оторвалась дивизия от логовища и опять зазвенела подковами, затарахтела тачанками в беге к морю.

Дошли почти до Симферополя. Как мы ни торопились, а не успели. Тысячи нашли дорогу через море, а десятки тысяч сложили оружие.

Внешние фронты кончились.

Москва, 1929—1930 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 5

1. Развал.

Конец семнадцатого года 7
Последние судороги 13

2. Дома.

Семья 22
Комиссар милиции 25
Комендант 30

3. На коня.

В Красную армию 41
Немцы Поволжья 47
Марш 59

4. В Первую Конную.

Весна на Дону 69
Через Украину 76
У ворот фронта 83

5. В боях.

Первые шаги 92
Глаза молодости 95
К Новоград-Волынску 100
Особая группа 103
Неудачный рейд 110
Кременец 114
Радзивилов—Броды 117
Налет 123
Ночью 132

В кольце 140
Прорыв 146
Конец фронта 154

6. В Таврию.
На новой работе 173
Встречи 181
Авторитет 189

7. Разгром.
Переправа 195
Марш 200
Захват 204
Пленницы 207
Ночь в тылу 212
Бой 216
Последняя атака 220